

**ИЗДАТЕЛЬ И УЧРЕДИТЕЛЬ
НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ ДЕЛОВОГО И
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО
ОБЩЕНИЯ В СФЕРЕ БИЗНЕСА**

2306-1286 (Print)

2541-7614 (Online)

**ВОПРОСЫ
ПРИКЛАДНОЙ
ЛИНГВИСТИКИ**

Выпуск 4 (40)

Москва

2020

Издатель и учредитель:

«Некоммерческое партнерство «Национальное Объединение Преподавателей Иностранных Языков Делового и Профессионального Общения в сфере бизнеса», созданное при поддержке РУДН
Адрес: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА:

Малюга Е.Н., академик РАЕН, доктор филологических наук, профессор (ответственный редактор, Москва, РУДН),

Бауэр Карин, доктор, профессор (Канада, университет Макгилла),

Битти Кен, доктор, профессор (США, Университет Анахайм)

Доллерун Кай, доктор, профессор (Дания, Копенгагенский ун-т),

Клюканов И.Э., доктор филологических наук, профессор (США, Восточно-Вашингтонский университет)

Круглов Алекс, доктор филологических наук, профессор (Великобритания, Университетский колледж Лондона),

О’Дауд Роберт, доктор, профессор (Испания, Леонский университет),

Томалин Барри, профессор (Великобритания, Лондонская дипломатическая академия),

Ханзен Фолькмар, доктор, профессор (Германия, ун-т Дюссельдорфа),

Александрова О.В., академик РАЕН, доктор филологических наук, профессор (Москва, МГУ),

Волкова З.Н., доктор филологических наук, профессор (Москва, УРАО),

Дмитренко Т.А., академик МАНПО, доктор педагогических наук, профессор (Москва, МПГУ),

Лебедева И.С., кандидат филологических наук, доцент (Москва, МГЛУ),

Михеева Н.Ф., академик МАН ВШ, доктор филологических наук, профессор (Москва, РУДН),

Назарова Т.Б., доктор филологических наук, профессор (Москва, МГУ),

Пономаренко Е.В., академик РАЕН, доктор филологических наук, профессор (Москва, МГИМО (Университет) МИД России)

Радченко О.А., доктор филологических наук, профессор (Москва, МГЛУ),

Харьковская А.А., кандидат филологических наук, профессор (Самара, СамГУ),

Храмченко Д.С., доктор филологических наук, профессор (Москва, МГИМО (Университет) МИД России),

Шевлякова Д.А., доктор культурологии, профессор (Москва, МГУ).

Материалы посвящены актуальным проблемам преподавания иностранного языка делового общения, современным тенденциям профессионально-ориентированного обучения иностранным языкам, использованию новых информационных технологий в учебном процессе, стратегиям обучения переводу в неязыковом ВУЗе, актуальным проблемам современной лингвистики. Тексты материалов печатаются в авторской редакции. Журнал индексируется в базе РИНЦ, Google Scholar, Ulrich’s Periodicals, Crossref, EBSCO.

Некоммерческое партнерство НОПДиПО создано при поддержке РУДН.

2306-1286 (Print)

2541-7614 (Online)

<https://doi.org/10.25076/vpl.40>

© Российский университет дружбы народов,
Издательство, 2020

© Коллектив авторов, 2020

**PUBLISHER AND FOUNDER
THE BUSINESS AND VOCATIONAL FOREIGN LANGUAGES TEACHERS
NATIONAL ASSOCIATION**

2306-1286 (Print)

2541-7614 (Online)

**ISSUES
OF APPLIED
LINGUISTICS**

Issue 4 (40)

Moscow

2020

Publisher and founder:

Non-profit organization “The Business and Vocational Foreign Languages Teachers National Association” created with the support of RUDN University

Address: 117198, Moscow, Miklukho-Maklaya, 6

EDITORIAL BOARD MEMBERS:

Malyuga E.N., Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Dr. of Philology, Prof.

(Editor-in-chief. Moscow, Peoples’ Friendship University of Russia),

Bauer Karin PhD Prof. (Canada, University McGill),

Beatty Ken Prof. Dr. (USA, Anaheim University)

Dollerup Cay PhD Prof. (Denmark, University of Copenhagen),

Klyukanov Igor Prof. (USA, Eastern Washington University),

Krouglov Alex, Prof. Dr. (Great Britain, University College London),

O’Dowd Robert Prof. Dr. (Spain, University of León)

Tomalin Barry Prof. (Great Britain, London Academy of Diplomacy),

Hansen Volkmar Prof. Dr. (Germany, University of Duesseldorf),

Alexandrova O.V., Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Dr. of Philology,

Prof. (Moscow, Moscow State University),

Volkova Z.N., Dr. of Philology, Prof. (Moscow, University of Russian Academy of Education),

Dmitrenko T.A., Academician of International Academy of Science and Higher School, Dr. of Pedagogy, Prof. (Moscow, Moscow State Pedagogical University),

Lebedeva I.S., Cand. of Sc. (Philology), Assoc. Prof. (Moscow State Linguistic University)

Mikheeva N.F., Academician of International Academy of Science and Higher School, Dr. of Philology, Prof. (Moscow, Peoples’ Friendship University of Russia),

Nazarova T.B., Dr. of Philology, Prof. (Moscow, Moscow State University),

Ponomarenko E.V., Academician of Russian Academy of Natural Sciences, Dr. of Philology, Prof. (Moscow, MGIMO University),

Radchenko O.A., Dr. of Philology, Prof. (Moscow, Moscow State Linguistic University),

Kharkovskaya A.A., Cand. of Sc. (Philology), Prof. (Samara, Samara State University),

Khramchenko D.S., Dr. of Philology, Prof. (Moscow, MGIMO University),

Shevlyakova D.A., Dr., Prof. (Moscow, Moscow State University).

The Journal is indexed in Russian Science Citation Index, Google Scholar, Ulrich’s Periodicals, Crossref, EBSCO.

The non-profit partnership BVFLTNA was created with the support of RUDN University.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>ВАЛУЙЦЕВА И.И., КРУКОВСКАЯ М.О.</i> Политкорректность: тогда и сейчас	7
<i>ВОЛКОВА И.Д.</i> Переводческий комментарий как форма лингвистической локализации художественного произведения (на примере романов Д. Митчелла)	34
<i>САВИН М.А., ПОЧЕРНЯЕВА О.Е.</i> Гендерные особенности речи в интернет- коммуникации	54
<i>ТАБАКОВА В.С., ГУСЕЙНОВА И.А.</i> Социолингвистические аспекты немецкоязычного дискурса «самбо»	86
<i>ФОМИНА М. А.</i> Субъект-экспериенцер как квазиагенс: «от значения к форме»	112
<i>ЭРНАЗАРОВ Д. З., АВИЛОВА Х. Н., ГУЛЯМОВА М.Х.</i> Разработка аутентичных материалов для чтения, соответствующих локальному контексту Узбекистана	136

CONTENTS

<i>VALUITSEVA I.I., KRUKOVSKAIA M.O.</i> Political correctness: back then and now	7
<i>VOLKOVA I.D.</i> Translator's notes as a form of linguistic localization of literary works (the case of D. Mitchell's novels)	34
<i>SAVIN M.A., POCHERNYAEVA O.E.</i> Gender differences of speech in Internet communication	54
<i>TABAKOVA V.S., GUSEYNOVA I.A.</i> Sociolinguistic aspects of German "sambo" discourse	86
<i>FOMINA M.A.</i> Experiencer as quasi-agent: «from meaning to the linguistic form»	112
<i>ERNAZAROV D.Z., AVILOVA Kh.N., GULYAMOVA M.Kh.</i> Designing authentic reading materials to suit local context in Uzbekistan	136

УДК 81.33

<https://doi.org/10.25076/vpl.40.01>

И.И. Валуйцева

М.О. Круковская

Московский государственный областной университет

ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ: ТОГДА И СЕЙЧАС

Данное исследование посвящено вопросу развития и деривации понятия политической корректности и ее составляющих, проявляющихся в языке. Авторами собраны и структурированы данные о дефинициях и сфере функционирования политкорректности. Эмпирическое исследование статей из американских газет за период с 1884 г по 2020 г. статьи были взяты из таких изданий, как Atlantic Monthly, The Pittsburgh Courier, The New York age, Atlanta Voice, The Atlantic и другие. Материалы ранних выпусков были взяты из официального архива газеты New York Times. Представленное исследование в том числе ставит своей целью выявление социальных факторов, влияющих на те или иные политически табуированные лексические единицы по отношению к чернокожему населению Америки, то есть, как обстановка и события в социуме оказывали влияние на политически корректный язык. В ходе анализа были выявлены наиболее распространенные лексические единицы, указана частота их встречаемости в американской публицистике в разные отрезки времени. На основании полученных данных выдвигаются прогнозы о векторе развития политкорректности в будущем. В статье приводятся конкретные примеры языковых изменений на морфологическом и лексическом уровнях языка в качестве ответа на существующий социальный запрос общества, например, борьба с дискриминацией по признаку расы и гендера в публичном пространстве, при найме на работу или в рамках личного взаимодействия, борьба с ксенофобией и сегрегацией на уровне политически корректного языка.

Ключевые слова: политкорректность, гендер, раса, феминизм, социолингвистика, диахрония, расизм

UDC 81.33
<https://doi.org/10.25076/vpl.40.01>
I.I. Valuitseva
M.O. Krukovskaia
Moscow Region State University

POLITICAL CORRECTNESS: BACK THEN AND NOW

The given article focuses on the development and derivation of the concept of political correctness and its components, expressed in politically correct language. The authors have collected and structured data on the definitions and scope of political correctness. An empirical study of articles from American newspapers between 1884 and 2020 was taken from such newspapers as: Atlantic Monthly, The Pittsburgh Courier, The New York Age, Atlanta Voice, The Atlantic and others. Materials from early newspapers were taken from the New York Times official archives.

The presented research aims, among other things, to identify the social factors that affect certain politically taboo vocabulary units in relation to the black population in America, how the environment and social events have influenced the politically correct language. The following analysis has identified the most frequently tabooed lexical units for a given period of time and the frequency of their occurrence in American public opinion at different time intervals. The article provides concrete examples of language changes at the morphological and lexical level as a response to an existing social demand in society, such as combating discrimination on the grounds of race and gender in public space, in employment or in personal interaction, combating xenophobia and segregation at the level of politically correct language. Projections, concerning the derivation in ethically appropriate language, are made on the basis of the obtained data about the future development vector of political correctness indicators.

Keywords: political correctness, gender, race, sociolinguistics, diachrony, feminism, racism

Введение

Проблема политической корректности в 21 веке стоит весьма остро, становясь поводом для различных политических и

социальных дискуссий и споров. Политическая корректность формирует и контролирует жизнь человека во всех сферах его деятельности. Вместе с этим невозможно подвергнуть сомнению тот факт, что человек, являясь членом общества, влияет на становление как самого явления политкорректности, так и на политически корректный язык. Так как язык отвечает на запрос его носителей, неудивительным является факт наличия политически корректных слов, которые занимают определенное место в современных дискурсивных практиках.

Отдельно стоит отметить связь между употреблением политкорректных слов и влиянием государства и общества на языковые деривации, так как основной целью их употребления следует считать сведение к минимуму и последующее искоренение таких негативных явлений, как предвзятость, дискриминация, межнациональная рознь, подчеркнутая разница в социальном (имущественном статусе) и т.д.

Актуальность данного исследования обусловлена непрерывным процессом межкультурной коммуникации, в рамках которой понятие политической корректности играет существенную роль, так как охватывает различные этнические и социальные группы. В данной статье мы постараемся изложить историю и развитие понятия политкорректности – от возникновения до наших дней.

В качестве объекта исследования выступают изменения в языке американской публицистики в связи с возникновением и развитием политически корректного языка, а также процесс табуирования употребляемых на протяжении определенного отрезка времени лексем в соответствии с нормами политической корректности.

При проведении данного исследования были использованы такие методы, как метод аналогии, классификации, метод обобщения, метод описания и анализа собранного материала. Данное исследование преследует своей целью поиск, обработку, сопоставительный и семантический анализ данных о языковых изменениях, вызванных нормами политкорректности и изменениями в социуме. Четкое установление лингвистической парадигмы, согласно которой используемые в определенный отрезок времени лексические единицы приобрели отрицательную

коннотацию и стали табуированными ввиду норм политически корректного дискурса.

Понятие политкорректности

Политическая корректность, как явление, начала зарождаться в 60-ых годах XX века и являлась продуктом культурной революции в Америке. С.Г. Тер-Минасова приводит в пример работу под названием «Политическая социология английского языка» в качестве одного из катализаторов активного развития политически корректного языка и политкорректности в 70-ых годах. Автором является Али Мазруи, так, в своей работе он подчеркивает необходимость в искоренении расизма из английского языка, и настаивает на критическом восприятии употребления лексических единиц, обладающих отрицательной коннотацией лишь из-за наличия лексем “black” (Ter-Minasova, 2000).

Приведем следующие дефиниции политической корректности из английских словарей:

1) словарь современного английского языка Лонгмана: “Political correctness stands for language, behaviour, and attitudes that are carefully chosen so that they do not offend or insult anyone – used especially when you think someone is too careful in what they say or how they behave” (Longman Dictionary of Contemporary English, 2020);

Политическая корректность – это осторожно выбранные слова, обдуманые поступки и внимательное отношение. Термин особенно применим в тех случаях, когда человек чрезмерно осторожен в выборе слов или в своем поведении.

2) В цифровой версии словаря Merriam-Webster мы можем найти трактовку определения понятия политической корректности:

“Political correctness - avoidance of expressions or actions that can be perceived to exclude or marginalize or insult people who are socially disadvantaged or discriminated against.” (The Merriam-Webster Dictionary, 2020);

Политическая корректность – это приверженность убеждению, что язык и действия, которые могут задеть чьи-либо чувства, должны быть исключены.

3) Кембриджский словарь английского языка:

“The act of omitting particular language as well as undeliberately offensive actions towards others. The accent is made on basis of race, religion, sex etc.” (Turner,2006).

Здесь стоит отметить некоторые различия между приведенными нами дефинициями и трактовками политкорректности отечественными исследователями. Так, С.Г.Тер-Минасова предлагает в качестве аналога политкорректности «языковой такт», что подчеркивает именно сферу функционирования политкорректности в дискурсе, хотя данный феномен не является исключительно языковым (Ter-Minasova, 2000).

А. Г. Стихин считает, что термин «коммуникативная корректность» является более релевантным с точки зрения языковых явлений, так как «политическая корректность» подразумевает под собой не только языковую предметную область (Стихин, 1995).

Логично было бы заключить, что термин «политическая корректность» не является в полной мере семантически однородным и однозначным. Данный феномен располагает четырьмя значениями в современном общественном дискурсе:

1) в качестве катализатора политического и социального движения;

2) доступный и распространенный в силу своей актуальности инструмент для выражения социальных настроений и потребностей;

3) в качестве ответ на общественные запросы участников дискурса;

4) в роли несовершенной и замкнутой системы эвфемизмов и дисфемизмов (Schultz, 1993).

Мы можем прийти к выводу о том, что отечественные исследователи четко разграничивают сферу функционирования политической корректности на языковую и неязыковую, предлагая конкретные аналоги в русском языке.

Попадающие под сферу функционирования политической корректности социальные группы

- **по признаку гендера**

На основании изученной нами литературы мы можем выделить некоторую связь между гендерной политкорректностью и политкорректностью расовой, так как определенное количество

феминистских группировок возглавляли движение против расизма в Америке, стремясь внести изменения в «мужской язык», ориентированном лишь на мужчин с целью сделать его как можно нейтральнее (Глиос, 2007). Атрибутами маскулинного языка считались названия профессий, занятие которыми изначально принадлежало мужчинам: водитель, сенатор, автор и т.д. В связи с этим названия мужских профессий стремились сделать гендерно-нейтральными.

Последствием данных социальных процессов можно считать следующие изменения в языке: сведение к минимуму использования морфем, указывающих на род (-man,-ess), их использование заменяется гендерно-нейтральным «person», или же другими вариантами: *salesman - salesperson; cameraman - camera operator; fireman - firefighter; spokesman - spokesperson* (Schultz, 1993).

Помимо этих изменений представлены следующие: когда пол говорящего неизвестен – вместо “he/him” используется “they/them”. Стоит обратить внимание на тенденцию к уменьшению уровня употребления “Mrs”, “Miss”, так как они подразумевают идентификацию женщины в обществе в качестве собственности её мужа; вместо этого в современном английском (как в официальном, так и в просторечном) широко употребление Ms по аналогии с Mr (Schultz, 1993).

В данном контексте мы считаем уместным упомянуть о гендерной политкорректности во французском языке, так как феминистическая повестка в данной языковой общине является распространенной (Schultz, 1993).

Здесь ситуация несколько необычна в силу влияния на язык Французской академии, не признающей феминитивы и считающей их языковыми излишествами. Тем не менее, использование феминитивов и гендерно нейтральной лексики в политическом дискурсе теперь регламентировано национальной ассамблеей Франции. Рассмотрим изменения в языке под влиянием гендерной политкорректности: как и в английском языке упразднение использования “*Mademoiselle*”, так как данное обращение ссылается на наличие параметра замужества, таким образом, в узус входит более нейтральное в этом плане “*Madame*”, хотя данное обращение тоже обладает параметром замужества, в

современном французском узусе оно приравнивается к нейтральному “Monsieur”; использование в неформальном общении аналогий мужским названиям профессий: путем добавления или изменения окончаний - *sénateur – sénatrice, député - députée, avocat-avocate, procureur-procureure, infirmier - infirmière*; путем использования определенного артикля указывающего на род существительного *la juge, la ministre*; собирательный пример: *Madame la présidente*.

Помимо уже упомянутых выше проявлений сексизма в контексте современного французского языка, нам необходимо также коснуться проблемы местоимений множественного числа, а именно существенной альтерации местоимения в зависимости от параметра присутствия\отсутствия в оговариваемой группе лица мужского пола. Применение *ils* по отношению к группам, где лица мужского рода отсутствуют, даже если лицо лишь одно (по такой же аналогии используется «*tous*») противопоставляется использованию «*elles*» по отношению к группам, состоящих всецело из лиц женского пола («*toutes*»). На данный момент замена такому политически некорректному использованию местоимений отсутствует.

В немецком языке перечисленные выше тенденции тоже присутствуют.

Образование феминитивов почти всегда ограничивается добавлением или изменением суффикса: *Sehr geehrte Studenten + (Studentinnen)*, однако при добавлении суффикса в отдельных примерах гласная в корне получает умлаут – *Kochen- Köchin*. По такой же аналогии *Kollegen und Kolleginnen, Besucher und Besucherinnen* (Burkhardt, 2010).

Однако данные конструкции были признаны весьма громоздкими для восприятия, по этой причине их стали сокращать на письме. Таким образом, в узус немцев в 2007-2009 гг. входят следующие конструкции: *StudentInnen, BesucherInnen* и *KollegInnen* (Burkhardt, 2010).

Что же касается современной тенденции, языки сталкиваются с новыми запросами социума, и немецкий язык не составляет исключения. По причине того, что в современном обществе не все члены социума отождествляют себя в полной мере с мужским или женским полом, использованные в 2007-2016 годах

BesucherInnen, *KollegInnen* утратили свою универсальность. На замену им постепенно вводятся такие конструкции, как *Besucher*Innen* (посетитель*ница), *Kolleg*Innen* и т.д.

Функция знака «*» позволяет включать в используемую словоформу различные гендерные идентификации и их проявления.

- **по признаку расы**

Параметр расы в рамках функционирования политической корректности играет особую роль, так как тенденция к расовой корректности возникла именно с связи с недовольством афроамериканцев своим положением в обществе и дискриминацией по признаку цвета кожи. В Америке особое внимание уделялось межкультурным и межэтническим проблемам в силу этнического разнообразия населения страны.

Проявления расизма в обществе, а также исторические его предпосылки неизбежно находили свое отражение в языке. Так, стремление к ликвидации дискриминации по расовому признаку повлекло за собой тенденцию к устранению или смягчению использования расовых признаков в речи (Burkhardt, 2010). В частности, афроамериканцы стремились полностью искоренить использование таких лексем как “*negro*”, “*blacks*”, так как они имели негативные ассоциации в их среде. Однако уроженцы Африки не являются единственной этнической общностью, которая сталкивается с политически некорректным обращением в свой адрес (Остроух, 1998). Так, название коренного населения Америки претерпело следующие изменения: от *Redskins* – краснокожих индейцев (учитывается параметр внешности) через коренных индейцев (параметр территориальной принадлежности) и до современного названия, считающегося политически корректным – *The First Nation* – первой нацией.

Отдельного внимания заслуживает изменение формы употребляемой лексемы «эскимос», последующее видоизменение которой имеет различия в зависимости от территории: так, уроженец Аляски будет носить название «коренной аляскинец» в то время, как эскимоса из Канады следует обозначать как «инуита».

Вопрос политически корректного дискурса включает в себя обращения к латиноамериканцам – сейчас оно имеет такие формы

как: *Latino/Latina, Chicano/Chicana, Spanish American*. Название *Hispanic*, употреблявшийся в 70-ых годах XX века, сейчас не приветствуется для употребления в речи, так как в сознании многих ассоциируется с малообеспеченными иммигрантами (Schultz, 1993).

Лексема «еврей» (*jew*) в англоговорящих общинах в последнее время приобрело пренебрежительное значение, поскольку оно часто употребляется в словосочетаниях "*dirty jew*", "*jew boy*". Это же касается глагольных форм "*to jew (down)*" – крайне оскорбительное выражение (Schultz, 1993), оно употребляется для выражения крайнего недовольства слишком пылкой торговлей. Политкорректной аналогией в англоязычном сообществе считается деривация, уже упомянутая ранее – добавление "*person*" для придания нейтральной коннотации словоформе - "*Jewish person*". Чрезвычайно грубой формой является "*kikes*" – аналогично «жидам» в русском языке.

Проявление политической некорректности не всегда принимает вид неверного или грубого обращения. Например, нейтральный вопрос о месте рождения собеседника может быть воспринят в качестве намека на его происхождение, отличное от других участников дискурса.

Особенно остро эта проблема стоит в Америке, так как данный вопрос, заданный представителю азиатской или негроидной расы, будет воспринят прямым оскорблением и намеком на ненастоящее американское происхождение (Тарасова, 2018).

- **по социальному и физическому признакам**

Представленный выше механизм изменения языка порождает повсеместное табуирование таких проявлений социальной сегрегации и дискриминации как этноцентризм (ущемление прав этнических или культурных общин на основе отличия или предвзятости к их религии, этносу, культуре), лукизм (социальное непринятие по параметру наличия признанных и декларируемых обществом норм стандартов красоты – лишний вес, слишком высокий рост и т.д.), гомофобия (дискриминация на почве сексуальной ориентации).

Подобная сегрегация, по мнению, как правило, западных исследователей, нашла свое непосредственное отражение в славянских языках (Тарасова, 2018). Примером подобной связи

между социальной составляющей и составляющей языковой можно считать наличие в общественном узусе такой лексемы как «гомосексуализм». Современный политически корректный язык порицает использование такого термина, так как данная словоформа возникла в результате попыток патологизации гомосексуальности. Таким образом, суффикс -изм употребляется для обозначения клинических и патологических заболеваний, например, аутизм, ботулизм; мировоззрений - атеизм, идеологий - либерализм, художественных направлений импрессионизм; политических течений - феминизм, маскулизм.

Гомосексуальность, как вид сексуальности, не является ни одним из перечисленного, хотя трудно не согласиться с тем, фактом, что данные меньшинства принимают участие в социальной и политической жизни общества, будучи вовлеченными в борьбу за репрезентацию и признание (Гарасова, 2018).

Необходимо в том числе обратить внимание на группу эвфемизмов, направленную на этически приемлемое обозначение людей, испытывающих психические (ментальные) и физиологические трудности.

Физически здоровых людей следует называть политически корректными терминами: «временно дееспособным» (Иванова, 2002). Такие выражения, как : даун (синдром), умственно отсталый, калека, глухой, слепой и прочие лексемы, фокусирующиеся на физических или ментальных недостатках, признаются табуированными согласно нормам политической корректности (Карасик, 2002).

Необходимо уделить внимание такой набирающей обороты тенденции в западной культуре, как сознательный отказ от принятия и использования транслируемых и поощряемых норм красоты и привлекательности в обществе – отказ от употребления лексических единиц, имеющих субъективно-оценочную коннотацию по признаку непривлекательности и сексуальности и, напротив, по параметру несоответствия текущим стандартам красоты. В политически корректном дискурсе в качестве дискриминации по признакам внешности и субъективным стандартам привлекательности (Карасик, 2002).

Тезис о несостоятельности современной практики политической корректности

Несмотря на рациональные в своем содержании цели, преследуемые сторонниками политически корректного языка и появления новых этических норм в аспекте создания политически корректного социума, принято считать, что политкорректность является обоюдоострым мечом. Иными словами, на данный момент не существует каких-либо сдерживающих факторов или регуляторов для внесения изменений в лексический и морфологический уровни языка. По данной причине растущее количество беспрецедентных этических и политически приемлемых норм является причиной стремительной и бессистемной деривации языка (Pinker, 1994).

Вопреки тому факту, что сторонники политической корректности придерживаются такого принципа как *“bias-free” speech* - речи, полностью лишенной предрассудков, предубеждений и какого-либо вида дискриминации, подобный политически корректный язык в некоторых отдельных случаях порождает деструктивные с точки зрения современного дискурса этические приемлемые лексические единицы и синтаксические конструкции.

Примером подобного можно считать такие словосочетания, как *“melanin impoverished”* – представитель европеоидной расы со светлой пигментацией кожи, *“chemically challenged person”*, *“substance abuser”* – зависимый от наркотических веществ человек, наркоман, *“horizontally challenged”* – раздающийся вширь, обладающий лишним весом. Примечательно влияние на политически корректный язык такого движения как веганство, основными идеями которого является предположение о том, что любое животное является другом человека, а не пищей, последствиями данной повестки можно считать возникновение в современном узусе такого этически приемлемого выражения как: *“animal companions”* вместо повсеместно используемого *“pets”*. Стоит отдельно обратить внимание на языковое явление, связанное с течением о борьбе за блага животных, которое проявляется непосредственно в тезисе о том, что использование названий птиц, рыб и зверей в качестве прямого оскорбления или намек на отрицательные личностные качества кого-либо из

участников социального дискурса является совершенно неприемлемым, так как данное языковое поведение препятствует перцепции животных в качестве равного себе биологического вида.

В данном случае детерминантой является именно семантическая составляющая в названии того или иного животного, что в свою очередь тесно связано с ассоциативным рядом отдельно взятой языковой общины (Тарасова, 2018).

К эвфемизмам, призванным размыть границы между социальными слоями и финансовом неравенстве, можно считать: *“substandard housing”* в качестве аналогии для трущоб, *“financially challenged”* – ограниченный в финансовом плане человек, *“state of awareness”* – человек в состоянии измененного сознания, в состоянии алкогольного опьянения (Тарасова, 2018).

В начале кампании по популяризации и имплементации норм политической корректности, последняя воспринималась социумом преимущественно положительно, так как данное течение в некоторой мере отвечало на общественный запрос, и в дискурсе *“PC=political correctness”* имела положительную или нейтральную коннотацию.

Приведенное выше понятие подразумевало под собой некое свободное волеизъявление, которое не могло оскорбить участника дискурса. Политкорректность в начале своего становления носила положительное содержание этого термина в качестве открытости по отношению к любому другому члену общества или участнику дискурса.

Прибегнув к анализу текстовых массивов 1980 годов, содержащихся в Британском национальном корпусе, можно встретить следующее высказывание: *«Women like him too, and not just for his civil rights stand and political correctness»* (о Билле Клинтоне). Опираясь на смысловую составляющую данного высказывания, закономерно было бы прийти к выводу о содержании положительной коннотации в отношении понятия политической корректности, так как данное явление отождествляется в контексте данного изъявления с другими человеческими добродетелями.

Однако уже в конце 1990-х годов, когда последовательно происходят общественные резонансные события,

дискредитирующие понятие политической корректности и методы ее внедрения в общественный дискурс - в качестве примера можно привести празднование Рождества в Англии, под названием «Winterval» - период праздников в середине зимы, охватывающий не только светские, но и религиозные праздники. Ко всему прочему ярким примером злоупотребления влиянием на политически корректный язык можно считать детский утренник, проводимый в Соединенных Штатах Америки, который носил название “Snow White and the Seven Vertically Challenged Males”. Очевидно, что это было ничто иное, как представление сказки о Белоснежке, однако данная формулировка, исключая из употребления лексему «гном» и меняющая полностью значение и коннотацию названия сказки (Белоснежка и семеро ограниченных в росте мужчин), также оказала влияние на общественное отношение к политически корректному языку.

В англоязычном дискурсе широко применимо такое понятие, как «political correctness gone mad» - политическая корректность обезумела. Со временем значение данного высказывания значительно расширилось, и этим языковым клише начали называть почти все проявления влияния политической корректности на общественную жизнь и используемый узор, вызывающие любое возмущение или неодобрение в обществе.

С течением времени политическая корректность как течение все чаще вызвала в участниках дискурса настороженное и пренебрежительное отношение, данный феномен находил свое отражение в злоупотреблении синтаксических и лексических средств политкорректного языка с целью выражения недовольства касательно насаждаемых языковых и этических норм (Тарасова, 2018).

Например, лексема “*challenged*”, нашедшая широкое применение в политкорректном дискурсе при создании новых изречений и эвфемизмов, стала все чаще использоваться участниками дискурса для передачи снисходительной и шутливой коннотации (Pinker, 1994).

Так, у нас есть возможность ознакомиться с подобными рода этически корректными выражениями, которые были созданы участниками дискурса в качестве несогласия с деривациями в языке: *vertically challenged* – вертикально ограниченная личность,

dead – *electroencephalographically challenged* – электроэнцефалографически ограниченная личность, *follically challenged* – фолликулярно ограниченная личность (лысый человек), *chronologically challenged* – хронологически ограниченный человек (пожилой или старый) (Тарасова, 2018).

Сам термин политической корректности, изначально призванный описывать использование этически приемлемого языка, который противопоставлялся языку межнациональной и расовой розни, ксенофобии и дискриминации (*hate speech*) с течением времени и изменениями, протекающими в обществе, начал обозначать инициативы (часто бессмысленные и странные по мнению других участников общественного дискурса) меньшинства, которое видит проявления ксенофобии и угнетения даже в обычных для большинства вещах.

Таким образом, разумно было бы полагать, что за последние 20 лет отношение к феномену политической корректности большинства представителей англоязычного мира изменилось с позитивного (или нейтрального) до негативного. Эти трансформационные процессы нашли отражение в языке в виде ряда неологизмов общественно-политической тематики. По сравнению с англоязычными странами, феномен политкорректности является новым и менее актуализированным, и репрезентируемым в русской культурной и языковой традиции.

За последние несколько лет лексическая составляющая политически корректного языка пополнилась некоторыми понятиями, находящимися в сфере языкового и политического влияния на социум, : микроагрессия, триггер (предупреждение о них), привилегия (социальная или расовая), безопасное пространство, культурная апроприация. Под микроагрессией принято понимать высказывания, изначально не направленные на причинение морального вреда участнику дискурса, однако в силу тех или иных социальных или расовых отличий участника, такое высказывание воспринимается им как агрессия в его адрес.

Достаточно широкое использование получило такое явление как “trigger warning”, призванное оградить членов социума от болезненных ассоциациях, которые могут быть связаны с контентом того или иного рода. В качестве примера можно привести «Великого Гэтсби» Фрэнсиса Скотта Фицджеральда, где

повсеместно изображено насилие над женщинами и уничижительное к ним отношение. Эти инициативы объясняли тем, что участники дискурса, пережившие расизм или домашние побои должны иметь возможность избежать чтения этих книг, потому что они потенциально могут стать «триггером», что примет на себя роль катализатора неприятных и тревожных ассоциативных связей, которые могут напомнить участникам об их ментальных или иных травмах.

В рамках современного социального дискурса существует тезис, заключающийся в неэффективном влиянии современной политически корректной практики на языковые деривации и в последующем изменении социальных сегрегационных тенденций, или же в ее неэффективности. Этот тезис использует в качестве своей основы идею о подмене ключевых понятий, а именно: вместо уважения и борьбы к различным формам ксенофобии и дискриминации, политически корректная практика делает акцент на формальном соблюдении предписываемых политкорректных норм, или же вовсе прибегает к замалчиванию и игнорированию проблем подобного рода. Нетерпимые общности, лица и организации игнорируются лишь для соблюдения положений политической корректности (Pinker, 1994).

Политически корректный язык не позволяет участникам дискурса апеллировать к некоторым табуированным понятиям.

Следствием этого можно считать избегание всяких тем дискурса, которые затрагивают проблемы меньшинств и их репрезентации, так как участники рискуют быть обвиненными в эйблизме, лукизме, трансфобии, расизме и т.д.

Это на данный момент является катализатором общественных процессов, а именно возникновению скрытой ксенофобии, которая не поддается огласке, но обсуждается скрыто (Остроух, 1998).

Согласно положениям данного тезиса, сам факт принуждения и навязывания формальных догм и табу политической корректности в конечном счете привело к сопротивлению данной тенденции не только противников, но и приверженцев политически корректной практики в обществе.

По данным ВВС, статистика содержала случаи, в которых работники полиции или социальных служб из-за страха быть обвиненными в расизме и этноцентризме не пресекали

организованную преступность определенной этнической группы (Schultz, 1993).

Примером негативных последствий практики политической корректности можно считать вандализм и разбои в США, при которых угнетаемая и дискриминированная общность имеет пространство для маргинализированных действий в отношении другой, «привилегированной» общности.

Что касается современной практики реализации борьбы с дискриминацией, ксенофобией, расизмом и т.д., здесь существует дилемма, требующая своего разрешения. Суть данной дилеммы заключается именно в реализации практики политической корректности – она приобретает исключительную форму замены слов. В дальнейшем она порождает замкнутую систему, которая не способна реализовать полностью функционирующий политически корректный язык в силу того, что любая комбинация лексических итераций не в состоянии занять в какой-либо мере перманентное употребление в соответствующем дискурсе (Остроух, 1998).

Из этого мы можем заключить следующее: так как находящиеся в этом механизме лексемы в определенный отрезок времени обладают конкретным лексическим значением и коннотацией, и, оказываясь в широком употреблении в качестве нейтрального выражения, вскоре приобретают другое значение и коннотацию, отвечая на социальный запрос. Иными словами, все политически корректные эвфемизмы и выражения обречены с течением времени перенять коннотацию предшествующего дисфемизма, что в дальнейшем вновь повлечет за собой необходимость в поиске соответствующего нейтрально окрашенного дескриптора. Что же касается определения данного социолингвистического явления, мы можем обозначить его в качестве замкнутого круга эвфемизмов (Pinker, 1994).

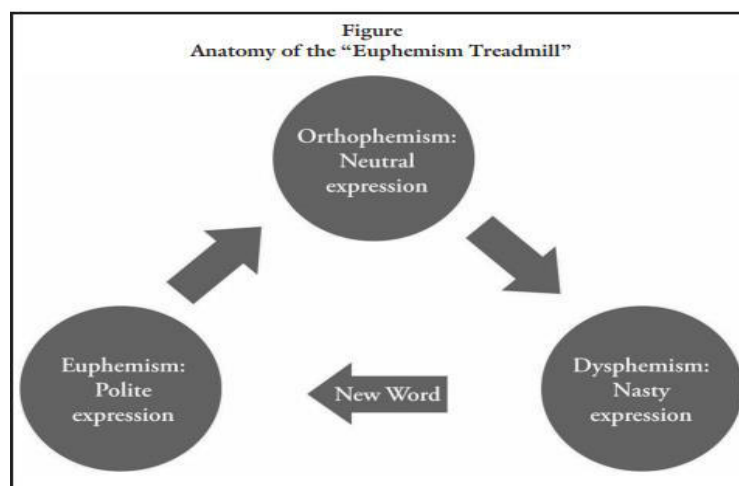

Рис. №1.

Цель преобразования ортофемизма в дисфемизм и т.д.

Так как оговариваемая нами политически корректная практика языковой деривации строится исключительно на данной замкнутой цепи, мы можем заключить, что создание новых имен не влечет за собой в какой-либо мере значимых изменений в сознаниях индивидуумов, ровно, как и в социальной реальности, в то время как подобная корректная языковая политика не в состоянии противостоять фактическим причинам расизма, сексизма и другим формам сегрегации.

Существует также проблема несколько иной направленности, где цепь нейтральных нововведенных лексем неосознанно направлена на дезориентацию лиц в социуме, использующих политически корректный язык – в немецком языке дети, обладающей расстройством поведения (Kinder mit Verhaltensstörung) после некоторых этапов альтераций стали называться не иначе как дети с оригинальным поведением (verhaltensoriginelle Kinder) (Burkhardt, 2010). Это может вызывать положительные ассоциации, что не является релевантным с точки зрения наличия такого диагноза у ребенка

Выявление парадигмы политкорректного языка в американской публицистике под влиянием расовой политической корректности

Семантический анализ будет направлен на выявление изменения частоты употребления номинативных лексем по отношению к афроамериканцам на протяжении разных периодов времени. Таким образом, для семантического анализа нами были взяты газетные статьи англоязычной американской прессы. Используемые в SEO текстовые массивы непременно имели одинаковое количество слов в своем объеме (5450-5510) для того, чтобы свести возможную погрешность к минимуму. Для семантического анализа и обработки корпуса текстов использовалась мультизадачная платформа Адвего (Электронный ресурс. SEO Advego, 2020).

Для решения задач исследования были использованы публицистические тексты, в частности, статьи и репортажи американских газет за период с 1884 г по 2020 г, всего 22 статьи. Данные статьи были заимствованы из официального онлайн-архива газет The New York Times. Их отбор осуществлялся по параметру наличия отдельно взятых политически табуированных лексем при условии, что каждая из лексем присутствует в размере не менее 6 единиц на 4000 слов.

Приведенные далее источники анализируемых текстовых массивов имели одинаковое количество слов (5450-5510) для минимизирования возможной погрешности при подсчете частотности встречаемых лексически табуированных языковых единиц в текстовом массиве взятых статей (Таб. №1).

Название газеты	Название статьи	Год
<i>Atlantic Monthly</i>	“The Negro Problem“	1884
<i>Atlantic Monthly</i>	“Several hundred Negroes brought across river“	1917
<i>Atlantic Monthly</i>	“Negroes by the score were seen today walking out of town “	1917
<i>Atlantic Monthly</i>	“Negroes beaten by white men“	1917

The new York age	“Negro and White Man Sitting on Curb“	1939
The Canadian Valley News	“Negro tells on suffering the spokesman review“	1939
The new York age	“Bare race question“	1939
The Pittsburgh Courier	“A letter to the editor of the “Courier” “	1942
Voice of America	“March on Washington seen as step backward“	1963
Hattiesburg American	“Police In Washington Worried By Reports Of Negro March Plan“	1963
Hattiesburg American	“Proposed Washington Negro March Could Embarrass Kennedy“	1963
Atlanta Voice	“Meeting Shows Lack of Diversity“	1970
Sydney Morning Herald	“Negroes in America“	1969
Dayton Daily News	“We’re all black in a racist country“	1968
The Bee	“Text of forman’s Black Manifesto“	1969
The Tampa Tribune	“The people of colour“	1988
The Atlanta Voice	“Third Force, Third Party or Third class influence? “	1990
The Santa Fe	“Judge questions Richardson buyout’s effects “	2002

New Mexican		
The Sacramento Bee	“A broader breed of white nationalist gains traction“	2002
The Atlantic	“The Double Standard of the American Riot“	2020
NPR	“We Have A Place In This World Too“	2020
The Atlantic	“Why are there protests over the death of George Floyd? “	2020

Таблица 1

Нашей задачей являлся поиск номинативных лексем в качестве показателей политически корректного языка.

Далее они были распределены на две группы, первая из которых имела в своем составе лексемы, репрезентирующие отношение к расе и принадлежности к государству: *race, African-American, racism* (Таб. №2). Вторая же группа состояла из лексем, которые на некоторых отрезках времени видоизменились под влиянием социума и стали либо табуированными, либо приемлемыми по признаку политической корректности: *negro(es), black people, black, colored people, nigger(s)* Таб. №3).

В результате анализа массива статей были получены следующие результаты, представленные в таблице и на графике (График №1).

	race	African (American)	racism
1884	21	14	0
1917	13	6	0
1939	14	6	0
1942	6	7	0
1963	14	16	0
1968-1970	8	4	0
2002	11	7	3

2020	4	15	7
------	---	----	---

Таблица 2

	negro(es)	black	colored	nigger(s)
1884	30	16	0	0
1917	56	9	0	0
1939	42	13	0	0
1942	24	41	7	0
1963	34	15	10	0
1968-1970	9	43	15	6
2002	1	38	14	12
2020	0	86	23	0

Таблица 3

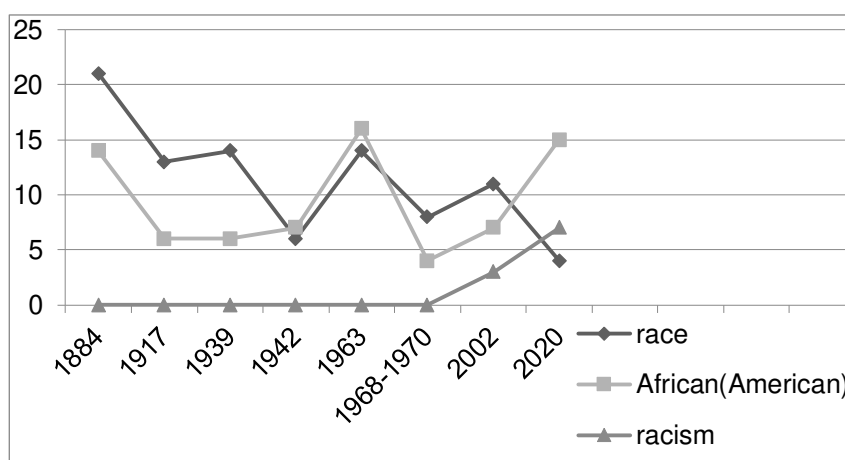

График 1

Таким образом, на основе полученных результатов мы можем составить график языковых изменений в употреблении лексем первой группы (График №1): отношение к расе, принадлежность

государству/территории.

На данном графике мы можем наблюдать возникновение понятия расизма начиная с периода 1968-1970-ых годов и растущее его употребление к 2020 году. Что же касается лексемы "race", то ее частотность находилась на пике в самом начале борьбы афроамериканцев за свои права, скачок употребления показан во время социальной революции и марша за права 1963 года. Та же тенденция наблюдается с употреблением "African-American", за исключением роста употребления к 2020 году.

Далее представлен график по результатам употребления лексем второй группы, объединяющей слова по признаку политической корректности:

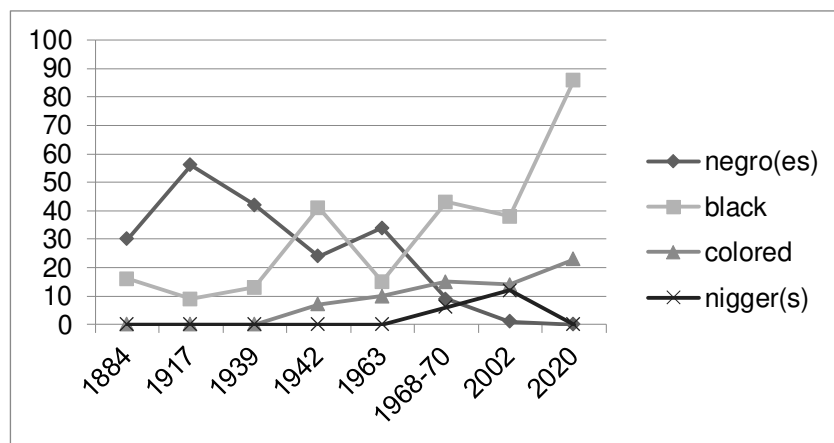

График 2

Лексема "negro", табуированная в современном дискурсе, имела наивысшую частотность употребления в 1917 году и во времена социальной революции, однако была упразднена к 2000-ым годам и сейчас не используется ввиду норм политической корректности. Кроме того, на Графике № 2 можно наблюдать явно выраженное преобладание лексемы "black" в современном политкорректном дискурсе (2020), уровень частотности употребления которой также вырос во время великой депрессии. Отдельно стоит обратить внимание на лексему "colored", которая

являлась своего рода компромиссом между *negro* и *African-American*. Лексема “*nigger*”, являющаяся табуированной, допустима к употреблению лишь афроамериканцами. Сейчас в дискурсе она не фигурирует и часто заменяется “*n-word*”.

Сопоставив все вышеперечисленное, мы можем прийти к выводу, что частота употребления той или иной лексической единицы в рамках политкорректного дискурса варьировалась под воздействием изменений в обществе и связанных с ними событий. Мы можем выдвинуть гипотезу о том, что скачок частотности употребления лексемы “*black*” по отношению к афроамериканцам в 1968-1970 годах можно объяснить активной деятельностью партии The Black Panther, действия и название которой подкрепляли в афроамериканцах стремление к самоидентификации и свободе. Как показало проведенное исследование, «старая» в своем употреблении лексема “*negro*” стала табуированной единицей, наравне с более молодой лексемой “*nigger*”.

Выводы

В ходе эмпирического исследования, представленного в данном исследовании, нам удалось создать репрезентацию языковых дериваций (1884-2020 гг.) в рамках политически корректного дискурса, а именно регламентируемых им дисфемизмов и эвфемизмов.

Исследование проводилось на материале газетных статей американской прессы временного диапазона от 1884 до 2020 гг. В ходе проведения исследования мы прибегали к использованию таких методов как метод сравнения и классификации. Семантический анализ корпусов текста проводился с использованием мультитасочной платформы Адвего.

Так, во время исследования внимание обращалось не только на рост или падение уровня употребления той или иной лексемы по отношению к афроамериканцам в США, но и связь данных изменений с протекающими в обществе изменениями и запросами.

Результатом проведенного исследования можно считать установление связи между языковыми изменениями и социальными явлениями. Нам удалось выявить следующие значимые события, предположительно оказавшие влияние на уровень употребления дисфемизмов и эвфемизмов, а именно:

1939,1942 – великая депрессия, 1963 – марш афроамериканцев за гражданские права и свободы после социальной революции, 1968-1970 – создание и функционирование политической партии The Black Panther в Америке.

Закономерным является вывод о том, что частотность употребления лексемы "race" напрямую связана с такими изменениями в социуме, как начало борьбы темнокожих за свои права (пик в 1884 году), также скачок употребления показан во время социальной революции и августовского марша за права 1963 года.

Таким образом, языковые деривации в рамках современной политкорректной практики имеют следующий вид: «negro(es)» так же как и «nigger(s)» являются совершенно неприемлемыми в рамках современного дискурса, хотя первый вариант был наиболее распространен в употреблении в 1917 году, в то время как второй – в конце 90-ых годов. Наиболее предпочтительным и нейтрально окрашенным считается обращение "*black people*" или "*African American*".

Стоит упомянуть, что употребление такого эвфемизма как "*colored people*" является допустимым по политкорректным параметрам, однако не приветствуется в некоторых штатах, так как, по-видимому, претерпевает изменения в сторону дисфемизма.

Согласно результатам проведенного исследования мы можем заключить, что лексема "black (people)" является на данный момент самой употребляемой по отношению к афроамериканцам, однако, учитывая положения тезиса о замкнутом круге эвфемизмов, мы можем предположить, что в течение некоторого времени данная лексема будет заменена иной.

Однако опираясь на результаты нашего исследования, мы можем заключить, что лексема "nigger(s)" обладает малыми шансами на замену текущей политически корректной номинативной лексемы, так как обладает сильно выраженной отрицательной коннотацией и, безусловно, является дисфемизмом, непреходящим в ортофемизм.

Другое положение в указанной нами существующей парадигме занимает лексема "colo(u)red", так как является приемлемой в рамках политически корректного дискурса, но ее частота употребления ниже, чем у "black" или "African American", что

позволяет нам выдвинуть гипотезу о возможной замене действующей номинативной лексемы лексемой “colo(u)red (people)”.

В заключение данного исследования можно прийти к выводу, что, используя политически корректный язык в обществе, мы должны учитывать существование тонкой грани между ответственным использованием языковых средств и лексем и навязыванием порой абсурдного и крайне неэффективного языка. Необходимо принимать во внимание факт того, что при использовании замкнутой системы лексических замен решающую роль играет индивидуальная языковая компетенция каждого члена социума, который принимает во внимание культурные, религиозные и социальные различия между участниками дискурса и ищет необходимые лексические альтернативы для того, чтобы избежать проявления сегрегации.

На успешность общения влияет не только знание лексики и грамматики, но и знание культуры и норм речевого общения, поскольку язык неразрывно связан с ментальностью его носителей, отражает процессы и явления, происходящие в обществе, образ жизни людей, их традиции, систему ценностей и мировоззрение. Одним из важных факторов установления успешного межличностного и межкультурного взаимодействия является использование в речи выражений политкорректности, которые сегодня стали неотъемлемой частью межэтнических отношений во всем мире, в основном в англоязычных странах.

Можно считать очевидным тот факт, что современная практика политкорректности не является универсальной и всеобъемлющей, потому она испытывает нужду в реформации.

Литература

1. Глиос Е. С. Лингвокультурная специфика формирования и функционирования эвфемизмов в современном английском языке (на материале англоязычных Интернет-сайтов). – 2007. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/lingvokulturnayaspetsifikaformirovaniya-ifunktsionirovaniya-evfemizmov-v-sovremennom-angl> (дата обращения: 22.05.2020).

2. Иванова О. Ф. Политкорректность в России // Вестник Евразии. – 2002. – №.3. – С. 61-71.
3. Карасик В. И. Язык социального статуса. – Москва: Институт языкознания Российской академии наук, 1992.
4. Остроух А. Политическая корректность в США // Культурологический аспект проблемы. – М., 1998.
5. Стихин А. Г. Лингвистические аспекты коммуникативной корректности // Язык и этнический менталитет. – Петрозаводск. – 1995. – С.138-142.
6. Тарасова В. В. Політична коректність в англійському та українському медіадискурсі // Науковий вісник Національного університету біоресурсів і природокористування України. Серія: Філологічні науки. – 2018. – №. 281. – С. 100-110.
7. Шарапова И. В., Кобенко Ю. В. История возникновения понятия “Political correctness” и способы его интерпретации // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2014. – № 10(151). – С. 46-50.
8. Burkhardt A. Euphemism and truth // *Tropical truth (s): The epistemology of metaphor and other tropes*. – 2010. – С. 355-372.
9. Pinker S. The game of the name // *New York Times*. – 1994.
10. Schultz D. L. et al. To Reclaim a Legacy of Diversity: Analyzing the "Political Correctness" Debates in Higher Education. – 1993.
11. SEO Advego.ru. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://advego.ru/text/top> (дата обращения: 13.09.2020).
12. Longman Dictionary of Contemporary English. – URL: <http://www.ldoceonline.com/dictionary/political-correctness> (дата обращения: 03.09.2020).
13. Ter-Minasova S. G. Traditions and innovations: English language teaching in Russia // *World Englishes*. – 2005. – Т. 24. – №. 4. – С. 445-454.
14. The Merriam-Webster Dictionary. – Springfield, Massachusetts, U.S.A. – 1997.
15. Turner B. S. The Cambridge dictionary of sociology. Cambridge University Press, – 2006.

References

Burkhardt, A. (2010). Euphemism and truth. In *Tropical truth (s): The epistemology of metaphor and other tropes* (pp. 355-372).

- Glios, E. S. (2007). Lingvokul'turnaya specifika formirovaniya i funkcionirovaniya evfemizmov v sovremennom anglijskom yazyke (na materiale angloyazychnyh Internet-sajtov) [Linguocultural specifics of the formation and functioning of euphemisms in modern English (based on the material of English-language Internet sites)]. Retrieved from: <http://www.dissercat.com/content/lingvokulturnayaspetsifika-formirovaniya-ifunkcionirovaniya-evfemizmov-v-sovremennom-angl> (accessed: 22.01.2018).
- Ivanova, O. F. (2002). Politkorrektnost' v Rossii [Political correctness in Russia]. *Vestnik Evrazii*, 3, 61-71.
- Karasik, V. I. (1992). *Yazyk social'nogo statusa [Language of social status]*. Institut yazykoznaniiya Rossijskoj akademii nauk.
- Longman Dictionary of Contemporary English*. (2020). Retrieved from: <http://www.ldoceonline.com/dictionary/political-correctness> (accessed: 03.09.2020).
- Ostrouh, A. V. (1998). *Politicheskaya korektnost' v SSHA: kul'turologicheskij aspekt problem [Political correctness in the United States. Cultural aspect of the problem]*. Moscow.
- Pinker, S. (1994). *The game of the name*. New YorkTimes.
- SEO Advego.ru*. (2020). Retrieved from: <http://advego.ru/text/top>. (accessed: 13.09.2020)
- Sharapova, I. V., & Kobenko, Yu. V. (2014). Istorija vzniknoveniya ponyatiya "Political correctness" i sposoby ego interpretacii [The history of the concept of "Political correctness" and methods of its interpretation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 10 (151), 46-50
- Stihin, A. G. (1995). Lingvisticheskie aspekty kommunikativnoj korektnosti [Linguistic aspects of communicative correctness]. In *Yazyk i etnicheskij mentalitet* (pp. 138-142). Petrozavodsk.
- Schultz, D. L. (1993). *To Reclaim a Legacy of Diversity: Analyzing the "Political Correctness" Debates in Higher Education*.
- Ter-Minasova, S. G. (2005). Traditions and innovations: English language teaching in Russia. *World Englishes*, 24(4), 445-454.
- Tarasova, V. V. (2018). Politichna korektnist' v anglijs'komu ta ukraïns'komu mediadiskursi [Political correctness in English and

- Ukrainian media discourse]. *Naukovij visnik Nacional'nogo universitetu bioresursiv i priroдокористuvannya Ukraїni. Seriya: Filologichni nauki*, 281, 100-110.
- The Merriam-Webster Dictionary*. (1997). Springfield, Massachusetts, U.S.A.
- Turner, B. S. (2006). *The Cambridge dictionary of sociology*. Cambridge University Press.

УДК 81'255

<https://doi.org/10.25076/vpl.40.02>

И.Д. Волкова

Волгоградский государственный университет

**ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ КАК ФОРМА
ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЛОКАЛИЗАЦИИ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ
РОМАНОВ Д. МИТЧЕЛЛА)**

Целью статьи является описание значимости переводческого комментария с точки зрения локализации художественного произведения в ином лингвокультурном пространстве, а также выявление видов лексики, выступающей объектом адаптации, и степени ее экспликации. Теоретико-методологическую базу настоящего исследования составляют ключевые положения теории перевода, исследования лингвистической локализации и исследования художественного дискурса. В рамках исследования проведен сопоставительный анализ понятий адаптации (прагматической адаптации) и локализации с целью обоснования целесообразности использования нового термина для наименования культурно-обусловленных модификаций текста оригинала. Установлены характеристики художественного текста, которые позволяют отнести произведения художественной литературы к объектам локализации. Проведен контент-анализ англо- и русскоязычных версий трех романов британского писателя Д. Митчелла "Облачный атлас", "Тысяча осеней Якоба де Зута" и "Голодный дом". Проанализированы оригинальные англоязычные и переводные русскоязычные версии указанных литературных произведений, в частности проведен

сравнительный анализ англоязычных лексических единиц и словосочетаний, сопровождаемых затекстовыми примечаниями в переводных текстах. Указаны преимущества примечаний как формы локализации художественного текста, заключающиеся в возможности более подробного и быстрого описания инокультурных единиц по сравнению с внутритекстовыми трансформациями.

Ключевые слова: переводческий комментарий, локализация, художественный текст, лингвокультурная адаптация, стратегия перевод, прагматическая адаптация, национально-культурная лексика.

UDC 81'255

<https://doi.org/10.25076/vpl.40.02>

I.D. Volkova

Volgograd State University

**TRANSLATOR'S NOTES AS A FORM OF LINGUISTIC
LOCALIZATION OF LITERARY WORKS
(THE CASE OF D. MITCHELL'S NOVELS)**

*The purpose of the present article is to describe the significance of translator's notes from the point of view of localization of English works of fiction for Russian readership, as well as to identify the types of lexical units that become object of adaptation and the degree of their explication. The theoretical and methodological basis of this study is made up of the key provisions of translation studies, the study of linguistic localization and the study of literary discourse. Within the framework of the present research, a comparative analysis of the concepts of adaptation (pragmatic adaptation) and localization has been carried out to substantiate the advisability of using a new term to name culturally determined modifications of the original text. The characteristics of a literary text have been established, which make it possible to classify works of fiction as objects of localization. Content analysis of the English and Russian versions of the novels *Cloud Atlas*, *The Thousand Autumns of Jacob de Zoet* and *The Slade House* by the British writer D. Mitchell has been carried out. The original English-language and translated Russian-language versions of the specified literary works are analyzed, in particular, a comparative analysis of*

the English-language lexical units and phrases, accompanied by translator's notes in the secondary texts, has been conducted. The advantages of notes as a form of localization of literary texts are indicated. They consist in the possibility of a more detailed and quick description of foreign cultural units in comparison with intra-text transformations.

Keywords: translator's note, localization, literary text, linguacultural adaptation, translation strategy, pragmatic adaptation, national and cultural vocabulary

Introduction

Today, the texts of literary discourse, which are distinguished primarily by aesthetic functionality, are actively studied from the point of view of the phenomenon of localization, and therefore the range of localization objects should be determined in accordance with additional criteria. The concept of localization is used not only in the context of computer games, websites and other digital products, but also in the studies devoted to adaptation of books, popularized internationally or globally. According to D. Crane, cultural globalization is about increasing the circulation of cultural artifacts across national and ethnolinguistic boundaries (Crane, 2002), and the translation of books is a vivid example of this phenomenon. Cases when excellent literary works are edited taking into account the cultural background of a particular language are by no means rare (Are “double” transfers allowed? About the works of Murakami Haruki in Germany, 2020), because, according to R. Eskarpit, a misunderstood book is better than an unread one (Escarpit, 1958).

Material and methods

The research material is represented with original English and translated Russian texts of three novels by the British writer D. Mitchell: *Cloud Atlas* (2004) translated into Russian by G.B. Yaropolsky, *The Thousand Autumns of Jacob de Zoet* (2010) translated by M.D. Lahuti and *Slade House* (2015) translated by A. Pitcher. Despite the fact that the translations were carried out by different translators, they are united by the presence of translator's comments (notes) explaining the meaning of various words and phrases to readers.

The research methodology consists in the use of comparative analysis, contextual, interpretive and discourse analysis, analysis of the

text structure.

The theoretical and methodological basis of this study is formed by the provisions of such scientific areas as translation studies (Alekseeva, 2004; Mityagina, 2014; Nida & Taber 1969; Komissarov, 1990, 1999; Newmark, 1993, 1995; Sdobnikov, 2016 et al.), studies of linguistic localization (Pym, 2006; Kolosov, 2016; Levitsky, 2019; Anisimov et al. 2019; Mityagina & Volkova, 2019), studies of literary discourse (Landers, 2001; Vekovishcheva et al. 2019; Alekseytseva, 2014).

Results and discussion

Initially, the term 'localization' was used mainly for digital products and, according to the definition of the LISA Association, localization of a product consists in its adaptation to the linguacultural characteristics of a particular region (locale) (Cadieux & Esselink, 2004). The term 'locale' is used to mean "a set of user parameters, the main of which are language and geographic location (country, region, city)" (Sandrini, 2008, p. 2), while reflection of culture in a language, or in a linguaculture, necessitates a change in some aspects in accordance with cultural background of a target audience, as evidenced by the above definition. Expansion of the range of localization objects with globalization of the activities of various companies resulted in a gradual increase in the number of locale parameters, which today also include "economic, political, ethical, legal characteristics of target markets" (Achkasov, 2017, p. 290).

According to V.A. Mityagina, the observed tendency of translation studies to integrate this term is associated with the search for optimal ways to ensure intercultural communication that has developed in the Internet space at an unprecedented level and is characterized, first of all, by mass communication among companies and their clients (Mityagina, 2014). Awareness of the possibility of using this concept in relation to various genres and formats of translation activity leads to the emergence of numerous definitions of localization, which make obvious the fact that translation studies need the category of localization. In the Recommendations for Translators, Customers and Editors, approved by the Russian Union of Translators, localization refers to an additional type of translation work and is interpreted as translation adaptation aimed at achieving pragmatic equivalence of the translated text (Duplensky, 2015). It follows from this definition that the concept of localization is a new name for the process of text

adaptation, which has been carried out by translators for millennia.

At the first stage of our study, comparative analysis of the concepts of adaptation (pragmatic adaptation) and localization has been carried out, and the expediency of using the latter for naming culturally determined modifications of the original text has been substantiated.

The concept of cultural adaptation, introduced by E. Nida to denote the transformations that are carried out by translators of the Bible in order to ensure the principle of dynamic equivalence, is essentially a prototype of modern localization, as evidenced by the example given by the scholar about replacing the Roman time counting in the original with time adopted in the target culture (Nida & Taber, 1969). Special attention should be paid, however, to E. Nida's distinction between the concepts of translation proper and cultural adaptation (Nida & Taber, 1969), which, in our view, is primarily associated with the predominance of biblical texts in the scientist's practice. Today, many linguists continue to support this differentiation, drawing a clear line between translation and localization processes, despite a wide range of genres, the texts of which act as the objects of these processes in their unity.

The concept of adaptation, as one of the most widespread in translation studies and at the same time the most voluminous in terms of possible contexts of use due to its communicative-functional nature, is a common semantic element of numerous terms (imitation, communicative translation, refraction, retelling / arrangement, creative transposition, transediting, transcreation, techniques of adjustments, translation shifts, trajections), many of which are not widely used today, but is an important part of the history of translation studies.

I.S. Alekseeva considers adaptation as formal and substantial simplification of the text used for making text compliant with recipient's competence (Alekseeva, 2004). The researcher also points out the need to separate linguaethnic adaptation aimed at facilitating the perception of alien cultural realities and linguistic phenomena (Alekseeva, 2004). Obviously, localization cannot be identified with any of the specified types of processing, since, depending on a number of linguistic and extralinguistic factors, it can combine various translation strategies.

Classifications of translation transformations / translation techniques, created at the text-centric stage of translation studies

development, are the result of translators' activity aimed at overcoming linguistic asymmetry and adapting the original message while observing the postulates of equivalence. This follows from the definition given by V.V. Sdobnikov: translation transformations are operations that help translators to make up for the lack of correspondences between languages (Sdobnikov, 2016). As an example, let us point to the classification of translation transformations developed by V.N. Komissarov: lexical (transcription, tracing, lexical-semantic substitutions: concretization, generalization and modulation), grammatical (literal translation, division of sentences, combination of sentences and grammatical replacements) and lexical-grammatical (antonymic translation, descriptive translation and compensation) (Komissarov, 1999). Each of these transformations is a translation technique, but they cannot be called localization techniques, since translation equivalence can be carried out at the level of words and phrases, while the localization unit is represented with a text.

The procedures of a higher order are represented with the types of pragmatic adaptation related to the communicative-functional stage of translation studies development. According to V.N. Komissarov, pragmatic adaptation is a type of adaptive transcoding aimed at modification of information in the process of translation, taking into account the recipient background (Komissarov, 1999). The author logically refers adaptation of proper names, geographical names and names of various kinds of cultural and everyday realities, as well as the compilation of a new text based on the original (co-writing) to the problems of pragmatic nature (Komissarov, 1999).

These types of translator's activity represent the area of intersection of the processes of pragmatic adaptation and localization. However, localization is a narrower concept, since the use of pragmatic adaptation techniques is aimed at solving a wider range of tasks that are associated, for example, with “the desire to reflect communicatively irrelevant features in translation, to achieve an impact on the recipient that does not coincide with the intentions of the original author, to provide a simplified translation, without reproducing the emotional-stylistic and associative-figurative aspects of the original” (Komissarov, 1999, p. 122). The scholar also points out the need for pragmatic adaptation in the process of not only translation, but interpreting as well when there is an opportunity to observe the recipient's reaction, to take

into account their individual characteristics and "edit" the text in the course of conversation. Besides, there is a specific area of interlingual and intralingual adaptation of literature for different age groups or in accordance with the level of proficiency in a foreign language. These examples relate to pragmatic adaptation, but cannot be called localization, which, in its turn, implies, first of all, bringing the text in line with the local – recipient's native language, local culture, country (region) of residence, as well as legal, economic and political parameters. In fiction rendering, localization can also include the task of modernization of the original work.

Against the background of these features, the definition of localization as a complex form of pragmatic adaptation proposed by V.A. Mityagina (Mityagina, 2014) seems appropriate and leads to the conclusion that it is not necessary to separate the concepts of pragmatic adaptation and localization, but to establish relations between them. A number of Russian researchers also consider localization as a kind of adaptive transcoding, which includes a set of techniques for adapting the original text for the corresponding linguacultural environment (Kolosov, 2016; Levitsky, 2019; Anisimov et al. 2019).

At the second stage of the study, we have determined the characteristics of the literary text, which make it possible to classify works of fiction as objects of localization. Since in the modern “era of translated literature” the name of a writer and their works have commercial value and become objects of publishing marketing, it seems reasonable to use various strategies for adapting the text in accordance with the expectations of the foreign target audience. In this regard, we should mention the classification of detective novels and other “stereotyped literature” as a vocal type of texts along with the genres of instruction, campaign materials and advertising (Newmark, 1995).

Haruki Murakami's article on the publication of his works in English-speaking countries testifies to the adjustment of texts in the process of translation. In particular, over a certain period, the writer had been working in close cooperation with American editors and publishers, adapting his works for English-speaking (North American) readers by omitting descriptions of culture-specific circumstances, objects and phenomena generally known in Japan (The essence and existence of translated Japanese literature: 30 years since the first

English-language publication of the works of Murakami Haruki, 2020).

E.H. Wirtén investigates the characteristics of transnational publishing at the world-renowned Harlequin publishing house, which specializes in publishing women's novels around the world in 24 languages. Carrying out research on the example of publications for the Swedish book market, the author emphasizes that the purpose of translation in this case is not to preserve the originality of the source text, but to create a product that will be successful with readers (Wirtén, 1998).

Thus, the literary text may be considered as an object of localization, since it represents a verbal component of a cultural artifact and a product of the world market. In addition, mention should be made of lexical and stylistic features of the literary text, in particular, the saturation with culturally specific elements that can cause cognitive difficulties for readers and, therefore, require the use of appropriate strategies of linguacultural adaptation.

At the third stage of our research, the original English and translated Russian versions of the specified literary works have been analyzed. In particular, a comparative analysis of the English-language lexical units and phrases accompanied by notes in the translated texts has been carried out.

It should be noted that the Russian texts of the novels demonstrate different levels of fluency and adaptation for Russian readers. Russian translation of *The Thousand autumns of Jacob de Zoet* contains numerous examples of adjustment, which ensure a certain degree of localization: *Leiden salts* ("нюхательные соли" – "smelling salts"), *Yakumoso* ("отвар целебной травы якумосо" – "decoction of yakumoso medicinal herb"), *Almelo Clock* ("настольные часы" – "table clock"), *Yankee mash* ("ячменный напиток" – "barley drink"), *Ms.* ("барышня" – mode of Russian address to a woman or a girl), *ladies* ("сударушки" – mode of Russian address to a woman or a girl), *take heart* ("не вешайте нос" – "do not feel down"). Adaptation in these cases is carried out using explication techniques, i.e. indications of the class of objects to which proper names belong, and paraphrases-hyperonymization, i.e. replacing a specific name with a class to which a specific cultural unit belongs.

By contrast, the Russian text of the *Cloud Atlas* novel is rather difficult to understand due to the lack of transformations that could

have provided a higher level of fluency. Here are the following examples:

Оно разговаривает! – воскликнул я и проследил за ее галопом, пока девушка не превратилась в миниатюру на пасторали Ван Дейка (Cloud Atlas, in Rus, p. 73).

Западное крыло Зедельгема украшают несколько осьтающихся башенок, но он не идет ни в какое сравнение с Одли-Эндом или загородной резиденцией Кэпон-Тенча (Cloud Atlas, in Rus, p. 67).

Рядом с одним из них я увидел разбитые раковины каури из Хоному (Cloud Atlas, in Rus, p. 376).

Underlined proper names seem to be rather difficult for a Russian-speaking reader to decode, and a large number of such unadapted units may create a cognitive gap.

Let us consider the features of explicating the meanings of original English expressions using comments. As a result of the conducted content analysis, four tables have been compiled giving examples of Russian-language notes that provide localization of the studied literary texts. The tables also indicate original English-language statements, in which the explicable lexemes are underlined to clearly indicate the techniques ensuring localization of the texts.

Example 1.	
English version	“It speaks!” I cried and watched the girl gallop off until she was a miniature in the <u>Van Dyck</u> pastoral (Cloud Atlas, p. 24).
Russian version	Оно разговаривает! – воскликнул я и проследил за ее галопом, пока девушка не превратилась в миниатюру на пасторали <u>Ван Дейка</u> (Cloud Atlas, in Rus, p. 73).
Note	С. 73. <u>Ван Дейк</u> , Антонис (1599-1641) – фламандский живописец эпохи барокко, работал в Италии и Англии (Cloud atlas. In Rus. p.680)

	Example 2.
English version	<u>Dr Maeno</u> whispers through the muslin curtain (The Thousand Autumns of Jacob de Zoet, p. 3)
Russian version	<u>Доктор Маэно</u> шепчет из-за муслиновой занавески...> (The Thousand Autumns of Jacob de Zoet. In Rus. p. 15)
Note	С. 15. <u>Маэно Рётаку</u> (1723-1803) – японский врач периода Эдо. Знаток хирургии и анатомии...> (The Thousand Autumns of Jacob de Zoet. In Rus. p. 718)
	Example 3.
English version	I've corresponded with <u>Joseph Banks</u> and some of the English and Scottish philosophers, but I've yet to master their language (The Thousand Autumns of Jacob de Zoet, p. 209)
Russian version	Я переписывался с <u>Джозефом Бэнксом</u> и с некоторыми английскими и шотландскими философами, но их языком я не владею в полной мере (The Thousand Autumns of Jacob de Zoet. In Rus. p. 591)
Note	С. 591. Сэр <u>Джозеф Бэнкс</u> (1743-1820) – английский натуралист, ботаник, баронет. Президент Королевского общества. Участвовал в первой экспедиции Джеймса Кука (The Thousand Autumns of Jacob de Zoet. In Rus. p. 746).

Table 1. Adaptation of names of famous people

	Example 1.
English version	Some music will be drawn from an abortive opera based on <u>The Island of Doctor Moreau</u> , whose Viennese production was canceled by the war (Cloud atlas, p. 38)
Russian version	Некоторая музыка будет заимствована из неудавшейся оперы, основанной на " <u>Острове доктора Моро</u> ", – ее представление в Вене отменилось из-за

	войны ((Cloud atlas. In Rus. p. 114)
Note	С. 114. " <u>Остров доктора Моро</u> " (1896) – роман Герберта Уэллса о вивисекторе, выведившем разумные гибриды животных (Cloud atlas. In Rus. p. 682)
	Example 2.
English version	My tweed jacket's scratchy. Mum got it from <u>Oxfam</u> specially for today, and the bow tie's from Oxfam too (Slade House).
Russian version	Твидовый пиджак колется. Мама купила его в " <u>Оксфаме</u> ", специально для сегодняшнего визита (Slade House. In Rus. p. 247).
Note	С. 15. " <u>Оксфам</u> " – сеть магазинов одноименной благотворительной организации, где продаются товары, пожертвованные населением (Slade House. In Rus. p. 247).
	Example 3.
English version	Marketeers prove, every scientific term you use represents two thousand readers putting down the magazine and turning on a rerun of <u>I Love Lucy</u> (Cloud atlas, p. 45).
Russian version	Маркетологи утверждают, что при каждом научном термине, который вы используете, две тысячи читателей откладывают журнал и включают телевизор, где опять крутят " <u>Я люблю Люси</u> " (Cloud atlas. In Rus. p. 133).
Note	С. 133. " <u>Я люблю Люси</u> " (1951-1957) – популярный комедийный телесериал о руководителе кубинского танцевального оркестра Рикки Рикардо и его туповатой жене Люси (Cloud atlas. In Rus. p. 683).

Table 2. Adaptation of proper names

	Example 1.
English version	The Plain is flat as the <u>Fens</u> but in a bad shape (Cloud atlas. In Rus. p. 21).
Russian version	Долина плоска, как <u>фены</u> , но выглядит

	плохо (Cloud atlas. In Rus. p. 67).
Note	С. 67. <u>Фены</u> – низменная приморская область в Восточной Англии (Cloud atlas. In Rus. p. 679)
	Example 2.
English version	Mr. Moody our scoutmaster told me to get lost, so I did, and it took the <u>Snowdonia</u> mountain rescue service two days to find my shelter (Slade House)
Russian version	Мистер Муди, глава скаутского отряда, велел мне валить куда подальше, я и свалил. А потом бригада спасателей <u>Сноудонии</u> меня два дня искала (Slade House. In Rus. p. 19)
Note	С. 19. <u>Сноудония</u> – район на севере Уэльса, где в 1951 г. был открыт одноименный национальный парк (Slade House. In Rus. p. 247)
	Example 3.
English version	Like some pox-maggoty harbour master on the <u>Scheldt</u> extorting illegal fees from the butter barges? (The Thousand Autumns of Jacob de Zoet, p. 8).
Russian version	Как какой-нибудь гнилой начальник порта на <u>Шельде</u> , донимающий незаконными поборами баржи с грузом сливочного масла? (The Thousand Autumns of Jacob de Zoet. In Rus, p. 29).
Note	С. 29. <u>Шельда</u> – река во Франции, Бельгии и Нидерландах (The Thousand Autumns of Jacob de Zoet. In Rus, p. 719).

Table 3. Adaptation of geographic names

	Example 1.
English version	Château Zedelghem isn't the labyrinthine <u>House of Usher</u> it seems at first (Cloud atlas, p. 28).
Russian version	Шато Зедельгем – это не лабиринтообразный <u>дом Эшеров</u> , каким он кажется поначалу (Cloud atlas. In Rus. p.

	85)
Note	С. 85. Аллюзия на рассказ Эдгара По "Падение <u>дома Эшеров</u> " (Cloud atlas. In Rus. p. 680).
	Example 2.
English version	The Third Battle of Ushant, the French call what happened next, an' <u>The Glorious First o' June</u> , the English call it (The Thousand Autumns of Jacob de Zoet, p. 59).
Russian version	Французы называют тот бой "Третье сражение при острове Уэссан", англичане – " <u>Славное первое июня</u> " (The Thousand Autumns of Jacob de Zoet, p. 172).
Note	С. 172. " <u>Славное первое июня</u> " – морское сражение между Великобританией и Французской республикой, произошедшее 1 июня 1794 г. (The Thousand Autumns of Jacob de Zoet, p. 726).
	Example 3.
English version	Venerable? Ruddy <u>Edwardian</u> (Cloud atlas, p. 78).
Russian version	Почтенного возраста? Да нет, он был времен чертовых <u>Эдуардов!</u> (Cloud atlas. In Rus. p. 220).
Note	С. 220. То есть <u>начала XX в.</u> ...> (Cloud atlas. In Rus. p. 689).
	Example 4.
English version	Jamal and Sew al-Avi and their <u>2point4 children</u> live in the house (Slade House).
Russian version	Жильцы дома – Джамал и Сью аль-Ави и <u>два и четыре десятых ребенка</u> (Slade House. In Rus. p. 208).
Note	С. 208. Имеется в виду комедийный сериал " <u>2point4 Children</u> ", шедший на телеканале BBC с 1991 по 1999 г. В названии обыгрывается размер среднестатистической британской семьи (Slade House. In Rus. p. 252).

Table 4. Adaptation of allusions

As can be seen from the tables, the notes provide brief information about famous personalities, geographical objects, literary works, serials, films, songs, allusions and other culture-specific units.

It should be noted that, in comparison with tourist texts, which were previously studied by us in the context of localization (Romadina & Mitagina, 2017) and which also contain a large number of culture-specific lexical units, the literary text demonstrate the need to explicate and describe the realities of not only the original linguistic culture, i.e. linguaculture of the author D. Mitchell, but also any other foreign cultural markers mentioned in the work. For example, the plot of *The Thousand Autumns of Jacob de Zoet* is set in Japan of the turn of the 18th and 19th centuries, which necessitates the adaptation of a large number of Japanese cultural and everyday realities, despite the fact that the author of the book is an Englishman. These include such lexical units as *O-bon* ("commemoration of the dead"), *koku* (Japanese measure of volume), *tatami* (mat), *mon* (monetary unit), *torii* (ritual gates) (*The Thousand Autumns of Jacob de Zoet*).

Allusions as a special category of linguaethnic realities also play an important role in the fiction works under study. They are inserted in the text in the form of explicit or implicit quotations of various texts, known to the speakers of the original language from their cultural and historical experience (fragments of texts from popular films, lines of popular songs, poems, etc.).

In our opinion, translator's notes is a very effective way of conveying all kinds of realities, since they are aimed at preserving and transmitting cognitive components. According to T.A. Alekseytseva, the constant addition of explanations to the text of a work of art can lead to a distortion of the author's intention and erase the peculiarities of a foreign culture (Alekseytseva, 2014). Thus, an advantage of notes as a form of localization consists in the ability to present detailed descriptions of unfamiliar realities to readers without burdening the translation text with explanations that in most cases would be inappropriate and difficult to express in the narrative. In addition, the choice in favor of notes and the rejection of intra-text transformations is explained by the possibility of their faster accomplishment as compared to the process of embedding explications, which is especially important in the modern high-speed era of translated literature. As for the

disadvantages of this form of localization, it should be noted that the notes are not convenient for reading, since readers need to switch from reading the main text to the final part of the book. In this regard, S.E. Landers argues that the appearance of out-of-text comments leads to the loss of the illusion of the reader's experience of the actions taking place in the novel (Landers, 2001).

Conclusion

Thus, the features of localization of English-language novels for Russian-speaking readers have been considered. On the basis of a comparative analysis of the concepts of pragmatic adaptation and localization, important conclusions have been drawn about the advisability of using the latter in the meaning of linguacultural adaptation of literary texts. The study of the specifics of literature globalization, i.e. simultaneous translation of works into a large number of languages in a short-term, makes it possible to classify modern fiction as products of the world market, the verbal component of which, along with that of websites, video games and movies, needs to be adapted so as to meet the readers' expectations.

We have also come to conclusion that translator's notes implement an important cognitive function in a work of fiction and serves as a source of additional information about proper names and culture-specific units that may be unknown to the reader. Taking into account the specificity of lexical units acting as objects of notes, namely, realities, allusions, proper names, this translation technique can be attributed to one of the effective ways of localizing a literary text. The advantages of notes as a way to compensate for the lack of background knowledge is the possibility of a more detailed and quick description of foreign cultural units in comparison with intra-text transformations, which is especially important in the modern era of translated literature.

Литература

1. Алексеева И. С. Введение в переводоведение. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Академия, 2004.
2. Алексейцева Т.А. Внутритекстовый комментарий: незаметное присутствие переводчика // Древняя и Новая Романия. – 2014. – № 13. – С. 1-14.
3. Анисимов В.Е., Борисова А.С., Консон Г.Р. Лингвокультурная локализация кинозаголовков //

- Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2019. – Т. 23. – № 2. – С. 435-459. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-435-459.
4. Допустимы ли "двойные" переводы? О произведениях Мураками Харуки в Германии. – Режим доступа: https://www.nippon.com/ru/views/b03701/?cx_recs_click=true. (дата обращения 28.11.2020.)
 5. Колосов С.А. О соотношении понятий «локализация» и «перевод» // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. Вып. 36. – 2016. – С. 106-111.
 6. Комиссаров В.Н. Общая теория перевода. – М. : ЧеРо, 1999.
 7. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). – М.: Высшая школа, 1990.
 8. Левицкий А.Э. Локализация как актуальная проблема современного переводоведения // Материалы III международной научно-практической конференции "Переводческий дискурс: междисциплинарный подход". – Симферополь, ИТ "АРИАЛ". – 2019. – С. 197-202.
 9. Митягина В.А. Перевод в формировании туристического интернет-дискурса // Медиа- и межкультурная коммуникация в европейском контексте: материалы Международной научно-практической конференции. – Ставрополь, Изд-во Северо-Кавказского федерального ун-та, 2014. – С. 346–348.
 10. Письменный перевод. Рекомендации переводчику, заказчику и редактору / Сост. Н. Дупленский. – М., 2015. – Режим доступа: <http://www.russian-translators.ru/perevodchesky-opit/practika/01/>.(дата обращения 26.11.2020.)
 11. Сущность и существование переводной японской литературы: 30 лет со дня первой англоязычной публикации произведений Мураками Харуки. – Режим доступа: https://www.nippon.com/ru/in-depth/d00491/?cx_recs_click=true. (дата обращения 29.11.2020.)
 12. Achkasov A.A. Rethinking the Scope of Localization // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2017. – No. 3. – Pp. 288-297.
 13. Cadieux P., Esselink B. GILT: Globalization, Internationalization, Localization, Translation // Globalization Insider. – 2004. – Vol. XI. – Iss. 1 (5). – Pp. 1-5.

14. Crane D. Culture and globalization. Theoretical models and emerging trends / D. Crane, N. Kawashima, and K. Kawasaki (eds.) // *Global Culture. Media, Arts, Policy, and Globalization.* – New York and London: Routledge, 2002. – Pp. 1–25.
15. Escarpit R. *La Sociologie de la littérature.* – Paris: PUF, 1958.
16. Landers C.E. *Literary Translation. A Practical Guide.* – Clevedon: Multilingual Matters, 2001.
17. Mityagina V.A., Volkova I.D. Localization in translation theory and practice: historical and cultural view (the case of fiction adaptation) // *The International Scientific and Practical Conference “Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences”* (Volgograd, Russia, April 23-28, 2019), S. Cindori, O. Larouk, E.Yu. Malushko, L.N. Rebrina and N.L. Shamne (Eds.). – Vol. 69. DOI: <https://doi.org/10.1051/shsconf/20196900129>
18. Newmark P. *Approaches to translation.* – New York: Prentice Hall, 1993.
19. Newmark P. *A Textbook of Translation.* – New York: Phoenix ELT, 1995.
20. Nida E.A., Taber Ch.R. *Theorie und Praxis des Übersetzens unter besonderer Berücksichtigung der Bibelübersetzung.* – Stuttgart, Weltbund der Bibelgesellschaften, 1969.
21. Pym A., et al. *Translation Technology and its Teaching.* – Tarragona: Intercultural Studies Group, 2006.
22. Romadina (Volkova) I.D., Mityagina V.A. Translation and Localization of Microtoponyms (Based on Russian and English-Language Texts of Online Tourism Discourse) // *X Linguae Journal.* – 2017 (April). – Vol. 10. – Issue 2. – P. 112-124. DOI: 10.18355/XL.2017.10.02.10
23. Sandrini P. Localization and Translation // *MuTra Journal.* – 2008. – Vol. 2. – P. 167-191.
24. Sdobnikov V. In Defense of Communicative-functional Approach to Translation // *Procedia - Social and Behavioral Sciences.* – 2016. – Vol. 231. – P. 92-98.
25. Vekovishcheva S.N., Guseinova M.I., Priorova E.M., Savchenko E.P. Lexico-Semantic Transformations in Translation of Stories by V.M. Shukshin into English // *RUDN Journal of Language*

Studies, Semiotics and Semantics. – 2019. – Vol. 10 (3). – 622-633. DOI: 10.22363/2313-2299-2019-10-3-622-633.

26. Wirtén E.H. *Global Infatuation: Explorations in Transnational Publishing and Texts: The Case of Harlequin Enterprises and Sweden*. – Uppsala University, 1998.

References

- Achkasov, A.A. (2017). Rethinking the Scope of Localization. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 3, 288-297.
- Alekseeva, I.S. (2004). *Introduction to translation*. St. Petersburg; Moscow: Academy.
- Alekseytseva, T.A. (2014). Intratext commentary: the imperceptible presence of a translator. *Ancient and New Romance*, 13, 1-14.
- Anisimov, V.E., Borisova, A.S., & Konson, G.R. (2019). Linguacultural localization of movie titles. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Linguistics*, 2, 435-459. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-2-435-459>.
- Cadieux, P., & Esselink, B. (2004). GILT: Globalization, Internationalization, Localization, Translation. *Globalization Insider*, 1, 1-5.
- Crane, D. (2002). Culture and globalization. Theoretical models and emerging trends. In D. Crane, N. Kawashima, and K. Kawasaki (eds.) *Global Culture. Media, Arts, Policy, and Globalization*, (pp. 1–25). New York and London: Routledge.
- Duplensky, N. (2015). *Translation. Recommendations for the translator, customer and editor*. Retrieved from <http://www.russian-translators.ru/perevodchesky-opit/practika/01/>. (accessed 28.11.2020.)
- Escarpit, R. (1958). *La Sociologie de la litterature*. Paris: PUF.
- Hidzia-Kirshnerait, I. (2014). *Are "double" transfers allowed? About the works of Murakami Haruki in Germany*. Retrieved from https://www.nippon.com/ru/views/b03701/?cx_recs_click=true. (accessed 28.11.2020.)
- Kolosov, S.A. (2016). On the relationship between the concepts of "localization" and "translation". *Foreign languages: linguistic and methodological aspects*, 36, 106-111.
- Komissarov, V.N. (1990). *Translation theory (linguistic aspects)*.

- Moscow, Higher school Press, 1990.
- Komissarov, V.N. (1999). *General theory of translation*. Moscow, CheRo Press, 1999.
- Landers, C.E. (2001). *Literary Translation. A Practical Guide*. Clevedon: Multilingual Matters.
- Levitsky, A.E. (2019). Localization as an urgent problem of modern translation studies. In *Proceedings of the III international scientific-practical conference "Translation discourse: an interdisciplinary approach"*, (pp. 197-202). Simferopol, ARIAL Press.
- Mityagina, V.A. (2014). Translation in the formation of tourist Internet discourse. In *Media and intercultural communication in the European context: Proceedings of the International scientific and practical conference*, (pp. 346–348). Stavropol, Publishing house of the North Caucasian Federal University.
- Mityagina, V.A., & Volkova, I.D. (2019). Localization in translation theory and practice: historical and cultural view (the case of fiction adaptation). In S. Cindori, O. Larouk, E.Yu. Malushko, L.N. Rebrina and N.L. Shamne (Eds.). *The International Scientific and Practical Conference "Current Issues of Linguistics and Didactics: The Interdisciplinary Approach in Humanities and Social Sciences"* (Russia, April 23-28, 2019). <https://doi.org/10.1051/shsconf/20196900129>
- Newmark, P. (1995). *A Textbook of Translation*. New York: Phoenix ELT.
- Newmark, P. (1993). *Approaches to translation*. New York: Prentice Hall.
- Nida, E.A. & Taber, Ch.R. (1969). *Theorie und Praxis des Übersetzens unter besonderer Berücksichtigung der Bibelübersetzung*. Stuttgart, Weltbund der Bibelgesellschaften.
- Pym, A., et al. (2006). *Translation Technology and its Teaching*. Tarragona: Intercultural Studies Group.
- Romadina, (Volkova) I.D., & Mityagina, V.A. (2017). Translation and Localization of Microtoponyms (Based on Russian and English-Language Texts of Online Tourism Discourse). *X Linguae Journal*, 2, 112-124. <https://doi.org/10.18355/XL.2017.10.02.10>
- Sandrini, P. (2008). Localization and Translation. *MuTra Journal*, 2, 167-191.

- Sdobnikov, V. (2016). In Defense of Communicative-functional Approach to Translation. *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, 231, 92-98.
- Sion, K. (2019). *The essence and existence of translated Japanese literature: 30 years since the first English-language publication of the works of Murakami Haruki*. Retrieved from https://www.nippon.com/ru/in-depth/d00491/?cx_recs_click=true. (accessed 29.11.2020.)
- Vekovishcheva, S.N., Guseinova, M.I., Priorova, E.M., & Savchenko, E.P. (2019). Lexico-Semantic Transformations in Translation of Stories by V.M. Shukshin into English. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 3, 622-633. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-3-622-633>.
- Wirtén, E.H. (1998). *Global Infatuation: Explorations in Transnational Publishing and Texts: The Case of Harlequin Enterprises and Sweden*. Uppsala University.

Источники

1. Митчелл Д. Облачный атлас: роман / Дэвид Митчелл; пер. с англ. Г. Яропольского. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019.
2. Митчелл Д. Тысяча осеней Якоба де Зуга: роман / Дэвид Митчелл; пер. с англ. М. Лахути. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019.
3. Митчелл Д. Голодный дом: роман / Дэвид Митчелл; пер. с англ. А. Питчер. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2019.
4. Mitchell D. *Cloud Atlas* / D. Mitchell. UK, Random House Publishing Group 2008.
5. Mitchell D. *The Thousand Autumns of Jacob de Zoet* / D. Mitchell. Hachette UK, 2010.
6. Mitchell D. *Slade House* / D. Mitchell. Hachette UK, 2015.

Sources

- Mitchell D. (2008). *Cloud Atlas*. UK: Random House Publishing Group.
- Mitchell D. (2019). *Cloud Atlas*. Transl. into Russian by G. Yaropolsky. St. Petersburg: Azbuka-Attikus.
- Mitchell D. (2015). *Slade House*. UK: Hachette.
- Mitchell D. (2019). *Slade House*. Transl. into Russian by A. Pitcher. St.

- Petersburg: Azbuka-Attikus.
- Mitchell D. (2010). *The Thousand Autumns of Jacob de Zoet*. UK: Hachette.
- Mitchell D. (2019). *The Thousand Autumns of Jacob de Zoet*. Transl. into Russian by M. Lakhuti. St. Petersburg: Azbuka-Attikus.

УДК 81.44

<https://doi.org/10.25076/vpl.40.03>

М.А. Савин

О.Е. Почерняева

Московский государственный областной университет

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ

В данной работе рассматривается специфика мужского и женского общения в интернете на основании работ в области гендерной лингвистики. Авторами статьи проведён анализ различных концепций, научных трудов и исследований, относящихся к явлению гендерлекта. На основании работ предыдущих лет было проведено собственное исследование с целью подтвердить или опровергнуть выдвинутые ранее тезисы о существующих различиях в речи мужчин и женщин. В методы исследования входило составление списка исследуемых гендерных маркеров речи, методика оценки их релевантности и проведение опроса с помощью ресурса «Google Формы». Опираясь на результаты проведённой работы, её авторы заключили, что речевые различия между полами проявляются крайне редко, носят несистемный характер и затрагивают только лексический пласт языка. На основании имеющихся данных невозможно утверждать, что существующие особенности речи некоторых представителей мужского и женского полов являются следствием их пола/гендера, а не отдельными следствиями воспитания. Актуальность данной работы обусловлена недостатком подобных исследований в области русского языка и русскоязычного Интернета и неоднозначностью исследований иностранных учёных.

Ключевые слова: гендерная лингвистика, гендерлект, гендерные различия в речи, интернет-коммуникация, гендерные исследования, язык Интернета

UDC 81.44

<https://doi.org/10.25076/vpl.40.03>

M.A. Savin

O.E. Pochernyaeva

Moscow Region State University

GENDER DIFFERENCES OF SPEECH IN INTERNET COMMUNICATION

This article covers the specifics of male and female Internet communication, based on the works in the field of gender linguistics. An analysis of different concepts, scientific works and studies related to the genderlect was performed. Authors of this article conducted their own research based on the works of previous years in order to confirm or refute the thesis about the existing differences in the speech of men and women put forward previously. The research methods consisted of creating a list of studied gender speech markers, creating a methodology for assessing their relevance and conducting a survey using Google Forms. Drawing a conclusion from the results of the study, authors of this article concluded that the speech differences between sexes are extremely rare, non-systemic and affect language only on a lexical level. Based on the available data, it is impossible to confirm that the existing speech features of some male and female representatives are consequential of their sex/gender, and not individual cases of upbringing. The relevance of this work is due to the lack of such studies in the field of Russian language and Russian-speaking Internet, as well as ambiguity of previous studies by foreign scientists.

Keywords: gender linguistics, genderlect, gender differences in speech, Internet communication, gender studies, Internet language

Введение

Вопросы о различиях между мужским и женским полом являются, вероятно, одними из самых неоднозначных и

сопровождает человечество с появления самых первых культур. Большое количество аспектов, начиная с биологического и заканчивая политическим, интересуют как обычных людей, так и научное сообщество. В различных культурах существуют разные представления о равности и равноценности «мужского» и «женского», а вместе с ними – разные мнения о причинах и следствиях различий между полами, впрочем, не всегда соответствующих научным критериям и тому, что можно назвать «здоровым смыслом». Говоря о социокультурных различиях, невозможно не упомянуть о такой важной и основополагающей составляющей человеческой сущности, как язык. Язык – пластичная и саморегулирующаяся система, способная как ясно отображать тенденции в обществе, так и закреплять их.

Понятие гендера

Важной предпосылкой к росту интереса к языковым различиям между полами стало введение термина «гендер». История данного термина начинается в США в 1958 году, когда учёный из Калифорнийского университета, Роберт) впервые ввёл его в употребление (Пушкарёва, 1999). Позднее, в 1963 году, он выступил с докладом на конгрессе психоаналитиков в Стокгольме, в котором представил понятие «гендерного» самоосознания. Концепция Столлера строилась прежде всего на разделении социального аспекта пола (gender), который мог бы стать объектом изучения психологами и социологами, и биологического (sex). То есть, биологический пол указывает на основные ярко выраженные физиологические различия женщин и мужчин, тогда как гендер, в свою очередь, так называемый «социальный пол», является результатом взаимодействия индивида с социумом; его приобщения к той или иной культуре; выражения и порой насаждения социумом определенных ожиданий и выполнения гендерных ролей в соответствии с полом индивида. Таким образом, гендером можно считать результат социализации, которая проходит по-разному для обоих биологических полов. Именно данное исследование предопределило возникновение интереса к тому, что стало называться «гендерными исследованиями» – особым направлением в современных гуманитарных науках. Эти исследования, если говорить о лингвистике, с начала 1960-х, в первую очередь стали определять

характер различий в речи мужчины и женщины не как постоянный, о чём говорилось ранее, а как вероятностный.

Теории гендерлекта

Вследствие роста интереса к гендерным исследованиям языка начали формироваться разные теории о том, что именно формирует гендерлект, равно как и критика подобных теорий. Важными вехами в истории изучения данного вопроса можно назвать следующие теории:

1. Теория социализации

Широко известным в истории лингвистических гендерных исследований стал труд американского лингвиста Робин Лакофф «Language and Woman's Place» (Lakoff, 1973), в котором также используется понятие «гендерлект». В этом труде Лакофф исходит из теории социализации, которая впоследствии также поддерживалась антропологом Элихор Окс. В представлении данных исследовательниц гендерлект есть следствие социализации раннего детства. Диктуемая ребёнку, в зависимости от его пола, гендерно-специфическая манера поведения также определяет и речевое поведение, демонстрирующее навязанную ему феминность или маскулинность. Лакофф выделяла следующие особенности женской речи, ставшие впоследствии основой для множества исследований данного вопроса:

- особенная лексика, связанная с сугубо женскими сферами деятельности и интересами;
- обилие вопросительных форм и разделительных вопросов, как бы показывающих неуверенность говорящего («не правда ли?» «ведь так?»);
- использование вежливых форм и склонность к эвфемизации;
- использование аффективных прилагательных для выражения эмоционального отношения (так мило, очаровательно);
- высокое внимание к детальному обозначению цветов (аквамариновый, розовато-лиловый);
- употребление слов и фраз, смягчающих категоричность утверждения (знаешь, ну как бы, что-то вроде);
- гиперкорректная грамматика.

2. Теория принципа мужского доминирования и женского подчинения

Начиная с конца 1970-х годов и вплоть до конца 1980-х, когда феминистское движение в США набрало большую силу и сформировался период наиболее активной феминистской критики языка, ряд лингвистов настаивал на концепции интенционализма, сознательного поддержания мужчинами своего превосходства в общественной парадигме с помощью речевого поведения. Согласно данной теории, мужское поведение во время речевого акта определяется как некая совокупность целенаправленно создаваемых мужчинами гендерных речевых стереотипов, направленная на образование своей собственной «мужской речи». Это же является средством укрепления и демонстрации доминирования над женщинами, соответственно, выделяющего и «женский язык». Проявляться это может в частом перебивании, длинных речевых конструкциях, высокой степени прямолинейности и так далее. Исходя из этой концепции, исследователи предполагали, что женщины, в большинстве своём обделённые социальным престижем и самооценкой по сравнению с мужчинами, вынуждены соглашаться придерживаться определённого речевого поведения, искусственно навязанного им мужчинами. Также, по мнению исследователей, представляющих данное направление, женщины ориентируются на тактику «коммуникативного сотрудничества», в то время как мужчины – на практику «коммуникативного соперничества» (Thorne & Henley, 1974).

3. Гипотеза «гендерных субкультур»

В 1980-е годы возникла другая достаточно радикальная гипотеза, в которой языковые различия между представителями разных полов рассматриваются по аналогии с культурными, являясь соответственно частью проблематики межкультурной коммуникации. «Теория двух культур», предложенная Д. Таннен, подразумевала мужской и женский пол как абсолютно непохожие друг на друга организованные группы (Tannen, 1990). Это объяснялось, тем, что люди с детства находятся преимущественно в однополых группах, которым свойственны специфические речевые практики, системы ценностей, виды деятельности, разнящиеся в мужской и женской средах. По мнению сторонников

теории «гендерных субкультур», во взрослом возрасте это ведёт к непониманию и речевым конфликтам, связанным, прежде всего, с разницей в культурной организации личности. Женщины и мужчины с раннего детства живут в разных мирах, и разница сохраняется вплоть до периода взросления и полного созревания. По мнению исследователей, это может быть причиной, по которой мужчины и женщины, даже стремясь к гармоничным отношениям, часто чувствуют непонимание или критику со стороны партнёра. В каком-то смысле данный подход к объяснению проблемы можно рассмотреть, как более радикальное продолжение теории социализации.

Специфика интернет-дискурса

Сложно отрицать, что современное общество «живет» в интернете – практически всё необходимое индивид может получить, воспользовавшись своим смартфоном или персональным компьютером, имеющим доступ в интернет. Наряду с другими благами, человеку стал доступен самый эффективный способ быстрой коммуникации. Интернет-среда является отдельным, альтернативным миром, где пользователям зачастую предоставлена свобода слова, право на анонимность, возможность общения онлайн, не требующая прямого взаимодействия людей друг с другом. Также интернет обладает собственным языком, который является деформированной, упрощенной версией литературного. А.В. Прокофьева в статье «Развитие дискурса интернет-пространства на современном этапе и особенности его языковой организации» выделяет следующую специфику интернет-дискурса, выраженную на разных языковых уровнях, упорядоченных в таблице (Прокофьева, 2014).

Графический	Лексический	Синтаксический	Морфологический
Смайлики	Аббревиатуры	Аграмматизм	Создание новых слов с помощью словосложения и конверсии
Астериски (*)	Акронимы		

Выделение слов			
Большие буквы			
Повтор одних и тех же слов			
Разделение букв пробелами			
Различные символы Юникода (#, \$, %)			

Таблица 1. Специфика интернет-дискурса

Опираясь на представленную таблицу и наши личные наблюдения, можно выделить особые коммуникативные механизмы, используемые в виртуальном дискурсе. Чтобы восполнить, например, нехватку эмоциональной окраски послания, если элементы эмотивной лексики не выполняют данную задачу, пользователи используют различные актуальные символы, именуемые смайликами\эмодзи. Также в последнее время популярность приобретают красочные стикеры, иногда анимированные. Использование только верхнего регистра при написании слова/фразы/предложения обычно соотносится с повышенным тоном, с негативной или позитивной эмоциональной окраской, в зависимости от контекста. Несмотря на относительно недавнее появление возможности общаться при помощи записи голосовых сообщений, звукоподражание на письме остается таким же актуальным механизмом (чмок, пф и т.д.).

Гендерные особенности речи в интернет-коммуникации

На данный момент существует ряд исследований поведения людей во время участия в общении с помощью сети интернет, в том числе и речевого. Некоторые из этих работ рассматривали как основной фактор пол участников коммуникации и то, как он непосредственно влиял на речевое поведение на различных площадках для общения, в которые могут входить форумы, чаты, блоги и так далее. Большая часть исследований, проводившихся с целью установить закономерности между стилями общения женщин и мужчин, опирается на теории, о которых было сказано выше. Например, в исследовании американского лингвиста

Сьюзан Херринг (Herring, 1996) было обнаружено, что для женщин и мужчин в интернет-пространстве существует свой негласный этикет общения (форумы, чаты), отличающийся для разных полов (Herring, 1996). Данный этикет общения диктуется обществом в целом и во многом совпадает с таковым в реальной жизни, в «живом» общении. В него входит:

- непринятие использования женщинами обценной лексики, или, во всяком случае, меньшая терпимость к таким проявлениям;
- оправдание мужских агрессивности и состязательности, которые выливаются в определённую манеру общения, как в реальной жизни, так и в сети интернет;
- ожидание от женщины поддерживающего и сочувствующего поведения и так далее.

На примере данной работы можно проследить как общество и диктуемые им правила поведения в зависимости от социального статуса, не обязательно неравноценного, проникают также и в интернет-коммуникацию. Важно заметить, как интерпретация результатов исследования уже «свободного», зачастую анонимного интернет-пространства, где существует огромное количество возможностей для сокрытия своей гендерной принадлежности, речевого поведения вне гендерных стереотипов и так далее, отчасти совпадает с гипотезами, выдвинутыми ещё в 1970-е годы, например, с «теорией принципа мужского доминирования и женского подчинения». В частности, Херринг (Herring, 1996) и в других своих работах упоминает тактики «коммуникативного сотрудничества» и «коммуникативного соперничества». Это исследование и многие другие подобные действительно показывают, что общество ожидает определённые паттерны речевого поведения (и поведения вообще) от представителей разных полов, даже если общение происходит в сети интернет. Херринг также говорит о существовании некоего «социального давления» на женщин, относительно речевого поведения, сохраняющегося в том числе и в интернет-коммуникации. Это может приводить к поведению, исходящему из подавленной самооценки. Некоторые исследования, не связанные с изучением гендерлекта напрямую, отмечали, что подобные тенденции могут объяснять большее стремление к анонимности и

использованию псевдонимов (там, где это возможно) у женщин. Одним из выводов работы «Language And Computer-mediated Communication» являлось то, что женщины стремятся с помощью анонимности в интернет-дискурсе выйти на «один уровень» с мужчинами, которые, наоборот, предпочитают, по возможности, использовать свои реальные имена (Miller & Durnell, 2004). Другие исследования, согласно статье И.А. Якобы, более актуальные и проводившиеся на базе уже русскоязычного интернета, также показывают, что между полом и речевым поведением человека при интернет-коммуникации существует определённая корреляция (Якоба, 2012). Из половых различий в речевом поведении русскоязычных людей, в том числе в этой работе и других, выделяли:

- женщины более склонны к нормативному и корректному использованию языка (это относится и к грамматике, и к выбору лексики);
- женщины более склонны детализировать свою речь;
- женщины ведут себя менее агрессивно, чем мужчины;
- мужчины с большей активностью используют жаргонизмы и специализированную лексику;
- мужчины чаще доминируют в общении и становятся инициаторами смены тем;
- мужчины чаще рассуждают прямолинейно, безапелляционно и решительно, опираясь на «общеизвестные факты».

Стоит отметить, что неоднократно повторяющийся тезис о том, что мужское поведение в сети в целом более агрессивное, чем женское, может быть следствием нахождения в более безопасном для коммуникации, чем реальная жизнь, интернет пространстве. Пребывание в ощущении безопасности и безнаказанности может приводить к более редкому сдерживанию вербальной агрессии. Основываясь на личных наблюдениях, авторы данной работы хотели бы добавить, что некоторые мужчины, при личном общении ведущие себя в рамках приличия, даже не общаясь с человеком, который мог бы быть источником какой-либо «угрозы», при коммуникации в интернет-пространстве могут кардинально преобразиться. Измениться может не только речевое поведение, проявляющееся, например, в резком учащении

использования мужчиной обсценной лексики, но и сам стиль поведения, внезапно меняющийся на провокативный и агрессивно-доминирующий. Авторы также хотели бы отметить, что замечали подобные изменения и в поведении женщин, но намного реже и не настолько драматичные.

Особенности женской речи в интернет-коммуникации

При общении как в реальном времени, так и в интернет-пространстве, одним из определяющих факторов является гендер. Гендер задает особую коммуникационную стратегию. По мнению И.В. Сидорской женщины используют стратегию, направленную на взаимопонимание и предоставление обратной связи, которая является не формальностью своего рода, а искренним желанием проявить понимание или же заботу о собеседнике (Сидорская, 1999). Воспользовавшись системой описания языковой личности, предложенной в работе «Русский язык и языковая личность» Ю.Н. Караулова, мы вывели некоторые лингвистические особенности женского языка в интернет дискурсе (Караулов, 2010).

Классификация представлена на трех уровнях: вербально-семантическом, когнитивном и мотивационно-прагматическом.

- **Вербально-семантический уровень** содержит следующие особенности речи: стремление к наиболее грамотной речи, соблюдению языковых норм; высокий уровень эмотивности, частая передача собственного эмоционального состояния; крайне редкое использование обсценной лексики, в основном использующейся для выражения негативных эмоций; частое внедрение в речь вопросов с целью усилить динамику разговора, вводных конструкций; также женская речь содержит особо длинные речевые конструкции и обособленные обороты.
- **Когнитивный уровень** представлен следующими особенностями: высокий уровень эмоционально-оценочной лексики; использование различных «острых» слов с целью шуточно или язвительно уколоть собеседника; речь очень вариативна, присутствует избегание прямолинейности.
- **На мотивационно-прагматическом уровне** женщины стремятся к сохранению дружественной атмосферы, получению поддержки или одобрения их действий,

согласия с их точной зрения, сближению с собеседником путем обсуждения общих проблем и неурядиц.

Особенности мужской речи в интернет-коммуникации

Исследователи гендерных различий в речи обращаются к специальным речевым маркерам (Savicki, Lingenfelter & Kelley, 1996) (Sameer, 2001), проявление которых должно либо подтвердить, либо опровергнуть изложенные ранее теории о языковых различиях между полами. К таким маркерам у мужчин могут относить, например:

- грубость, агрессивность;
- использование обценной лексики;
- состоятельность с другими членами группы;
- прямолинейность в высказываниях;
- аргументативность и так далее.

Общение в группах с разной пропорцией полов может, в теории, приводить к разным результатам. Однако результаты исследований не всегда коррелируют с тезисами таких учёных, как Таннен или Хенли. В исследовании В. Савицки (Savicki, 1996), основанном на наблюдении за поведением внутри 27 групп с разным гендерным составом и примерно одинаковым количеством участников, было обнаружено, что пропорция мужчин в коллективе (от 50% до 100%) не влияет в особой мере ни на проявление вербальной агрессии, ни на самоутверждение и подкрепление своего статуса за счёт других членов группы. Во всех группах агрессия проявлялась примерно с примерно одинаковой частотой. Исследователи также заметили, что увеличение концентрации мужчин в чате приводит к более конструктивному и прямолинейному дискурсу. Таким образом из 7 предложенных к рассмотрению маркеров подтвердилось только два. Относительно женщин в данном исследовании также подтвердилось только 2 маркера из 7: больше попыток к предупреждению и разрешению конфликтов и большая тенденция к обсуждению личных тем (о собственных эмоциях, переживаниях и так далее). Важно отметить, что несмотря на присутствие различий в показателях, которые можно было бы воспринимать как значимые, они всё ещё, по мнению исследователей, статистически малы.

К тому же данные показатели могут меняться в зависимости от многих параметров, будь то размер группы или профессиональная и/или социальная сфера, которой участники группы принадлежат. Исследователи настаивают, что все данные подобных работ должны восприниматься с особой осторожностью, так как вне контекста результаты могут терять всякую актуальность. Из результатов работ о гендерлекте и корреляции речевого поведения с гендерным составом групп можно сделать несколько выводов о том, какие особенности, вероятно, характерны для большей части мужских чатов:

- маловероятно, что речевое поведение участников чата резко изменится, если поменяется его гендерный состав;
- в мужских чатах реже обсуждаются личные темы;
- дискурс в мужских чатах более целенаправленный и прямолинейный.

Однако почти сразу эти особенности можно поставить под сомнение. В начале очень важно отметить, что спектр таких особенностей настолько узок не просто так. Как говорилось ранее, во всех подобных исследованиях колоссальную роль играет контекст и социо-политическая ситуация в стране, затрагивающая взаимоотношения между полами. Экстраполировать более развёрнутые результаты исследований, проведенных в США или Англии, на российскую действительность было бы некорректно и не привело бы к хоть как-то отображающим реальность результатам. Особенности, указанные выше, в целом соответствуют представлениям некоторых социологов о различиях между полами, однако, и они подвергаются определённой критике. В частности, затрагивая тему обсуждения личных тем, на данный момент нет никаких оснований полагать, что мужчины, действительно, «раскрываются» перед собеседником меньше, чем женщины (Petronio, 1999). Статистических данных такого рода по разнице частоты проявления агрессии и попыток самореализации за счёт собеседника в мужских и женских чатах тоже не имеется. Это говорит о неоднозначности ответов на вопросы о различии речевого поведения мужчин и женщин и о восприятии полов социальными науками в целом. Не исключено, что даже научная перспектива на данную проблему может исходить из набора давно

укоренившихся в сознании общества стереотипов, что в совокупности с отсутствием обширной, адекватной и исчерпывающей статистики едва ли даёт полноценный ответ на вопрос о реальной специфике мужских чатов.

Исследование специфики гендерно-однородных чатов

На основании изученного научного материала был сделан вывод, что прямая экстраполяция результатов европейских и американских исследований языковых различий между полами неуместна в виду различий менталитета, культуры и социальной иерархии внутри российского общества. Степень разрыва между полами внутри страны, специфическая социо-политическая ситуация и огромное количество других факторов могут сильно сказываться на полученных результатах не только в соседних странах, но и, возможно, даже в соседних областях одного региона.

Учитывая отсутствие относительно новых и, следовательно, релевантных исследований, было принято решение провести собственное исследование, опирающееся на концепции и положения, рассмотренные ранее в других работах. Целью исследования было подтвердить или опровергнуть существование значительных и системных особенностей организации коллективного общения в сети интернет. Исследование проводилось при участии респондентов обоих полов для изучения особенностей групповой интернет-коммуникации мужчин и женщин. В качестве используемой методики было выбрано исследование актуальных речевых маркеров, ранее использованных другими исследователями данного вопроса, например, И.Ф. Якобой (Якоба, 2012) или В. Савицки (Savicki, 1996). Выбор маркеров обуславливался частотой их упоминания в исследованиях русскоязычного интернет-пространства и пересечениями с теоретическими положениями ранних исследователей данного вопроса. В качестве маркеров, рассматриваемых в ходе исследования, были выбраны:

- степень насыщенности речи жаргонизмами;
- степень насыщенности речи обценной лексикой;
- степень эмоциональной окраски речи;
- общая длина речевых конструкций;

- общая конфликтность и агрессивность речевого поведения;
- степень внимания к деталям;
- наличие/отсутствие явления «гиперкорректности» грамматики внутри высказываний одного пола.

В качестве критерия оценки актуальности данных маркеров была введена система оценивания «подтверждён» / «условно подтверждён» / «не подтверждён». При анализе вопросов, подразумевавших выбор между коллективами с разным половым распределением, при 40-50% и более ответов «разницы не замечал», маркер попадал под категорию «условно подтверждён». Если при этом разница между вариантами ответа «в группах с мужским контингентом» и «в группах с женским контингентом» составляла не более 15%, маркер переходил в категорию «не подтверждён». Для изучения данных маркеров была разработана анкета со следующим содержанием:

- блок личной информации (пол, возраст, уровень образования);
- блок оценки личного речевого поведения;
- блок оценки стороннего речевого поведения.

Данная структура преследовала собой цель изучить: во-первых, насколько выбранные маркеры подтверждаются самими мужчинами и женщинами в собственном речевом поведении; во-вторых, то, подтверждает ли эти маркеры сторонняя оценка мужчин-респондентов и женщин-респондентов, соответственно; в-третьих, существуют ли корреляция данных, полученных из второго и третьего блока. Анкетирование проводилось с помощью платформы «Google Forms» и состояло из 21 вопроса. Испытуемые привлекались с помощью личного приглашения принять участие в исследовании авторами статьи и уже принявшими участие респондентами. Для чистоты результатов авторы исследования старались охватить как можно больший возрастной спектр пользователей интернета в России. В качестве «воздействующего фактора» в конце второго блока анкеты был помещён вопрос об оценке собственного уровня предвзятости к собеседникам противоположного пола. Он был призван настроить респондентов на менее предвзятое отношение при ответе на дальнейшие вопросы в блоке оценки стороннего речевого поведения.

Статистический анализ проводился при помощи встроенного инструментария платформы «Google Sheets». Контрольная группа из людей, не пользующихся интернетом, не была сформирована ввиду ряда факторов, таких как крайняя затруднённая (граничащая с невозможностью) поиска подобных респондентов, невозможность проведения анкетирования с такими респондентами в силу действовавших карантинных мер ограничения в г. Москве на момент проведения исследования.

За время проведения исследования с 1-го до 10-го июня 2020 г. в анкетировании приняло участие 228 человек, из них 111 мужчин и 118 женщин. Большая часть (~67%) была трудоустроена, возрастной диапазон в целом равномерно охватывал респондентов всех групп возрастов, за исключением интервала 59-70 лет, что можно представлено на диаграмме ниже.

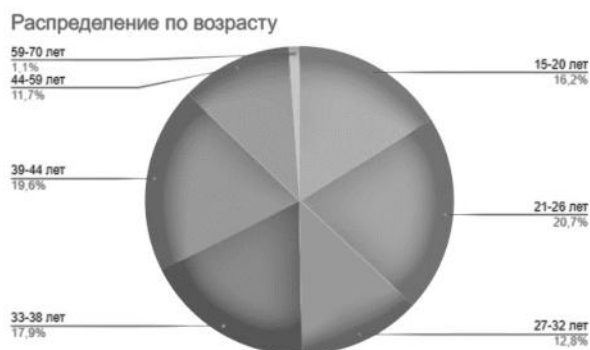

Рис.1 Диаграмма возрастного распределения

После обработки и систематизации данных, полученных из первой части опроса, были сделаны следующие выводы о речевом поведении мужчин и женщин.

1. Подавляющее большинство опрошенных мужчин используют в своей речи при общении в интернете жаргонизмы. При этом ~50% всех опрошенных делают это часто. Можно сделать вывод, что мужчины, в целом, не избегают специфической лексики, которая может быть понятна только им и какому-то ограниченному числу лиц (рис. 2). При сравнении с ответами женщин-респондентов,

можно заметить некоторую разницу между соотношениями ответов «иногда-часто» (рис. 2.1).

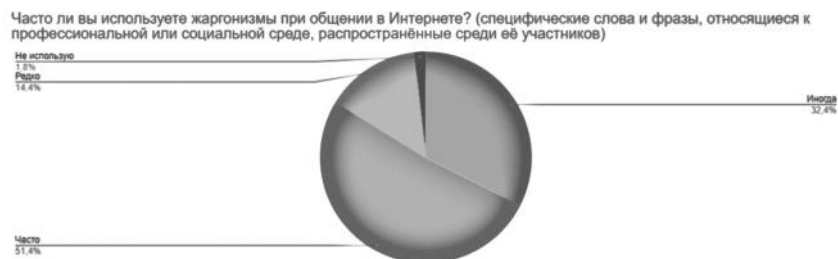

Рис. 2

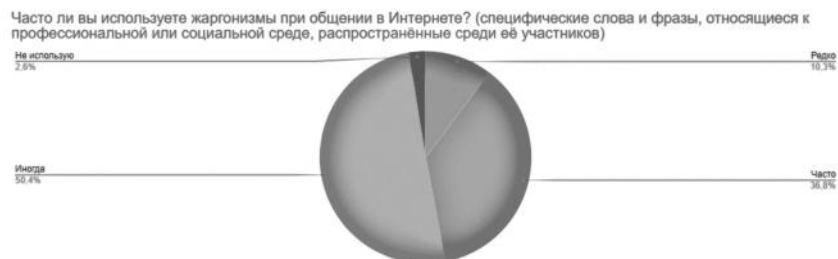

Рис. 2.1

2. Общевой лексикой часто пользуется 33% опрошенных мужчин, в то время как 20% утверждают, что не пользуются ей вообще, а 26% – редко (рис. 3). На вариант ответа «не использую» ответило на 10% больше женщин, чем мужчин (рис. 3.1).

Часто ли вы используете obscene (uncensored) lexicon when communicating on the Internet?

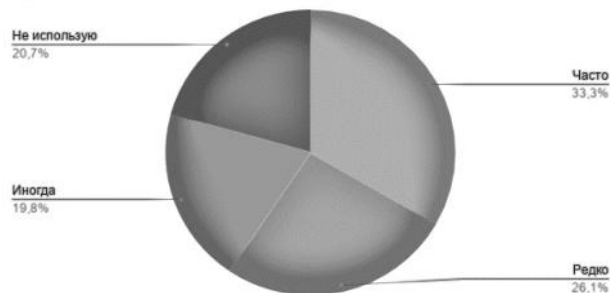

Рис. 3

Часто ли вы используете obscene (uncensored) lexicon when communicating on the Internet?

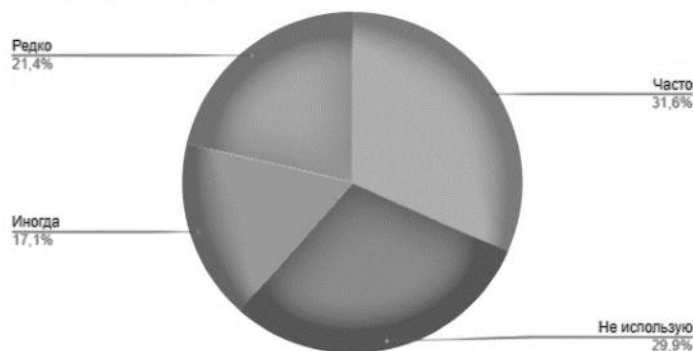

Рис. 3.1

- ~40% of those who participated in the survey consider their speech on the internet as a whole emotionally colored. Another 44% note that this phenomenon in their speech is less pronounced, however, this gives an idea that men in most cases do not avoid demonstrating their emotions when communicating on the internet (fig. 4). A larger number of women (58%) chose the answer option «often». In total, it is possible to observe a visible difference in the distribution of answers between different gender groups of respondents (fig. 4.1).

По вашему мнению, ваша речь часто бывает эмоционально окрашенной?

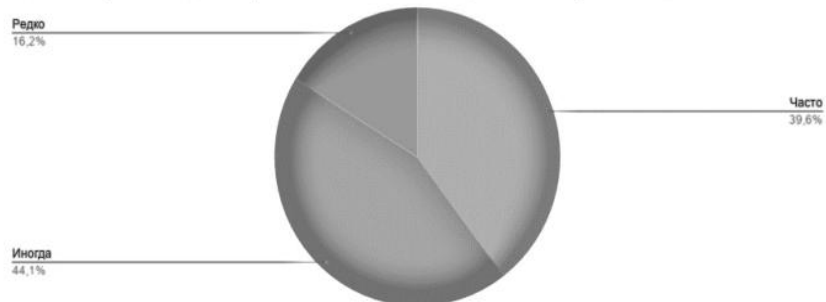

Рис. 4

По вашему мнению, ваша речь часто бывает эмоционально окрашенной?

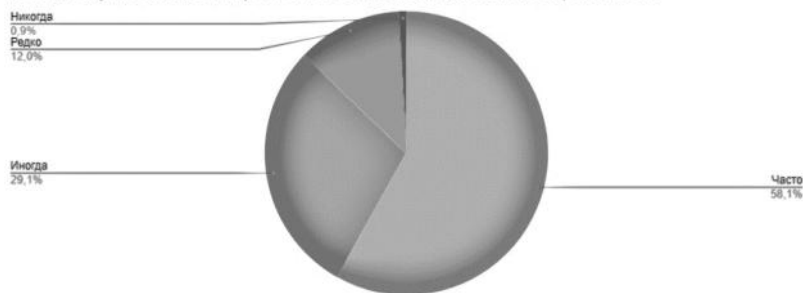

Рис. 4.1

4. Эмоционально смягчающие конструкции используют часто ~39% и иногда 37% респондентов, из чего нельзя сделать вывод, что для мужчин подобное явление нехарактерно. Стоит заметить, что обширная инвазия таких слов в лексикон любого современного русскоязычного человека почти неизбежна, так как многие из данных слов можно отнести к словам-паразитам (рис. 5). Несмотря на это, присутствует заметная разница между ответами женщин-респондентов – женщин, выбравших вариант ответа «часто» на данный вопрос на 18% больше, чем мужчин (рис. 5.1).

Часто ли вы используете эмоционально смягчающие конструкции в своей речи? (знаешь, ну как бы, что-то вроде etc.)?

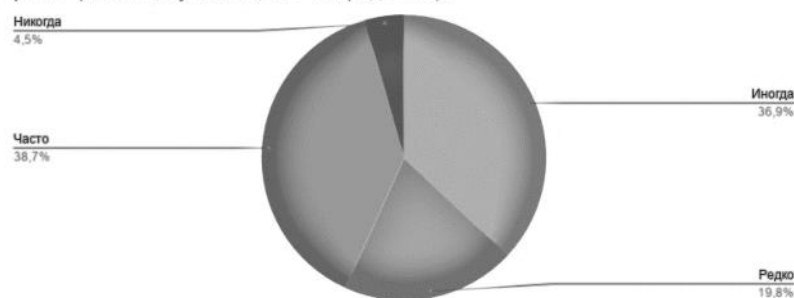

Рис. 5

Часто ли вы используете эмоционально смягчающие конструкции в своей речи? (знаешь, ну как бы, что-то вроде etc.)?

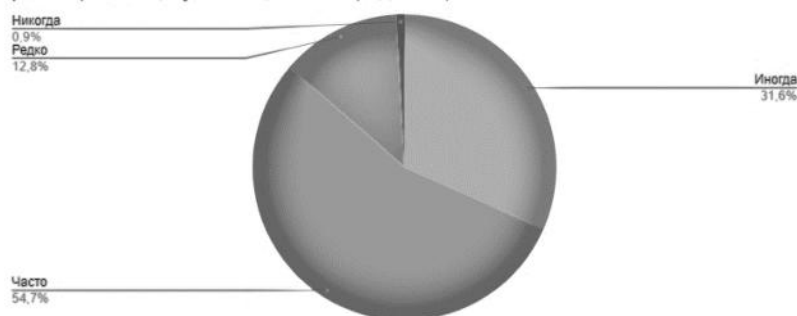

Рис. 5.1

5. Большая часть респондентов (~48%) ответила, что редко использует разделительные вопросы («не правда ли?», «ведь так?» и т.д.), ~13% – часто, ~25% – иногда, ~14% – никогда. Статистика между половыми группами в данном пункте практически идентична.
6. Большинство мужчин-респондентов ответило, что использует предложения средней длины. По остальным вариантам ответа наблюдалось равномерное распределение со стремлением к срединному варианту (рис. 6). Статистика по ответам женщин-респондентов практически идентична мужской (рис. 6.1).

По вашему мнению, предложения каких длительности Вы обычно используете при общении в Интернете (по шкале * до 5)?

Рис. 6

11. Как вы оцениваете предложение о продолжительности общения при общении в Интернете (по шкале * до 5)?

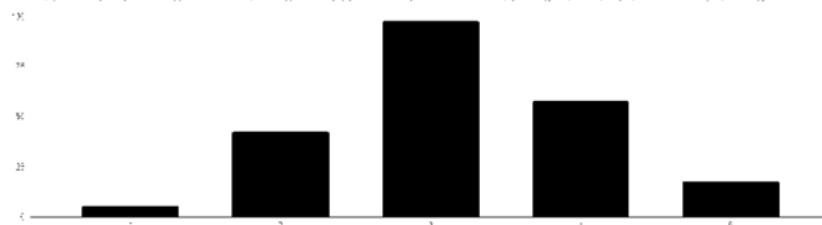

Рис. 6.1

7. Большая часть респондентов оценило своё поведение в интернете как в целом неконфликтное, показав относительно равномерное распределение по ответам как у мужчин (рис. 7), так и у женщин (рис. 7.1).

Как вы оцениваете свою конфликтность при общении в Интернете (по шкале от 1 до 5)?

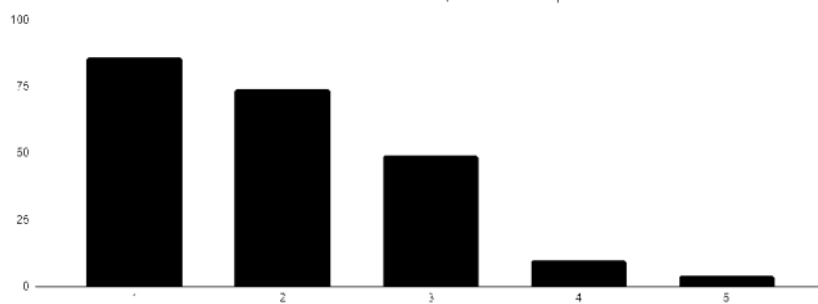

Рис. 7

Как вы оцениваете свою конфликтность при общении в Интернете (по шкале от 1 до 5)?

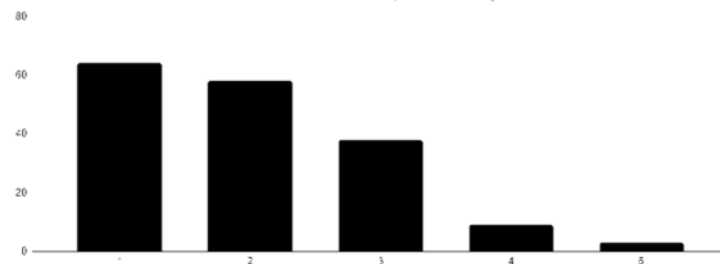

Рис. 7.1

8. Большая часть мужчин-респондентов оценило свой общий уровень грамматики как хороший (рис. 8), так же, как и женщины-респонденты (рис. 8.1). В обоих случаях ответы распределились примерно одинаково.

Как вы оцениваете свой общий уровень грамматики при общении в Интернете (по шкале от 1 до 5)?

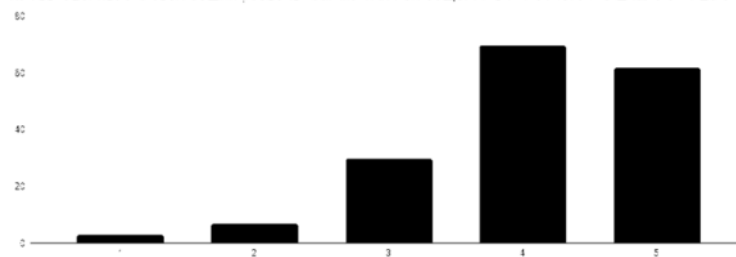

Рис. 8

Как вы оцениваете свой общий уровень грамматики при общении в Интернете (по шкале от 1 до 5)?

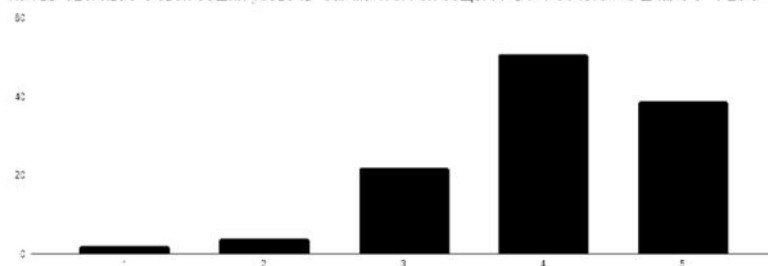

Рис. 8.1

Переходя ко второй части исследования, в которой респонденты из разных половых групп характеризовали стороннее речевое поведение, можно приступить к интерпретации результатов в целом и к подтверждению/опровержению актуальности для русскоязычного пространства маркеров, которые использовались в гендерных исследованиях речи до этого. В пунктах, где рассматривается только распределение по ответам «не заметил разницы» и «женские/мужские группы», оставшиеся голоса были отданы за «смешанные группы». Также, необходимо указать на одну интересную деталь: мужчины чаще, чем женщины, отвечали, что не замечают разницы в речевом поведении между полами. Было выдвинуто предположение, что это может быть связано с большей распространённостью стереотипов о женском речевом поведении среди женщин, чем у мужчин. Это означает, что, вероятно, женщины больше склонны верить, что обладают особой манерой речи. Также было выдвинуто и другое предположение: женщины в большей степени следуют стереотипам о «женском языке», чувствуя давление общества, так же, как и в случае с гендерными ролями и другими стереотипами.

1. Половина респондентов не замечала разницы частоты употребления жаргонизмов у женщин или мужчин, в то время как 27% респондентов отмечали более частое их употребление в чатах с преобладающим или однородным мужским контингентом (рис. 9), в то время как за женские проголосовало всего 6%. Можно сделать вывод, что мужчины действительно могут использовать жаргонизмы несколько чаще, чем женщины. Однако 52% опрошенных, не заметивших различий в данном аспекте, склоняются к обозначению маркера частоты жаргонизмов как условно подтверждённого.

При общении в интернете, в группах с каким контингентом Вы ЧАЩЕ встречали употребление жаргонизмов (специфические слова и фразы, относящиеся к профессиональной или социальной среде, распространённые среди её участников)?

228 ответов

Рис. 9

2. ~41% респондентов считает, что обценная лексика чаще встречается в мужских чатах. ~34% опрошенных разницы не заметили (рис.10). Исходя из этих данных, можно сделать вывод, что мужчины, вероятно, чаще чем женщины используют обценную лексику. Несмотря на отсутствие каких-либо актуальных и исчерпывающих исследований по вопросу отношения российской общественности к нецензурной лексике у разных полов в обществе можно, действительно, заметить более негативное отношение к её проявлению у женщин, предположительно, являющееся частью своеобразной «народной» культуры или требований современной «городской» культуры о неприемлемости обценной лексики в присутствии детей и женщин (Загруддинов, 2020). Статистика по аналогичному вопросу из первого блока также отчасти подтверждает эту теорию. Данный маркер можно обозначить, как подтверждённый.

При общении в интернете, в группах с каким контингентом Вы ЧАЩЕ встречали употребление obscene (нецензурной) лексики?

228 ответов

Рис. 10

3. ~41% респондентов указал, что не замечает различия в общей эмоциональной окраске мужских и женских чатов, из оставшейся половины 25% считает, что в смешанных группах эмоциональность речи идентична женским (25.4%). За мужские, однако, проголосовало 7.9%, что меньше, но всё ещё в допустимых рамках (рис. 11). Основываясь на полученных данных, нет никаких оснований полагать, что мужская речь в интернете в какой-то значительной степени менее эмоциональная, чем женская из-за каких-то системных закономерностей. Данный маркер не подтверждён.

При общении в интернете, в группах с каким контингентом Вы ЧАЩЕ встречались с эмоционально окрашенной лексикой?

228 ответов

Рис. 11

4. То же самое касается использования эмоционально смягчающих конструкций и разделительных вопросов. ~53% процента не замечает разницы, в то время как 25% отметило мужские чаты, а 6% женские. В данном случае важно представить пример из мужской выборки, где результаты заметно отличаются: 59% процентов не замечает разницы, в то время как 16% отметило мужские чаты, а 17% женские. Учитывая незначительные различия в вопросе про эмоционально смягчающую лексику, а также идентичную статистику по вопросу об использовании разделительных конструкций из первого блока, мы пришли к выводу, что данный маркер не может быть подтверждён.

При общении в интернете, в группах с каким контингентом Вы ЧАЩЕ встречались использованием эмоционально смягчающих конструкций и/или разделительных вопросов?

228 ответов

Рис. 12

5. Аналогичная ситуация с общей длиной речевых конструкций. 50% респондентов не заметило разницы, женские и мужские выбрало ~21% и 7.5% соответственно (рис 13). Учитывая аналогичный вопрос из первого блока, можно сделать вывод, что результаты, как и в случае с эмоциональной окраской, говорят скорее о большей склонности женщин характеризовать свои речевые конструкции, как более длинные и распространённые. Данный маркер не подтверждён.

При общении в интернете, в группах с каким контингентом Вы ЧАЩЕ встречались с использованием в целом длинных и распространённых предложений?

228 ответов

Рис. 13

6. 38% респондентов не замечает разницы в частоте проявления конфликтного поведения между мужскими и женскими группами, 27% отметило мужские, как более конфликтные, 22% – смешанные, 12% – женские. (рис. 14.). В данном случае для дополнительной наглядности можно также привлечь статистику из мужской выборки: 43% не замечает разницы, мужские чаты выбрало 29%, а женские 11% (рис. 14). Авторы данной работы предполагают, что подобные колебания могут являться следствием разных представлений об агрессивности при общении у представителей разных полов. Как было установлено ранее, для мужских/преимущественно мужских групп (как и индивидуумов мужского пола) более характерно частое использование обценной лексики. Это, по нашему предположению, может являться более значимым показателем агрессивности в представлении женщин, чем у мужчин, так как для меньшего количества женщин использование подобной лексики является допустимым. Делая вывод из всего вышесказанного, можно сказать, что различия в данной статистике несодержательны, поэтому данный маркер тоже не подтверждён.

При общении в интернете, в группах с каким контингентом Вы ЧАЩЕ встречались с конфликтным поведением и попытками самореализации за счёт собеседника?

228 ответов

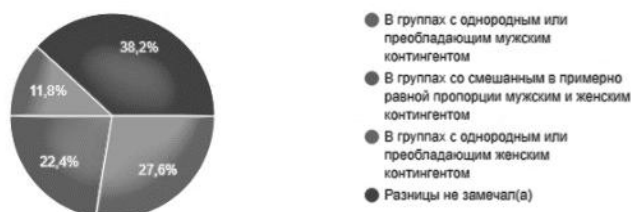

Рис. 14

7. ~55% опрошенных не видят разницы в общем уровне корректности грамматики мужских и женских чатов. 16% выбрали женские как более грамотные, а 10% – мужские (рис. 15). Данные различия несодержательны, соответственно, маркер не подтверждён.

При общении в интернете, в группах с каким контингентом Вы РЕЖЕ встречались с неграмотной речью в плане грамматики (согласование членов предложения, выбор правильных форм слова и т.д.)?

228 ответов

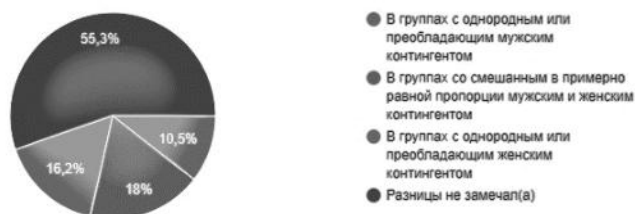

Рис. 15

8. 43.5% респондентов не видят разницы во внимании к деталям между женскими и мужскими коммуникационными группами. 36% ответили, что внимание к деталям характерно для женских чатов, 7% – для мужских (рис. 16). Мужская выборка в целом совпадает (53%, ~23% и 8%.) и говорит в очередной раз о

том, что женщины более склонны расценивать своё речевое поведение, как соответствующее данному аспекту. В дополнение к этому, авторы полагают, что выбранный пример, цитата: «например, при указании названий цветов», был не до конца правильно интерпретирован респондентами, и некоторая их часть ответила исходя из стереотипного суждения о том, что женщины, во-первых, лучше разбираются в цветоименованиях, а, во-вторых, внимательнее следят за их чётким употреблением. Интересно заметить на общей выборке, что женщины более склонны рассуждать исходя из этого стереотипа, чем мужчины. Данный маркер, во всяком случае для мужчин, однозначно не подтверждён.

При общении в интернете, в группах с каким контингентом Вы ЧАЩЕ встречались с повышенным вниманием к деталям (например, при указании названий цветов)?

228 ответов

Рис. 16

Заключение

В ходе исследования из выбранных маркеров (степень насыщенности речи жаргонизмами, степень насыщенности речи обсценной лексикой, степень эмоциональной окраски речи, общая длина речевых конструкций, общая конфликтность и агрессивность речевого поведения, степень внимания к деталям, наличие/отсутствие явления «гиперкорректности» грамматики внутри одного пола.) был подтверждён только один (степень насыщенности речи обсценной лексикой у мужчин). Это означает, что мужчины чаще употребляют обсценную лексику по сравнению с женщинами, что ведёт к её значительно большему проявлению в мужских чатах. Условно подтверждён был также только один

маркер (степень насыщенности речи жаргонизмами у мужчин). Статистические различия между вариантами ответов были достаточно серьёзными, что нельзя было не указать при интерпретации результатов исследования, однако, важной поправкой является то, что половина респондентов, отвечая на этот вопрос, изначально не увидела разницы между группами с разным половым составом. Это единственные различия, которые, действительно, удалось подтвердить в ходе исследования.

После интерпретации результатов анкетирования можно сделать несколько заключений. Во-первых, даже несмотря на более непростую, чем в странах Запада, ситуацию с неравенством полов, в России на языковом уровне различия между полами проявляются в довольно ограниченной, специфической и несистемной манере. Специфичность проявления таких различий, касающихся, как было установлено, исключительно лексической составляющей, объясняется особенностями культурно-исторической парадигмы, в рамках которой живут наши соотечественники. Во-вторых, даже те незначительные различия, которые были подтверждены в ходе исследования, касаются даже не столько лексического пласта в формате определённых закреплённых за представителями разных полов нормами выбора лексики, сколько частотностью её употребления. В-третьих, обнаруженные несущественные различия, действительно, связаны с влиянием общественной системы межличностных отношений в России, что, отчасти, подтверждает положения, изложенные более ранними исследователями данной проблемы. Однако, авторы данной работы склонны полагать, что такие особенности, имея настолько ограниченный и несистемный характер, являются скорее редкими случаями проявления определённого влияния родителей на процесс детской социализации индивида.

Тема неравенства полов в России является актуальной и широко обсуждаемой. Однако из всех возможных форм проявления этого неравенства, по мнению авторов данной работы, языковая – наименее значимая и почти незаметная. Те данные, которые подтвердились в ходе исследования, равно как и те, которые приводились в пример другими исследователями, не дают оснований считать, что существуют системные и обширные (т.е., затрагивающие сразу несколько уровней языка) различия между

речью мужчин и женщин. Отсутствие актуальной и исчерпывающей информации о возможных гендерных речевых различиях в интернет-коммуникации внутри более специфических и узких выборок, например, по возрасту, уровню образования, социальному статусу, профессиональной деятельности, региону рождения/взросления/проживания, этнокультурной составляющей, принадлежности к различным социальным группам и т.д., говорит о необходимости более обширных и детальных исследований на разных выборках, с привлечением контрольных групп. Авторы данной работы не исключают, что внутри крайне узких и специфических групп вероятно большее проявление различий между мужской и женской речью, с возможным подтверждением других маркеров, рассмотренных в данном исследовании и других, но не полагают, что подобные различия будут чем-то экстраординарным и непредсказуемым.

Литература

1. Загрудинов Алмаз. Лингвист Ирина Качинская: «Слово „к****“ пришло к нам из голливудских фильмов – в народном языке мы таких названий не фиксируем» // Инде. 2018. – Режим доступа: <https://inde.io/article/13117-lingvist-irina-kachinskaya-slovo-kiska-prishlo-k-nam-iz-gollivudskih-filmov-v-narodnom-yazyke-my-takih-nazvaniy-ne-fiksiruem> (дата обращения: 12.05.2020).
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: 2010.
3. Прокофьева А.В. Развитие интернет-пространства на современном этапе и особенности его языковой организации // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. – 2017. – №5. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-diskursa-internet-prostranstva-na-sovremennom-etape-i-osobennosti-ego-yazykovoy-organizatsii> (дата обращения 01.06.2020)
4. Пушкарева Н.Л. Зачем он нужен, этот «гендер»? // Социальная история. – 1999. – С. 155–177.
5. Сидорская И.В. «Женская» и «мужская» стратегии анализа проблем коммуникации// Материалы 2-й международной междисциплинарной научно-практической конференции «Женщина. Образование. Демократия». – 1999. – С. 23-24.

6. Якоба И.А. Особенности интернет коммуникации (социологический, лингвистический, гендерные аспекты). // Вестник ИрГТУ. – 2012. – №3 (62). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-internet-kommunikatsii-sotsiologicheskii-lingvisticheskii-gendernyyu-aspektu> (дата обращения: 24.06.2020).
7. Herring S. Gender Differences in Computer Mediated Communication: Bringing Familiar Baggage to the New Frontier. – 1996. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/243767676_Gender_Differences_in_Computer_Mediated_Communication_Bringing_Familiar_Baggage_to_the_New_Frontier (дата обращения: 24.06.2020).
8. Lakoff R. Language and Woman's Place. – Cambridge University Press, 1973.
9. Miller J., Durndell A. Gender, Language And Computer-mediated Communication. – WIT press, 2004. – Режим доступа: <https://www.witpress.com/elibrary/wit-transactions-on-information-and-communication-technologies/31/14099> (дата обращения: 24.06.2020).
10. Petronio S. Balancing the secrets of private disclosures. – Routledge, 1999. – С. 22-24.
11. Savicki V., Lingenfelter D., Kelley M. Gender Language Style and Group Composition in Internet Discussion Groups. – 1996. – Режим доступа: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/j.1083-6101.1996.tb00191.x> (дата обращения: 24.06.2020).
12. Singh S. A Pilot Study on Gender Differences in Conversational Speech on Lexical Richness Measures // Literary and Linguistic Computing. – 2001. doi 10.1093/lc/16.3.251.
13. Tannen D. You Just Don't Understand. – 1990. – Режим доступа: <http://www.frankjones.org/sitebuildercontent/sitebuilderfiles/tannen.pdf> (дата обращения: 24.06.2020).
14. Thorne В., Henley N. Language and Sex: Difference and Dominance. – Cambridge University Press, 1975.

References

Zagrutdinov, A. (2018). *Lingvist Irina Kachinskaya: "Slovo „k****“ prishlo k nam iz gollivudskih fil'mov – v narodnom yazyke my*

- takih nazvanij ne fiksiruem" [Linguist Irina Kachinskaya: "The word "k ****" came to us from Hollywood films - we do not record such names in the people's language"]. Inde.
- Herring, S. (1996). *Gender Differences in Computer Mediated Communication: Bringing Familiar Baggage to the New Frontier*. Retrieved from: https://www.researchgate.net/publication/243767676_Gender_Differences_in_Computer_Mediated_Communication_Bringing_Familiar_Baggage_to_the_New_Frontier (accessed: 24.06.2020).
- Karaulov, Y.N. (2010). *Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and linguistic personality]. Moscow.
- Lakoff, R.T., & Bucholtz, M. (2004). *Language and woman's place: Text and commentaries*. New York: Oxford University Press.
- Miller, J. & Durndell, A. (2004). *A Gender, Language And Computer-mediated Communication*. WIT Press.
- Petronio, S. (1999). Balancing the secrets of private disclosures, (pp. 22-24). Mahwah, N.J: Lawrence Erlbaum Associates.
- Prokofeva, A V. (2017). Razvitie diskursa internet-prostranstva na sovremennom etape i osobennosti ego yazykovoj organizacii [Development of the Internet space at the present stage and features of its linguistic organization]. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics*, 5, 85-96.
- Pushkareva, N.L. (1999). Zachem on nuzhen, etot «gender» [Why do we need that "gender"?] In *Social History*, (pp. 155-177).
- Savicki, V., Lingenfelter, D. and Kelley, M. (1996). Gender Language Style and Group Composition in Internet Discussion Groups. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 2. Retrieved from <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/j.1083-6101.1996.tb00191.x> (accessed: 24.06.2020).
- Sidorskaya, I.V. (1999). «Zhenskaya» i «muzhskaya» strategii analiza problem kommunikacii ["Female" and "Male" strategies for analyzing communication problems]. In *Materials of the 2nd international interdisciplinary scientific-practical conference "Woman. Education. Democracy"* (pp. 23-24).
- Singh, S. (2001). A Pilot Study on Gender Differences in Conversational Speech on Lexical Richness Measures. *Literary and Linguistic Computing*, 16. doi 10.1093/lc/16.3.251.

- Tannen, D. (1990). *You just don't understand: Women and men in conversation*. New York, NY: Morrow.
- Thorne, B & Henley N. (1975). *Sex and language Difference and dominance*. Rowley, Mass.: Newbury House.
- Yakoba, I.A. (2012). Osobennosti internet kommunikacii (sociologicheskij, lingvisticheskij, gendernye aspekty) [Features of Internet communication (sociological, linguistic, gender aspects)]. *ISTU Bulletin*, 3, 62.

УДК 81'42

<https://doi.org/10.25076/vpl.40.04>

В.С.Табаква, И.А. Гусейнова

Московский государственный лингвистический университет

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО ДИСКУРСА «САМБО»

Статья посвящена исследованию социолингвистических аспектов немецкоязычного дискурса самбо. В центре исследования находится спортивное пространство дискурса единоборств самбо, человеческое общение, социальные институты, ритуалы в спорте, символика спортивного пространства.

Спорт рассматривается как социальное явление; определяется характерная черта спортивного дискурса, заданный характер коммуникации в немецком спортивном дискурсе, роль и намерения участников спортивного дискурса как основных фигур взаимодействия в коммуникативном пространстве; анализируется специфика и выявляются характерные черты пересечения институциональных дискурсов; определяются и объясняются знаковость, семиотика и сценарность в немецкоязычном спортивном дискурсе. Выявляются основные аспекты, способствующие формированию социального пространства, спортивной коммуникации и, определяющие формирование спортивного пространства.

В качестве материала исследования и анализа послужили видеоматериалы на немецком языке и печатные издания с немецкой терминологией.

При анализе материалов исследования необходима комплексная методика, а именно применение контекстуального анализа, дискурс-анализа и функционального анализа единиц немецкоязычной специальной лексики.

Ключевые слова: социолингвистика, немецкоязычный дискурс, дискурс единоборств самбо, коммуникация, социальный институт, символика, ритуал

UDC 81'42

<https://doi.org/10.25076/vpl.40.04>

V.S.Tabakova, I.A. Guseynova

Moscow State Linguistic University

SOCIOLINGUISTIC ASPECTS OF GERMAN “SAMBO” DISCOURSE

The article is devoted to the study of the sociolinguistic aspects of the German-language sambo discourse. The research focuses on the sports space of the discourse of sambo, human communication, social institutions, rituals in sports, and the symbolism of the sports space.

Sport is seen as a social phenomenon; the characteristic features of sports discourse, the predestination of the nature of communication in German sports discourse, the role and intentions of participants in sports discourse as the main figures of interaction in the communicative space are determined; the specificity is analyzed and the characteristic features of the intersection of institutional discourses are revealed; we identify and explain the significance, semiotics and scripting in the German-language sports discourse. The main aspects that contribute to the formation of social space, sports communication and that determine the formation of sports space are revealed.

Video materials in German and printed publications with German terminology were used as research and analysis material.

By analyzing research materials, a complex methodology is needed, namely the use of contextual analysis, discourse analysis and functional analysis of units of German-language special vocabulary.

Keywords: sociolinguistics, German-language discourse, discourse of martial arts sambo, communication, social institution, symbolism, ritual

Введение

«Человеческое общение в профессиональной среде носит преимущественно структурированный характер» (Петровская, 2007, с.21). Социальные отношения складываются внутри социального института, развитие которых приводит к тому, что создаются новые системы знаний и значений.

Спорт рассматривается как социальное явление, на него оказывают влияние такие сферы как образование, политика, экономика, искусство и др. Знаки спортивного дискурса способствуют регулированию профессионального поведения участников институционального взаимодействия. Любой знак можно интерпретировать исходя из ситуации общения и параметров участников коммуникационного взаимодействия, имеющих социокультурный характер.

Для спорта важно, что любые соревнования проходят по заранее оговоренным правилам, которые закреплены документально. Спортивные соревнования являются игровой моделью, которая отражает состязательные ситуации, наблюдаемые в реальной жизни, когда участники существуют по законам институциональной коммуникации.

Коммуникация в немецком спортивном дискурсе имеет «заданный» характер. Его, в свою очередь, формируют термины, которые служат для обозначения действий участников единоборства самбо, осуществляющих профессиональную деятельность. Социальные роли в немецкоязычном дискурсе единоборств самбо формируются по основным, выявленным в ходе анализа пяти коммуникативным осям. Данные оси формируют основу спортивного дискурса единоборств, поддерживают иерархию отношений участников спортивного дискурса самбо. Реализация коммуникации возможна при наличии основных действующих лиц, именуемых в работах Ю. Хабермаса «адресант» и «адресат» (Habermas, 1989, p.571).

Участник дискурса находится в коммуникативном пространстве, в котором он выполняет реализацию интенции, исполняет отведенную ему социальную роль, имеет возможность выбора партнера по коммуникации, принимает во внимание статус адресата для выбора речевого репертуара. Институциональный

аспект спортивного дискурса единоборств способствует определению также социально значимых характеристик, в качестве инструмента определения выбрана немецкая терминология единоборства самбо.

Цель статьи

В данной работе автор ставит перед собой цель исследовать немецкоязычный дискурс «самбо» и выявить социолингвистические аспекты. Перед нами стояли следующие задачи: разработать основу для дискурсивного описания терминов самбо, пригодных для использования в немецкоязычной институциональной коммуникации; определить лингвистические особенности спортивного дискурса единоборств на пересечении с другими видами институционального дискурса; дать характеристику спортивного дискурса как социального пространства коммуникации; определить роль тренера, спортсмена и судьи как ключевых представителей спортивного социума; проанализировать и структурировать языковые средства, которые используются в спортивном дискурсе, где моделируются и отражаются ситуации социума.

Материалы и методы

Материалами для исследования немецкоязычного дискурса послужили:

1) словарь по самбо, разработанный совместно с ФИАС (международной федерацией самбо) от 7 сентября 2012 г.

2) видеозаписи, размещенные на официальных сайтах спортивных школ и федераций, спортивных форумах и официальных сайтах мероприятий по самбо. В ходе практического исследования проанализировано 70 видеороликов любительской спортивной школы самбо “Sambo 07 e. V.” в г. Ганновер (https://www.facebook.com/hannovercupsambo/?ref=page_internal); печатные материалы статей международной спортивной школы Judo Club Jena (<http://www.judo-jena.de/484-0-Sambo-Weltmeisterschaft-2015.html>); печатные и видеоматериалы школы самбо в федеральной земле Баден-Вюртемберг (http://sambo-bw.de/?page_id=2); статьи и форум атлетического клуба в г. Гейдельберг, где тренируются ветераны спортивных единоборств (<https://www.ac-ziegelhausen.de/veteranen/>); видеоматериалы спортивной школы в г. Хайденхайм в Баден-Вюртемберге

(<http://www.kampfsport-sambo.de/kampfsport-sambo-hsb-heidenheim-impresum.html>).

При анализе материалов исследования была использована комплексная методика: контекстуальный анализ, дискурс–анализ, функциональный анализ единиц немецкоязычной специальной лексики.

Результаты и обсуждение

Спортивный дискурс обладает чертами политического, медицинского и педагогического видов дискурса. Педагогический дискурс возможно проследить в коммуникативном взаимодействии между спортсменом и тренером (Thaler, 2017). Юридический дискурс отражен в письменных текстах или устной речи, когда есть нарушения правил проведения и участия в соревнованиях. Политический дискурс находит отражение в ситуациях организации международных соревнований. Медицинский дискурс выражен в спортивном дискурсе в случае оказания помощи спортсменам, зрителям, при подготовке спортсмена к соревнованиям в момент проведения соревнований и на стадии реабилитации.

Педагогический дискурс:

«Занятие спортивной борьбой является педагогическим процессом, который направлен на физическое и духовное совершенствование тех, кто занимается спортом. Занятие борьбой самбо носит воспитательный характер. В воспитании борца ведущая роль отводится тренеру. Он воспитывает спортсменов в духе нравственности, развивает в них чувство патриотизма, стремление к работе и командный дух». (Здесь и далее перевод наш – В.С. Табакова, И.А. Гусейнова).

“Der Unterricht des sportlichen Kampfes ist ein pädagogischer Prozess, der auf die physische und geistige Vervollkommung der Sporttreibenden gerichtet ist. Der Unterricht des Sambo-Kampfes trägt erzieherischen Charakter. Bei der Erziehung des Kämpfers gehört dem Trainer die führende Rolle. Er erzieht die Sporttreibenden in moralischem Geiste, entwickelt bei ihnen den Sinn des Patriotismus, Arbeit und Gemeinschaft” (Andrejew & Tschumakow, 2004, с.24).

Юридический дискурс:

«ФИАС осуществляет проверку готовности Чемпионата не позднее, чем за 2 (два) года до Чемпионата. После инспекции

Национальная федерация, выигравшая конкурс на проведение Чемпионата заключает с ФИАС контракт, в котором отражены штрафные санкции в случае невыполнения обязательств. Контракт заключается не позднее, чем за 1 (один) год до Чемпионата» (Регламент организации и проведения соревнований ФИАС).

“FIAS prüft die Bereitschaft der Meisterschaft nicht später als 2 (zwei) Jahre vor der Meisterschaft. Nach der Inspektion der nationalen Föderation, die den Wettbewerb für die Durchführung der Meisterschaft gewonnen hat, schließt mit FIAS den Vertrag ab, in dem die Sanktionen im Falle der Nichterfüllung von Verpflichtungen dargelegt sind. Der Vertrag wird spätestens 1 (ein) Jahr vor der WM abgeschlossen”.

Политический дискурс:

«Конкретные транспортные средства должны быть предусмотрены на все время Чемпионата за счет средств Организационного комитета: - 1 автомобиль для Президента ФИАС; - 1 автомобиль для Генерального Секретаря ФИАС, Исполнительного директора ФИАС, руководителя судейской комиссии, главного судьи и секретарей Чемпионата» (Регламент организации и проведения соревнований ФИАС).

“ Bestimmte Verkehrsmittel müssen zur Verfügung für die ganze Zeitdauer der Meisterschaft auf die Kosten des Organisationskomitees gestellt werden: - 1 Wagen für den FIAS Präsidenten; - 1 Fahrzeug für den FIAS Generalsekretär, den geschäftsführenden FIAS Direktor, den Leiter der Richterkommission, den Hauptrichter und die Sekretären der Meisterschaft ”.

Анализ примеров, указанных ранее, позволяет сделать вывод о том, что немецкий спортивный дискурс можно отнести к одной из разновидностей институционального, что дает возможность выявить лингвистические особенности при анализе пересечения с другими видами дискурса.

Благодаря институтам рекламной сферы, маркетинговой и медицинской сфер, спорт приобретает институциональный характер (Sibul, 2017). Социализация через спорт осуществляется благодаря «олимпийским играм» и «играм доброй воли», «чемпионатам» и «кубкам». Спорт обладает динамическим характером, имеет целеполагание, большой спорт разделяют на

любительский и профессиональный. Нарушений в институциональной сфере можно избежать, учитывая следующие закономерности поведения и общения:

- Спортивный дискурс – социальная практика, направлена на решение сложных задач, которые способствуют воспитанию и формированию представлений о ценностях и тому, что индивид может ориентироваться в этносоциумах и любой целевой аудитории.
- В спортивном дискурсе можно применить стратегию аргументации, что придает общению характер убеждения и персуазивности.
- Знаки в спорте взаимосвязаны, что помогает осуществлению обратной связи между коммуникантами взаимодействия институциональной среды.

Важно отметить, что для организации спортивного пространства необходимо учитывать фоновые знания участников. Они должны обладать знаниями о нормах поведения на соревнованиях, соблюдать протокол торжественной части выхода спортсменов, иметь представление о символике страны, уметь приветствовать соперника. Данные параметры дают нам возможность утверждать, что важными элементами социального взаимодействия являются место и время, понятия, определяющие спортивный дискурс и реализуемые в лингвистике через понятия «темпус» и «локус». Локус в социальном значении можно разделить на 2 категории:

«1) спортивное событие (спортивная арена или зал, бассейн, стрельбище, беговая дорожка, ледовый стадион, трасса для велосипедной гонки, теннисный корт);

2) подготовительное мероприятие для спортивного события (тренировочные и подсобные помещения, раздевалки, душевые и др.)».

В немецком спортивном дискурсе локус маркирован при помощи имен существительных и наречий, например: *“nach oben”* = «наверх», *“nach unten”* = «вниз», *“seitwärts”* = «в сторону», *“die Arena”* = «арена», *“die Mattengrenze”* = «граница ковра», *“das Stadion”* = «стадион». Темпус выражен существительными и числительными, прилагательным и наречиями, например: *“die Zeit”* = «время», *“das Datum”* = «дата», *“der Erholungstag”* = «день

отдыха», “*der Beginn*”= «начало», “*die Woche*”= «неделя», “*fünf Minuten*” = «5 минут», “*eins...zwei...<...>...zehn*”=«один...два...<...>...десять», “*alljährlich*”=«ежегодный/ежегодно».

Материал для анализа на немецком языке дает возможность проследить знаковую в спортивном дискурсе. Она реализуется в ритуале награждения, который проводят люди, имеющие достижения спортивных высот, содействующие развитию спорта. Данный факт способствует тому, что терминологический аппарат получает свое распространение, что далее приводит к решению лингвистических пробелов. Пробелы были выявлены ранее в ходе анализа трудностей взаимодействия между участниками социума. Церемонии награждения свойственны: ритуализированный характер, сценарная последовательность, высокая степень символизации. Символизации реализуется в первую очередь в экипировке спортсмена. В экипировку включены: спортивный костюм, сумка, футболка, кроссовки, которые подбираются согласно нормам и правилам спортивной этики. Социальная и семиотически важная практика является важным условием организации спортивного пространства на всех состязаниях на протяжении нескольких веков.

Сценарность является еще одним из факторов, создающих спортивное пространство. Церемония открытия предполагает торжественную обстановку и вводит участников коммуникации и соревнований в регламентированную обстановку общения и профессиональную социальную среду. Заранее проходит отбор места, иначе именуемого локусом, в качестве которого выбирается стадион или зал для соревнований.

Семиотика пространства и времени находит реализацию в пространстве немецкого спортивного дискурсе единоборств и обозначает следующие понятия: “*die Arena*”= «арена», “*die Mattengrenze*”= «граница ковра», “*das Stadion*”= «стадион». Для обозначения времени используются существительные: “*der Beginn*”= «начало», “*das Datum*”= «дата», “*der Erholungstag*”= «день отдыха», “*die Zeit*”= «время», “*die Woche*”= «неделя». Семиотика пространства реализуется на примере церемонии закрытия. Для данного ритуала приглашаются девушки или юноши, которые вручают венки или цветы победителям и

призерам. Как правило, они облачены, в национальные костюмы той страны, где проводятся соревнования. В данном пространстве находят реализацию такие термины как: 1) *“der Sieger”* = «победитель»; 2) *“der Pokal”* = «кубок»; 3) *“die Goldmedaille”* = «золотая медаль»; 4) *“die Silbermedaille”* = «серебряная медаль»; 5) *“die Bronzmedaille”* = «бронзовая медаль»; 6) *“einen Wettbewerb gewinnen”* = «выиграть состязание»; 7) *“die Ehrenrunde”* = «круг почета».

К одному из вариантов спортивной символики можно отнести ритуал рукопожатия. Данный ритуал может быть «интерпретирован как знак доверия, использован как гарантия добрых намерений в отношении партнера, как проявление уважения друг другу». Спортсмен, завоевавший бронзовую медаль, совершает рукопожатие и подтверждает честность победы участника, занявшего почетное второе место. Данный жест служит для проявления уважения сопернику, признания его достижений. Символический характер приобретает восхождение спортсмена на пьедестал награждения. Принято сооружать пьедестал награждения из трех ступеней: высшей - для победителя, средней - для призера, нижней- для бронзового призера.

«Спортивный дискурс включает в себя речевых жанры, объединённые социальной сферой функционирования, а именно, спортивной деятельностью, где помимо спортсменов, тренеров и судей есть и другие заинтересованные лица, профессионально коммуницирующие в указанной сфере. Целью своего общения они ставят фокусирование усилий, когда объединённые профессией индивиды и институты достигают лучшего результата, обеспечивают спортивную победу в соревнованиях, достигают ее благодаря использованию речевых стратегий и тактик, реализуемых с помощью специальных речевых приемов» (Миягашев, 2017, с.18). В межличностном общении реализуются: контактоустановочная функция, информационная функция, воздействующая функция. Представитель-реципиент-коммуникант одной культуры настроен на освоение норм и правил другой культуры, на получение социокультурных знаний об ином социуме, путем осознания и восприятия явления из иной культуры на ее родном языке общения (Lewis, 2019).

Для диалогического взаимодействия требуется наличие двух сторон коммуникантов. Для осуществления процесса общения требуется наличие следующих компонентов: цель; содержание; материал; форма общения.

«В рамках спортивного дискурса ситуация и жанр общения определяют статусные отношения в коммуникативном взаимодействии» (Панкратова, 2005, с.39). Основными коммуникантами спортивного дискурса, рассмотрим на примере самбо, являются тренеры, спортсмены и судьи.

Тренер связан с процессом обучения в высшем учебном заведении и на международном уровне. Знания и навыки получает спортсмен, на которого направлена деятельность тренера. Для справедливого исхода поединка требуется наличие судьи. Судья является одним из ведущих участников коммуникации в самбо и в зависимости от выполняемой роли получает свое звание, отраженное на немецком языке в следующих терминах: *“das Kampfrichterkollegium”, “der Hauptrichter”, “der Punktrichter”, “der Mattenleiter”, “der Ansager”/“der Sprecher”*. Всероссийской федерацией самбо закреплены официально категории судей, которые отражены лингвистически следующим образом: *“junger Kampfrichter”, “dritte Kategorie”, “zweite Kategorie”, “erste Kategorie”, “allrussische Kategorie”*. Действия, движения, знаки судьи и тренера мгновенно и без лишних объяснений, следует трактовать однозначно. Многозначность толкования приводит к тому, возникает сбой спортивной коммуникации.

Тренер и другие ответственные лица получают возможность моделировать поведение спортсмена, как через вербальные, так и невербальные знаки общения. Действие или движение, знак судьи или тренера должны быть восприняты мгновенно, без объяснений трактоваться однозначно, что можно увидеть на следующем примере:

«Маруан Улхач из Марокко «Когда я боролся в партере, были ситуации, когда арбитр, на мой взгляд, неправильно останавливал поединок, но я не намерен обвинять арбитра, так как я допустил ошибку сам, за что и был наказан».

“Maruan Ulchatsch aus Marokko:”Als ich in der Bodenstellung kämpfte, gab es da Situationen, wenn der Schiedsrichter, meiner Meinung nach, falsch den Kampf hielt, aber ich beabsichtige nicht, den

Schiedsrichter zu beschuldigen, da ich selbst einen Fehler gemacht habe und dafür bestraft wurde". (Deutsche Meisterschaft im Sambo: Profis aus Russland werden am Wochenende erwartet. Heidenheimer Zeitung (hz.de), 2020).

Тренер помогает спортсмену в достижении поставленных целей. Реплики тренера содержат похвалу или призыв к действию, служат для формирования ощущения и чувства злости, что способствует реализации физических действий спортсменом и достижения цели, а именно победы, или проведения броска, или захвата, или иного приема по самбо.

«Одним из немногих представителей Восточной Европы по самбо является Кевин Расит Чекич из Австрии. 23-х летний спортсмен участвует в соревнованиях с внушительным весом 180 кг при росте 1,75. Он выступает на спортивной арене имени Гейдара Алиева в Баку в весовой категории свыше 100кг и уступает в схватке украинскому спортсмену Размиту Тонояну, который весит на 60 кг меньше. Спустя 50 секунд поединок окончен из-за решения противника. Опыт спортсмена оказался сильнее превосходства в весе. После состязания Чекич делится тем, насколько трудным является будний день для спортсмена по самбо из Западной Европы. В его родном городе Зальцбурге ему не удастся найти партнера для спарринга. Его тренер Алия Дедович знает, над чем спортсмену еще стоит поработать, чтобы стать успешнее. «Его слабой стороной является голод», - сообщил он австрийской газете «Стандарт» перед Европейскими играми».

“Einer der wenigen Westeuropäer im Sambo ist Kevin Rasit Cekic aus Österreich. Der 23-Jährige bringt es auf stattliche 180 Kilogramm bei 1,75 Metern. Er tritt in der Heydar-Aliyev-Arena in Baku in der Klasse "100 Kilogramm plus" an - und scheidet an dem Ukrainer Razmit Tonoyan, der 60 Kilogramm weniger auf die Waage bringt. Nach 50 Sekunden ist der Kampf wegen Überlegenheit des Gegners vorbei. Klasse statt Masse also. Nach dem Duell berichtet Cekic, wie mühsam der Alltag für einen Sambo-Kämpfer aus Westeuropa ist. In seiner Heimatstadt Salzburg findet er keinen Trainingspartner. Sein Trainer Alija Dedovic weiß, was Cekic noch verbessern muss, um erfolgreicher zu sein. "Der Hunger ist seine Schwäche", sagte er vor den Europaspielen der österreichischen Zeitung "Der Standard".

(Deutsche Meisterschaft im Sambo: Profis aus Russland werden am Wochenende erwartet. Heidenheimer Zeitung (hz.de), 2020).

Речь немецкоязычного тренера не содержит название приема в полном и развернутом виде, а лишь ключевое слово. Он называет имя спортсмена, тем самым создает доверительный контакт и знает индивидуальный стиль обращения, применяет императивные конструкции для передачи приказа или команды.

Тренер знает спортсмена, может составить его психологический портрет, чтобы воздействовать на него через команды и подобрать те слова, которые смогут оказать правильное воздействие и спортсмен получит правильную и необходимую установку. Забота тренера направлена на соблюдение спортсменом физической нагрузки, тренировки и опыт борьбы с представителями других клубов, городов, стран. Распределение спортсменов происходит по весовым категориям, помимо гендерного и возрастного разделений.

Благодаря целям спорта можно сформировать вербальные стратегии спортивного дискурса, которые реализуются с помощью инструкций тренера/наставника; благодаря болельщикам и их лозунгам и эксклакациям: *“Los”* = «*Давай*»; *“Bis zum Ende”* = «*До конца*»; *“Steh auf”* = «*Вставай*»; *“Kämpfe”* = «*Борись*»; *“Noch Mal”* = «*Еще раз*»; *“Mach schon”* = «*Делай уже*»; *“Halte ihn”* = «*Держи его*»; через спортивный комментарий, с помощью которого детализируется и разъясняется суть происходящего спортивного события.

Спортсменов, тренеров, судей, администраторов объединяет общая цель и правила поведения в спортивном пространстве предполагают, что они должны структурировать речь для достижения спортивного результата. Анализ видеоматериала соревнований по самбо позволил выделить следующие фразы: «*Бросок через себя, верно, верно*» = *“Oberhebel, genau, genau”*; «*Ранее было то же самое*» = *“Vorher dasselbe”*; «*Вот так, так*» = *“Ja, genau”*; «*Не используй ноги*» = *“Keine Beine mehr”*; «*Голову убирай, голову, вот так*» = *“Und den Kopf, den Kopf, ja”*; «*Обступай его, молодец*» = *“Mit dem Umringen, genau”*; «*Тяни вниз*» = *“Niederbewegung”*; «*Судья на ковре: Спортсмен в красном убрал ногу*» = *“Der Mattenleiter: “Der Rote hat das Bein gezogen”*”.

Языковые средства отбираются действующими лицами осознанно. В первую очередь происходит анализ ситуации, после которого определяется речевое действие и происходит отбор определенного языкового средства, чтобы достичь для достижения результата и осуществить воздействие на партнера по коммуникации. Данные действующие лица являются ключевыми фигурами организации коммуникативного процесса, обладают достоверной информацией, передача которой осуществляется далее комментаторам, болельщикам и зрителям. Важно подчеркнуть данный факт, так как от болельщиков и зрителей поступает эмоциональная оценка действий и результатов подготовленности участников спортивного события и выражается такими репликами и высказываниями, как: «Агрессивнее/ резче»= “*Frecher*”; «Еще 15 секунд»= “*15 Sekunden dazu*”; «Да откуда 5-то?»= “*Warum den 5?*”; «Не двигайся»= “*Macht nichts*”; «Молодец»= “*Gut gemacht*”; «Давай вставай»= “*Steh doch auf*”; “*Warum stehst du?*”- «Почему стоишь?».

Роль спортивных комментаторов и спортивных журналистов заключается в том, чтобы зафиксировать и описать ход событий для телезрителей, радиослушателей и читателей: «*24 сентября 2016 года состоится турнир по самбо. Цели турнира: распространение самбо как вида единоборства в Германии и в Европе*». “*Am 24. September 2016 findet ein Sambo-Turnier statt. Ziele des Turniers: Verbreitung von SAMBO als Kampfsport in Deutschland und Europa*”.

Названия должностей тренерского состава входит в глоссарий по самбо и формирует часть терминологии. Классификация должностей тренерского состава: 1) «главный тренер сборной» = “*der Nationaltrainer*”; 2) «старший тренер, работающий со всей командой страны» = “*der Cheftrainer*”; 3) «тренер клуба» = “*der Verbandstrainer*”; 4) «личный / индивидуальный/ тренер» = “*der Personaltrainer*”; 5) «тренер по общей физической подготовке, занимающийся со спортсменами» = “*der Freizeitlehrer*”.

Одним из ведущих участников спортивного дискурса является судья. Количество и наименование судейских ролей определяется строго в рамках определенного вида спорта. В проведении соревнований по самбо, например, можно выделить следующие категории судей: главный судья руководит соревнованиями,

отвечает за их проведение, назначает бригады судей, распределяет своих заместителей на ковры; боковой судья находится напротив стола руководителя ковра и самостоятельно оценивает действия спортсменов, сигнализируя об оценках установленными жестами; судья на ковре или арбитр находится на ковре и пользуется средствами судейской сигнализации, а именно свистком, терминами и жестами, руководит ходом схватки, оценивает приемы, действия и положения спортсменов, следит за тем, чтобы схватка проходила в полном соответствии с правилами. Заместители главного судьи, в свою очередь, согласно статье 12 правил, находятся рядом с ковром, за который отвечают, и наблюдают за происходящим на ковре и за работой судейской бригады.

Из описания функций, которые они выполняют, становится ясно, каким образом они вступают в коммуникацию, как со спортсменом, так и между собой: *«Судья на ковре оповещает о начале поединка с помощью сигнала свистка»*. *“Der Mattenleiter eröffnet den Kampf durch den Pfeiffsignal”*. Так происходит взаимодействие с судейской коллегией и спортсменами на ковре. В дискурсе единоборств самбо, как и в иных видах единоборств, общение происходит как на вербальном, так и на невербальном уровне. Нижеприведённый пример является иллюстрацией невербального общения в немецкоязычном спортивном дискурсе самбо: *«Если у бокового судьи иное мнение о действии борца при выполнении приема, чем у судьи на ковре, то он обращается к главному судье, который присоединяется либо к мнению бокового судьи, либо к мнению судьи на ковре»*. *“Vertritt der Punktrichter eine andere Meinung über die Qualität der Griffhandlungen als der Kampfleiter, wendet er sich dem Oberkampfrichter zu, der sich der Entscheidung des Punktrichters oder des Kampfleiters anschließt”*. *(Deutsche Meisterschaft im Sambo: Profis aus Russland werden am Wochenende erwartet. Heidenheimer Zeitung (hz.de), 2020)*.

В квалификационных требованиях Всероссийской федерации самбо закреплены следующие категории судей. Классификация членов судейской коллегии в самбо: 1) «судейская коллегия» = “das Kampfrichterkollegium”; 2) «главный судья» = “der Hauptrichter”; 3) «боковой судья» = “der Punktrichter”; 4) «судья на ковре» = “der Mattenleiter”; 5) «судья-информатор» = “der

Ansager/der Sprecher” .

В правилах присвоения квалификационных категорий обозначен набор требований для каждой категории, срок выполнения 2 года. Вышестоящими организациями оглашается перечень соревнований, участие в которых обязательно. Далее следует проведение судейских семинаров, затем проводятся квалификационный зачет и сдача нормативов по физической подготовке.

Судейские категории в самбо: 1) «юный судья»= “junger Kampfrichter”; 2) «третья категория»= “dritte Kategorie”; 3) «вторая категория»= “zweite Kategorie”; 4) «первая категория»= “erste Kategorie”; 5) «Всероссийская категория»= “allrussische Kategorie”.

Обладая собственным мнением к ситуации, спортсмены следуют действиям и указаниям судьи, выполняют их для соблюдения регламента соревнований. Спортсмен может быть не согласен с решением судьи, что возможно оспорить сразу, как только остановлена схватка. Судейская коллегия выносит решение по претензии. Если поединок продолжен, то ошибку допустил сам спортсмен. Многозначность толкования приводит к сбою в спортивной коммуникации. Ведение любого соревнования осуществляется по чётко оговорённым и письменно зафиксированным правилам. Анализ терминологического аппарата необходим для того, чтобы в строго регламентированном сценарии взаимодействия на соревнованиях применять отобранные и сформулированные лексические единицы и выражения, входящие в состав глоссария по самбо с учетом коммуникативного аспекта.

Спортивные соревнования выступают в качестве игровой модели, отражающей состязательную ситуацию, присутствующую в реальной жизни, где все непосредственные участники существуют по законам институциональной коммуникации. Иными словами, все действия реализуются согласно определенным правилам, в том числе «правилам-запретам» (Столяров, 2015, с. 24).

Сильная институционализация придает общению и в рамках спортивного дискурса знаковый характер, что еще раз подтверждает знаковость коммуникации между индивидами социума. Одновременно фоновые знания участников коммуникации в рамках спортивного дискурса обеспечивают их

социокультурную и узкоспециальную компетенцию и способствуют пониманию спортивной терминологии самбо.

«Последовательность церемонии открытия соревнований: сопровождение участников в зал или на ковер, приветствие официальной атрибутикой (поднятие флага победителем прошлых соревнований или капитаном команды победителя), объявления порядка весовых категорий и схваток, уход участников из зала соревнований. Начало схваток в объявленных весовых категориях».

“Musterreihenfolge zur Eröffnung des Wettkampfes: Einmarsch der Teilnehmer, Begrüßung durch die Offiziellen (evtl. Hissung der Flagge vom vorjährigen Meister oder dem Kapitän der vorjährigen Siegermannschaft), Bekanntmachung der Reihenfolge der Wettkämpfe, Wegtreten der Teilnehmer. Danach Beginn der Kämpfe in allen Gewichtsklassen” (Andrejew & Tschumakow, 2004, с.58).

Спортивное состязание имеет свою логику, она выражена в его композиционном построении. Композиционное построение соответствует семиотическому конструированию пространства, которое условно делится на секторы: 1) пространство подготовки к выступлению (раздевалки), 2) местонахождение участвующих спортсменов (стартовая и предстартовая зоны), 3) зоны для тренеров, судей и судейских коллег, телевизионных камер, обслуживающего персонала (медиков, массажистов, людей с техническими обязанностями), 4) табло информации, 5) доска информации, 6) место награждения победителей и призеров пьедестала почета (см. труды: Панкратова, 2005, с.105).

Пространство спортивного дискурса монолитно, участники понимают друг друга без каких-либо препятствий, но представители того или иного вида спорта используют терминологический пласт лексики, который отличает их вид спорта от других.

Существенную роль играют социокультурные параметры участника спортивного дискурса. Пространство предназначено для реализации спортивного действия, носит семиотически оформленный и логически заверченный характер. К семиотическому оформлению пространства относят: внешний вид немецких спортсменов, включающий отличительные знаки представляемой ими страны, номерные знаки определенного

размера, манера поведения спортсменов и целых команд. «Нередко язык их тел, а именно походка, мимика, жесты несут в себе информацию, оказывающую на соперника эффект запугивания» (Венкер, 1981, с.32). Отмечены случаи действия спортсменов, имеющие психологическое влияние на соперников.

Знаковый характер в спортивном дискурсе единоборств проявляется, прежде всего, во внешнем виде спортсменов. Анализ немецкого вербального и невербального эмпирического материала подтвердил влияние поведения спортсменов, команд, а также их тренеров, представителей административных органов на ход взаимодействия в спортивном дискурсе. Немецкие видеосюжеты наглядно показывают взаимодействие на соревнованиях, на церемониях открытия или награждения, где тренеры, спортсмены и судьи обмениваются информацией, как на вербальном, так и невербальном уровне взаимодействия. В них иллюстративно отражена символика цвета, применимая в самбо и наглядно прослеживается проявление эмоций у ключевых участников коммуникативного взаимодействия дискурса единоборств самбо, а именно у спортсменов.

К семиотическому оформлению пространства следует также отнести церемонию награждения спортсмена. «Семиотика (от греч. *semeion*-знак) - это наука о знаках и знаковых системах, которая анализирует природу, свойства, функции, классифицирует виды знаков, указывает пути их развития» (Моррис, 1982), начало развития и изучения феномена было положено американским ученым Ч. Пирсом (1839-1914) и широко применяется в спортивной сфере. Награждение относится к сфере ритуалов, сохраняющих свою структурность на протяжении веков. На пьедестале почетное место занимают победители и призеры, отмечаемые такими материальными ценностями как медаль, денежные или памятные призы, а также цветы или венки.

Церемонии награждения в немецком спортивном дискурсе присущи ритуализированный характер, сценарная последовательность и высокая степень символизации. «Ритуал - динамическое коммуникативное образование, которое возникает на базе определенного социально значимого действия, подвергающееся символическому переосмыслению» (Карасик, 2004, с.406).

К одежде судей предъявляются особые требования. Различия в одежде визуально помогают другим участникам спортивной коммуникации участвовать в дискуссии, не прибегая к детальной вербализации своих действий. Подобная социальная и семиотически важная практика сохраняется и соблюдается на всех соревнованиях и состязаниях на протяжении многих столетий.

Обобщая социокультурный опыт, накопленный в различных знаковых системах, семиотика заставляет видеть всеобщую связь между принципами организации языка, материальной культуры и планировки пространства. Основной поток семиотических идей связан с понятием знака.

Помимо этого, семиотика пространства важна для церемонии закрытия, для церемонии награждения с участием как минимум троих спортсменов или команд, которым вручаются золотые, серебряные и бронзовые медали. Участниками церемонии являются девушки, организованные для вручения венков или цветов победителям и призерам, облаченных, как правило, в национальные костюмы той страны, которая проводит соревнования. Поведение победителей и призеров носит семиотический характер, при этом положительный аспект находит выражение в таких общеупотребительных терминах немецкого спортивного дискурса, как: «победитель» / “der Sieger”; «кубок» / “der Pokal”; «золотая медаль» / “die Goldmedaille”; «серебряная медаль» / “die Silbermedaille”; «бронзовая медаль» / “die Bronzmedaille”; «выиграть состязание» / “einen Wettbewerb gewinnen”; «круг почета» / “die Ehrenrunde”.

Символический характер в немецкоязычном спортивном дискурсе носит такое действие, как рукопожатие. Его интерпретируют как знак доверия, его используют как гарантию добрых намерений в отношении партнера, а также для проявления уважения друг другу. Нередко большое значение имеет, кто именно из двух людей первым протянул руку. Бронзовый призер, совершая рукопожатие с опередившим его участником, подтверждает честность победы второго. Так он выражает уважение соперника, признает его заслуги. Символический характер носит восхождение спортсменов на пьедестал. Во время награждения спортсмены становятся на пьедестал, состоящий из трех ступеней, высшая - победитель, средняя-призер,

нижня-бронзовый призер.

Цели спорта формируют вербальные стратегии спортивного дискурса, реализуемые как через инструкции тренера или наставника, так и опосредованно, в том числе (Панкратова, 2005, с.156): 1) через дискурс болельщиков (одобрительные или неодобрительные лозунги, восклицания и пр.): “*Los*”=«*Давай*»; “*Bis zum Ende*”=«*До конца*»; “*Steh auf*”=«*Вставай*»; “*Kämpfe*”=«*Борись*»; “*Noch Mal*”=«*Еще раз*»; “*Mach schon*”=«*Делай уже*»; “*Halte ihn*”= «*Держи его*»; 2) через доминирующий в спортивном дискурсе жанр спортивного комментария, детализирующий и разъясняющий свидетелям спортивного процесса суть происходящего в момент спортивного события.

«Он точно знает, как нужно атаковать/нападать», «Он очень хитрый. Посмотрите на этот прием...», «Спортсмен из Армении проявляет себя чуть активнее...», «Спортсмен из Украины пытается провести прием, но он не работает», «Поведение спортсмена из России кажется агрессивным».

“Er weiß genau, wie man angreift”, “Er ist sehr schlau. Schaut Mal auf den Sturz hier...”, “Der Armenier ist etwas aktiver...”, “Der Ukrainer versucht den Sturz auszuüben, aber das funktioniert nicht.”, “Das Benehmen von dem Russen scheint aggressiv zu sein”. (Deutsche Meisterschaft im Sambo: Profis aus Russland werden am Wochenende erwartet. Heidenheimer Zeitung (hz.de), 2020).

Ритуальный характер немецкий спортивный дискурс приобретает, так как присутствуют такие семиотические компоненты коммуникации, как: рукопожатие с командой соперников перед началом игры, исполнение гимна и др. Награждение победителей включает в себя торжественную церемонию и подразумевает соблюдение ритуала. Награждение носит знаковый характер и является кульминационным моментом любых спортивных состязаний, как для участников, так и для зрителей.

Регламент ФИАС (FIAS) Международной федерации самбо требует формировать список спортивных мероприятий строго в соответствии с рейтингом официальных соревнований. Принимающая сторона обязана предоставить данные об Организационном комитете, программу проведения данных

соревнований и финансовый план.

По завершению церемонии награждения призеры в сопровождении волонтеров проходят через процедуру сдачи допинг проб. После проведения последней церемонии награждения под звуки гимна страны организатора опускается флаг страны организатора и флаг ФИАС, международной федерации самбо, затем флаг ФИАС передается следующему организатору Чемпионата. Данный пример подтверждает знаковый характер спортивного дискурса единоборств и иллюстрирует сценарность спортивного дискурса единоборств.

Такие категории, как «воля, сила, характер, здоровье» Н. Фэйрклоу (Fairclough, 1989, p.115) влияют на исход и течение спортивной коммуникации, что повлекло изучение и более четкое определение дискурсообразующих факторов.

Не менее важную роль играют ценностные ориентиры, которые влияют на реализацию немецкого спортивного дискурса. Он разворачивается на основании правил, сформированных спортивной этикой, спортивным поведением, правилами игры или выступлениями, регламентом соревнований, традициями и церемониями, которые, в свою очередь, тесно связаны с разделяемыми всеми членами социума ценностями.

Принято считать, что спортивное пространство является общественным, обладает нормами, порядком и правилами, соблюдается всеми его членами. Участники немецкого спортивного дискурса соблюдают определенные правила поведения, что обеспечивает социокультурное взаимодействие. Спортивные и общественные ценности пересекаются и дополняют друг друга.

«Спорт способствует формированию человеческих норм поведения и внедрению моральных принципов, в том числе волевых качеств, кооперации, дружбы, готовности помочь ближнему и др.» (Лоуренс, 2000, с.175). Не все ценности, которые формируются благодаря спорту, приобретают эксплицитный характер, некоторые из них выражены имплицитно, т. е. они подразумеваются, но не объективируются при помощи вербальных средств.

В немецком спортивном дискурсе такие ценностные понятия, как «слава», «уважение», «гордость», а также «популярность»,

выражены, как скрыто, так и открыто. Степень эксплицитности и имплицитности определяется значимыми этическими нормами и правилами, как членов спортивного дискурса, так и индивидуальных характеристик участников.

Важно отметить, что в немецком спортивном дискурсе ценности не всегда сопровождаются материальным стимулом, который является весомым для участников и определяется спортивным сообществом. При этом признание общественного мнения резко подтверждается материальным эквивалентом (деньги, машины) и т. п. Отказ от материального стимула является характерным для всех видов спорта в Германии.

«5 октября во дворце Бельвю сборную Германии Федеральный президент Кристиан Вульф будет награждать Серебряным лавровым листом за третье место на Чемпионате мира в ЮАР. Кроме того, тренер сборной Йоахим Лев получит Орден за заслуги перед Федеративной Республикой Германии. Данный факт в пятницу подтвердил немецкий футбольный союз (DFB) по запросу SID. Серебряный лавровый лист является высшей спортивной наградой в Германии. Орден за заслуги является высшим признанием, которое Федеративная Республика Германия выражает за заслуги ради всеобщего блага».

“Die deutsche Nationalmannschaft wird am 5. Oktober von Bundespräsident Christian Wulf im Schloss Bellevue für ihren dritten Platz bei der WM in Südafrika mit dem Silbernen Lorbeerblatt ausgezeichnet. Zudem erhält Bundestrainer Joachim Löw das Bundesverdienstkreuz. Das bestätigte der Deutsche Fußball-Bund (DFB) am Freitag auf Anfrage des SID. Das Silberne Lorbeerblatt ist die höchste sportliche Auszeichnung in Deutschland. Das Bundesverdienstkreuz ist die höchste Anerkennung, die die Bundesrepublik Deutschland für Verdienste um das Gemeinwohl ausspricht” (Auszeichnung für Platz drei bei WM: Wulff ehrt Löw und Nationalmannschaft (rp-online.de), 2020).

Знаковость, свойственная спортивному дискурсу болельщиков, реализуется при помощи преимущественно невербальных кодов символического характера: флаг, шарф, футболка с именем спортсмена или названием команды и др.

Для спортивного дискурса, реализуемого в СМИ, характерно также использование символов, которые служат для

идентификации команды и страны. Наиболее наглядно это реализуется в спортивном комментарии. По результатам устного комментария была опубликована статья.

«Первенство Германии по самбо 2017. Вновь призерами этих соревнований стали самбисты дзюдоистского клуба г. Йена. Соревнования 2017 года на самом деле должны были проводиться в городе Йена, но Немецкий союз самбо принял другое решение. Таким образом, 7 спортсменов отправились в Берлин, чтобы принять участие в турнире. Особенно радовал тот факт, что с нами в этом году был наш тренер Кристиан Пласс. Он выступил в весовой категории 82 кг. Там он показал прекрасную борьбу и красивую технику и в итоге по праву заслужил 1 место. Святослав Попов стартовал в весовой категории до 74 кг, и также показал сильную борьбу, и смог по праву надеть золотую медаль себе на шею. В качестве дебютанта от дзюдоистского клуба города Йена в этот раз стартовала Анке Кайзер среди юниоров. Самостоятельно поднялась на высшую ступеньку пьедестала почета. Кассандра Валлукс во второй раз стала победителем в весовой категории до 64 кг и подтвердила звание двукратного чемпиона Германии».

“Deutsche Meisterschaft Sambo 2017. Wieder einmal machten sich die Samboka des JC Jena auf zu den Deutschen Meisterschaften. Eigentlich sollten diese 2017 in Jena stattfinden, aber der Deutsche Sambo Verband entschied sich anders. So machten sich 7 Sportler auf nach Berlin, um an dem Turnier teilzunehmen. Besonders erfreulich war, dass in diesem Jahr unser Trainer Christian Plass wieder mit auf der Matte stand. Er startete in der 82 kg Klasse. Dort zeigte er in tollen Kämpfen schöne Techniken und wurde am Ende zurecht mit Platz 1 belohnt. Svyatoslav Popov startet bis 74 kg und zeigte ebenfalls starke Kämpfe, so konnte auch er sich die Goldmedaille um den Hals hängen. Als Gaststarterin kämpfte diesmal auch Anke Kaiser bei den Junioren für den JC Jena. Souverän holte sie sich den Platz auf dem obersten Treppchen. Kassandra Walluks wurde in der Gewichtsklasse - 64 kg wiederholt Deutsche Meisterin”. (Deutsche Meisterschaft im Sambo: Profis aus Russland werden am Wochenende erwartet. Heidenheimer Zeitung (hz.de), 2020).

Масс-медийность дискурса самбо выражается в форме спортивного комментария, где вербализованы действия

спортсмена на состязаниях: комментарий к удачному броску, захвата, атаки соперника при совершении приема. Вербализация носит эллиптический характер, например, путем использования существительных в именительном падеже для фиксации фактов: *"Und die Festhalte!"* = «И удержание!»; *"Zwei Fassarten!"* = «2 захвата!»; *"Das Bein!"* = «Ногу!»; *"Beine!"* = «Ногу!».

Болельщики употребляют неполные предложения для экспрессивного выражения своих эмоций и оказания поддержки спортсменам. Они стараются осознанно или, наоборот, неосознанно раззадорить спортсмена и тот, в свою очередь, может разозлиться и провести удачный и результативный прием, почувствовав поддержку с трибун: *«Макс, держи руку, что стоишь?»* = *"Max, halt die Hand, warum stehst du?"* «Убери его ногу» = *"Sein Bein weg!"* «Даа, болевой» = *"Jaa, der Hebelgriff!"* «Прижмись к нему» = *"Drück dich an ihn!"* «Давай болевой!» = *"Los, den Hebelgriff!"* «Макс, побыстрее с поворотами!» = *"Max, schneller das Umdrehen!"* «Сергей, вот ты, его правую руку возьми и закрути его» = *"Sergey, du, halt ihn an den Arm und dreh ihn um"*; *«Давай, Жень, тряси его!»* = *"Los, Tschenja, schüttle ihn!"*

Заключение

Спортивный дискурс единоборств имеет динамичный характер. Динамика вызвана тем, что спортивные мероприятия развиваются логически, а действия обладают семиотическим характером. Основной вопрос заключается в том, возможно ли прогнозирование диалога и управление им благодаря воздействию на интеллектуальную и эмоциональную сферы участников институционального взаимодействия. Социальные закономерности определяют коммуникативное взаимодействие. В центре внимания находится специфика общения индивидуумов, которая формирует процессы коммуникации в спортивном дискурсе единоборств. Использование лингвистических средств обусловлено человеческим фактором.

Нами разработана основа дискурсивного описания терминов самбо, пригодных для использования в немецкоязычной институциональной коммуникации; определены лингвистические особенности спортивного дискурса единоборств на пересечении с другими видами институционального дискурса; дана полная характеристика спортивного дискурса как социального

пространства коммуникации; определены роли тренера, спортсмена и судьи как ключевых представителей спортивного социума; проанализированы и структурированы языковые средства, которые используются в спортивном дискурсе, где моделируются и отражаются ситуации социума. Практическая ценность полученных результатов заключается в том, что имеется четкая картина организации спортивного пространства, спортивной коммуникации, определена роль ключевых фигур коммуникации и обоснован выбор лексических средств, что способствует повышению качества социального взаимодействия в данной сфере коммуникации и достижению поставленных целей. Детальный анализ коммуникативных ситуаций и закрепление лексического материала в печатном или электронном виде позволит укрепить коммуникацию на международном уровне и создать возможности для карьерного продвижения каждого из участников.

Литература

1. Венкер Л.М. Психические процессы. Ленинград: ЛСУ, 1981.
2. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Москва: Гнозис, 2004.
3. Лоуренс П. «Принцип Питера, или почему дела идут вкривь и вкось». Москва: Эксмо-пресс, 2000.
4. Моррис, Ч. Основания теории знаков // Семиотика. – 1982. – С. 37–89.
5. Панкратова О.А. Лингвосемиотические характеристики спортивного дискурса: автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10.02.19. – Волгоград, 2005.
6. Петровская Л.А. Общение-компетентность-тренинг: избранные труды. – М.: Смысл, 2007.
7. Столяров В.И. Философия физической культуры и спорта. Москва: Изд-во СГУ, 2015.
8. Andrejew W.M., Tschumakow E.M. SAMBO: der kraftvolle, russische Kampfsport. Berlin: Weinmann, 2004.
9. Fairclough N. Language and Power. New York: Longman, 1989.
10. Habermas J. Erläuterungen zum Begriff des kommunikativen Handelns. Frankfurt-am-Main: Suhrkamp, 1989.

11. Lewis R.D. The cultural imperative: global trends in the 21st century // *Training, Language and Culture*. – (2019). – №3(3) . – Pp. 8-20. DOI: 10.29366/2019tlc.3.3.1
12. Sibul V. Psycholinguistic analysis of lexical-semantic structure in linguistic consciousness of Russian, English and German native speakers // *Training, language and culture*. – № 1(2). – 2017. – С. 54-70. DOI: 10.29366/2017tlc.1.2.4
13. Thaler E. English and foreign language teaching in the German gymnasium // *Training, Language and Culture*. – (2017). – №1(3). – Pp. 72-85. DOI: 10.29366/2017tlc.1.3.5

References

- Andrejew, W.M., & Tschumakow, E.M. (2004). *SAMBO: der kraftvolle, russische Kampfsport [SAMBO: the powerful Russian martial arts]*. Berlin: Weinmann.
- Fairclough, N. (1989). *Language and Power*. New York: Longman.
- Habermas, J. (1989). *Erläuterungen zum Begriff des kommunikativen Handelns [Explanations on the concept of communicative action]*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Karasik, V. I. (2004). *Jazykovej krug: lichnost', koncepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]*. Moscow: Gnozis.
- Lewis, R.D. (2019). The cultural imperative: global trends in the 21st century. *Training, Language and Culture*, 3(3), 8-20. DOI: 10.29366/2019tlc.3.3.1
- Lourens, P. (2000). *Princip Pitera ili pochemu dela idut vkriv' i vkos' [The Peter Principle, or why things go awry]*. Moscow: Jeksmo-press.
- Morris, Ch. (1982). Osnovaniya teorii znakov [Foundations of the theory of signs]. In *Semiotika*, (pp. 37–89). Moscow.
- Pankratova, O. A. (2005). *Lingvosemioticheskie harakteristiki sportivnogo diskursa [Linguosemiotic Characteristics of Sports Discourse]*. (Candidate thesis abstract, Russia, Volgograd state university, Volgograd, Russia).
- Petrovskaja, L. A. (2007). *Obshhenie-kompetentnost'-trening [Communication-competence-training]*. Moscow: Smysl.
- Sibul, V. (2017). Psycholinguistic analysis of lexical-semantic structure in linguistic consciousness of Russian, English and German native

- speakers. *Training, Language and Culture*, 1(2), 54-70. DOI: 10.29366/2017tlc.1.2.4
- Stoljarov, V. I. (2015). *Filosofija fizicheskoj kul'tury i sporta [Philosophy of Physical Culture and Sports]*. Moscow: Izd-vo SGU.
- Thaler, E. (2017). English and foreign language teaching in the German gymnasium. *Training, Language and Culture*, 1(3), 72-85. DOI: 10.29366/2017tlc.1.3.5
- Venker, L. M. (1981). *Psihicheskie processy [Mental processes]*. Leningrad: LSU.

Источники

1. Словарь спортивных терминов САМБО [Электронный ресурс] // Официальный сайт Международной федерация самбо: ФИАС/FIAS. - 2012. - Режим доступа:https://sambo.sport/upload/old_file/media/default/0001/01/d4e357156313fd0cb4db5e4d6181cd0b5a134b6c.pdf (дата обращения 15.10.2020)
2. Sambo 07. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://www.sambo-07.de/> (дата обращения 5.10.2020).
3. Sambo FIAS. [Электронный ресурс] (2020). - Режим доступа: <https://www.sambo-fias.org/en/fias/documents/> (дата обращения 5.10.2020).
4. Sambo.ru. [Электронный ресурс]. - Режим доступа:<http://sambo.ru/> (дата обращения 5.10.2020).

Sources

- Slovar' sportivnyh terminov SAMBO [Dictionary of sports terms SAMBO]. (2012). Retrieved from: https://sambo.sport/upload/old_file/media/default/0001/01/d4e357156313fd0cb4db5e4d6181cd0b5a134b6c.pdf (accessed 15.10.2020)
- Sambo 07. (2020). Retrieved from: <http://www.sambo-07.de/> (accessed 5.10.2020).
- Sambo FIAS. (2020). Retrieved from: <https://www.sambo-fias.org/en/fias/documents/> (accessed 5.10.2020).
- Sambo.ru. (2020). Retrieved from: <http://sambo.ru/> (accessed 5.10.2020).

УДК 811.11

<https://doi.org/10.25076/vpl.40.05>

М. А. Фомина

Московский городской педагогический университет

**СУБЪЕКТ-ЭКСПЕРИЕНЦЕР КАК КВАЗИАГЕНС:
«ОТ ЗНАЧЕНИЯ К ФОРМЕ»**

В статье рассматривается категория субъекта с позиций функционального подхода к интерпретации языковых фактов – «от значения к форме». Семантический субъект может реализовывать различные семантические роли, вариативность которых обусловлена прототипической структурой организации категории субъекта. В качестве прототипа категории выступает субъект-агент действия. Другие типы субъекта – ср. посессор, экспериенцер, нейтрал – располагаются на разном расстоянии от прототипического центра, удаляясь от центра поля субъектности и приближаясь к периферии. Предметом исследования является актант ядра семантической структуры, выполняющий роль субъекта-экспериенцера. В качестве одной из приоритетных задач исследования видится решение проблемы разработки метаязыка семантического описания. В основе принятого подхода лежит проведение исследовательской процедуры в направлении от описания релевантных концептуальных категорий к построению системы метатерминов, связанных с рассматриваемыми категориальными признаками исследуемых языковых единиц. В статье рассматривается проблема разграничения таких смежных понятий, как субъект, подлежащее, носитель предикативного признака; приводится описание системы средств выражения анализируемой семантической категории в русском языке, а также результаты анализа поверхностной и глубинной структур моделей с данным типом субъекта.

Ключевые слова: семантический субъект, субъект-экспериенцер, функциональный подход, поверхностная / глубинная структура высказывания, модель предложения, подлежащее, носитель предикативного признака

UDC 811.11
<https://doi.org/10.25076/vpl.40.05>
M.A. Fomina
Moscow City University

**EXPERIENCER AS QUASI-AGENT:
«FROM MEANING TO THE LINGUISTIC FORM»**

The paper focuses on the category of semantic subject within the framework of a functional approach to linguistics. The variety of roles subject may have in a sentence accounts for the radially structured category of subject. With the agent subject being the center of the category, other members – Possessor, Experiencer, Neutral, etc. – appear to be scattered within the syntactical category of subject being more central or peripheral. The paper deals with the Experiencer subject. The author stresses the key role of a well-elaborated metalanguage in linguistic analysis and assumes that a thorough analysis of the relevant conceptual category, its structure and content, should precede the stage of developing a metalanguage. The paper 1) differentiates between similar though not interchangeable notions such as semantic subject, grammatical subject, and the bearer of predicative feature, 2) features the peripheral status of the Experiencer within the category of semantic subject, 3) reveals the means of its linguistic representation, 4) makes a structural and semantic analysis of the models with the Experiencer.

Keywords: semantic subject, Experiencer, functional approach, deep / surface propositional structure, sentence model, grammatical subject, bearer of predicative feature

Введение

В статье рассматривается семантическая категория субъектности с позиций функционального подхода к интерпретации языковых фактов, который, в отличие от подхода, принятого в традиционных грамматиках, идущих от формы к содержанию, основывается на семантических категориях (см., например, работы (Leonard, 1933; Foley, Van Valin, 1984; Siewierska, 1991; Теория функциональной грамматики, 1992; Halliday, 1994; Dik, 1997; Кобрина и др., 2007; Mustajoki, 2007;

Мустайоки и др., 2019; Jespersen, 1924), в которых изложены основные принципы функциональной грамматики и представлено описание системы семантических категорий и средств их выражения по принципу «от значения к форме»). По мнению авторов работы (Мустайоки и др., 2019), такой подход отражает роль говорящего в ситуациях общения: «сначала мы решаем то, **что** хотим сказать, а потом – **как** мы это выразим. Его задачей является не дополнить традиционную грамматику, а рассмотреть язык под другим углом». Иными словами, как отмечает О. А. Сулейманова, «авторы предлагают идти по когнитивному пути от осознания того, что именно хотел вербализовать говорящий, к вербальной форме репрезентации замысленного содержания, иконически тем самым отражая происходящий в сознании говорящего когнитивный процесс» (Сулейманова, 2020, с. 119-120). Данный подход оказывается эффективным при рассмотрении целого комплекса семантических категорий и, в частности, категории субъектности.

Задача построения адекватных и по возможности исчерпывающих описаний семантики языковых единиц неизбежно связана с проблемой разработки понятийного аппарата описания – метаязыка, на котором могут быть сформулированы семантические гипотезы. В (Фомина, 2016) рассматривается подход к организации исследовательской процедуры в направлении от описания релевантной концептуальной категории к разработке соответствующего метаязыка семантического описания. Как представляется, именно такой подход оказывается эффективным при проведении семантических исследований и придает разработанному в рамках каждого конкретного исследования метааппарату статус целостной системы терминов с четкой внутренней логикой и с возможностью экстраполяции на семантические описания языковых единиц, явившихся объектом других исследований (Там же, с. 224). Таким образом, прежде чем перейти к разработке метаязыка описания объекта исследования – русских моделей с субъектом-экспериенцером – представляется необходимым рассмотреть категорию субъектности.

Данная категория всегда являлась объектом пристального внимания как со стороны отечественных, так и зарубежных лингвистов. Синтаксическая категория подлежащего выступает в

качестве одной из возможных языковых репрезентаций концептуальной категории субъекта. При этом во многих работах термин «субъект» употребляется для обозначения именно синтаксической категории, а не семантической, без разграничения предметных областей данных категорий.

Как отмечает Н. Н. Болдырев, когнитивным основанием концептуальной и синтаксической категорий субъекта является «концепт «субъект», который формируется в нашем сознании не только с учетом неязыковых знаний и опыта событий, происходящих в реальном мире, но и опыта отражения этих событий в языке, т.е. языковых знаний» (Кобрина и др., 2007, с. 220). Содержание концепта «субъект» включает в себя и знание того, что в каждом событии есть элемент, который выделяется как его инициатор или источник и который этим же событием характеризуется; а также о том, что все события внеязыковой действительности могут быть представлены в языке как действия, состояния, свойства или отношения, а субъект – как производитель намеренного или ненамеренного действия; источник свойства или процесса; носитель состояния; элемент отношения (Там же, с. 220-221).

Подобная многоаспектность категории субъекта порождает многочисленные проблемы, которые остаются актуальными для современной синтаксической теории и к числу которых можно отнести и существующее разнообразие подходов к пониманию и изучению данной категории. Вслед за А. В. Бондарко, под субъектностью будем понимать «группировку грамматических (морфологических и синтаксических) и лексических средств данного языка, служащих для выражения различных вариантов семантики субъекта». Грамматический центр категории субъектности, обладающей полевой структурой, представлен подлежащим двусоставного предложения, выраженным существительным или местоимением в именительном падеже. Подлежащее, выступая в позиции предикцируемого компонента синтаксической структуры предложения (структурного НПП – носителя предикативного признака), является «наиболее адекватным выразителем семантики субъекта» и выполняет роль семантического носителя предикативного признака (Бондарко, 1992, с. 68). При выражении субъекта другими структурными

носителями предикативного признака происходит удаление от прототипического центра категории субъектности и приближение к периферии. При этом, вероятно, русские безличные (бесподлежащие) конструкции, находясь на «дальней» периферии, представляют наибольшую сложность с точки зрения интерпретации субъектно-объектно-предикатных отношений.

Носитель предикативного признака

Остановимся подробнее на понятии НПП, которое оказывается не только ключевым при определении категории субъектности, но и крайне важным при интерпретации русских безличных моделей. Под носителем предикативного признака понимается «субстанция, которой приписывается предикативный признак» (Бондарко, 1992, с. 54-55). В качестве НПП выступают единицы, выполняющие функцию предикативного компонента синтаксической структуры предложения, которому в активных конструкциях соответствует семантический субъект, а в пассивных – объект. Таким образом, носитель предикативного признака представляет собой синтаксическую субстанцию, в которой разграничиваются и соотносятся структурные и семантические функции, связанные с теми или иными средствами формального выражения. Такая трактовка данного понятия позволяет, например, решить вопрос о залоговой принадлежности ряда конструкций, когда понятия подлежащего и семантического субъекта оказываются недостаточными (Там же, с. 56-57). Более того, введение понятия носителя предикативного признака «позволяет сохранить понятие подлежащего в его обычном, не расширенном толковании» (Там же, с. 60) и, тем самым, избежать возникновения двойственности и утраты определённости данной категории – ср. предложения типа *Отцу не работается; Ему холодно; Больного лихорадит; Его тянет уехать; Сестру охватил страх*, которые трактуются в ряде работ как структуры с подлежащим, имеющим неноминативное выражение (Золотова, 2001, с. 135-139). Так, анализируя подобные высказывания, Г. А. Золотова соотносит предикативный компонент со значением личного субъекта физического или душевного состояния с подлежащим предложения. Широкое понятие НПП, объединяющего целый класс синтаксических единиц, функционально сближающихся с подлежащим, позволяет сохранить понятие подлежащего в его каноническом понимании и

выделить в рассматриваемых синтаксических конструкциях НПП, выраженные дополнениями. Такое расширение понятия НПП возможно с той оговоркой, что НПП, выраженные дополнениями, принадлежат периферийному подклассу синтаксических элементов (НПП2), отличающихся синтаксической зависимостью от сказуемого, выраженной в управлении (Бондарко, 1992, с. 63). Более того, при выявлении денотативно-понятийной основы выражаемой семантики в данных предложениях, как справедливо отмечает А. В. Бондарко, элемент субъекта состояния оказывается сопряжённым с «объектной интерпретацией, исходящей от формы прямого дополнения со значением субстанции, зависимой от действия, выраженного глаголом-сказуемым» (Там же, с. 63-65).

Признак активности / неактивности

Н. Н. Болдырев, опираясь на имеющиеся исследования категории субъекта, выделяет следующие наиболее существенные характеристики субъекта-агенса, выступающего в роли прототипа категории субъекта: 1) одушевленность; 2) энергетическая активность; 3) намеренность (волитивность); 4) каузативность; 5) контролируемость, а также 6) креативность предикативного признака. Другие типы субъекта располагаются на разном расстоянии от прототипического центра, а их градация обусловлена степенью проявления признака **активности** (признаки волитивности и контролируемости проявляет только субъект-агенса) (Кобрина и др., 2007).

Как отмечает О.Н. Селиверстова, за признаком *активности / неактивности* стоят несколько разных признаков, близких, но не тождественных друг другу. Сам факт несводимости *активности / неактивности* к одному признаку подтверждает наличие различных классификационных оснований в работах лингвистов, посвящённых проблеме *активности / неактивности*. Так, некоторые исследователи отождествляют данное противопоставление с залоговым противопоставлением *активности / пассивности* (см., например, (Valesio, 1971); другие объединяют в одну группу состояния и произвольные действия (*вздрыгнул, вскрикнул*) (Алисова, 1974). Авторы работы (Мустайоки и др., 2019) полагают, что различия между ситуациями, описываемыми при помощи высказываний (1) *Нина уронила вазу*, (2) *От неожиданности Ира вскрикнула* и (3) *Игорь*

споткнулся и упал, незначительные. Действительно, все три высказывания описывают ситуации, в которых субъект (X) не контролирует то, что происходит, совершая действие (P) непроизвольно. Как представляется, дальнейшие различия между данными субъектами проводятся по признаку *активности / неактивности*.

По мнению О. Н. Селиверстовой, степень активности субъекта можно определить по характеру роли X-а (определяющая / неопределяющая) в реализации денотата предиката P. При этом **неопределяющая роль X-а** необязательно означает, что X пассивен – субъект может быть представлен как прикладывающий усилия для осуществления P, но решающим для реализации P оказывается действие некоторой внешней по отношению к X-у силы, ср. высказывание *Мы хорошо долетели*, в котором субъект X (**неопределяющий агент X** – в терминологии О. Н. Селиверстовой) представлен как такой, который прикладывал усилия для того, чтобы событие P состоялось, но определяющую роль сыграли внешние обстоятельства (Селиверстова, 1982, с. 111). Если осуществление или поддержание денотата предиката P целиком зависит от внешней по отношению к субъекту X силы или если событие P представлено как самоподдерживаемое, то X рассматривается как **страдательный**, ср.: *Я не отвечала, меня так лихорадило, что зубы постукивали, я была в отчаянии; Когда я это понял, меня, привычного ко всему, чуть не вывернуло наизнанку* (НКРЯ).

Далее, различия между субъектами, играющими определяющую роль для того, чтобы P имел место, проводятся по двум признакам: 1) X прикладывает усилия и/или проявляет волеизъявление (**агентивный субъект**), ср. *Я часто и подолгу рассматривал эту картинку, думал о ней... об этой женщине; Я кинулся под навес и очутился на ступенях музея; Тут он смешал спички и собрался было показать другой – может быть лучший – фокус, но нам помешали* (НКРЯ); 2) X не прикладывает усилия и, независимо от самого себя, выступает в качестве источника энергии, поддерживающей и/или определяющей возникновение P (**неагентивный, но определяющий субъект**) (Селиверстова, 1982, с. 111), ср.: *Кофейные зерна потрескивали, крепко благоухали, мельница еще работала с натугой и грохотом, но*

вдруг полегчало, сопротивления нет, пустота...; Огонь распространялся со страшной быстротой, захватывая все новые домишки; Очертаний не было; как снятое с вешалки легкое женское платье, город сиял, переливался, падал чудесными складками, но не держался ни на чем, а повисал, ослабевший, словно бесплотный, в голубом сентябрьском воздухе (НКРЯ).

Особый интерес представляют высказывания с предикатами типа *вздрыгнуть, вскрикнуть*, в которых субъект (так называемый **несобственно агентивный субъект**) является источником энергии действия Р и представлен как прикладывающий усилия для того, чтобы имел место денотат предиката, но прикладывающий усилия бессознательно, не проявляя волеизъявление (Селиверстова, 1982, с. 112). Отметим, что речь идет именно о **бессознательном** приложении усилий, а не **неосознанном**. В работе (Шабанова, 1998) данный признак обозначен как *осознанность / неосознанность* приложения усилий со стороны Х-а для того, чтобы Р имело место. Как отмечает О. А. Сулейманова, термин *осознанность* вряд ли можно признать удачным для описания высказываний, в которых Х представлен как осознающий, что с ним происходит, однако участвует в событии Р бессознательно (Сулейманова, 2000, с. 16).

Таким образом, О. Н. Селиверстова предлагает выделять два основных вида «неактивности»: 1) неактивность субъекта-пациенса (Х страдательный), при которой Х не определяет создание и поддержание Р; Р создается внешней по отношению к Х-у силой или является самоподдерживаемым; 2) неактивность, которая определяется тем, что Х не действует, но выступает при этом в качестве источника энергии, необходимой для осуществления и/или поддержания Р (Селиверстова, 1982).

Таким образом, выделенные виды *активности / неактивности* позволяют описать некоторые различия между приведенными выше высказываниями (1) *Нина уронила вазу*, (2) *От неожиданности Ира вскрикнула* и (3) *Игорь споткнулся и упал*. В первом высказывании роль Х-а является определяющей для того, чтобы Р имело место, при этом Х (агенса) прикладывает усилия для реализации Р бессознательно, помимо своей воли. Во втором высказывании Х проявляет свойства несобственно агентивного субъекта, так как является источником энергии действия Р и

представлен как прикладывающий усилия для того, чтобы имел место денотат предиката, но прикладывающий усилия бессознательно, помимо своей воли. В третьем примере событие Р представлено как такое, осуществление которого в большей степени определяется внешней по отношению к Х-у силой (внешними обстоятельствами, внешней средой), хотя и нуждается в Х-е как источнике энергии, поддерживающей реализацию Р («неживой», пусть и перемещающийся в пространстве объект не способен реализовать данное действие). При этом данный субъект обладает большей степенью активности, чем страдательный Х (экспериенцер) в высказываниях типа *Его знобит*, в которых событие Р представлено как такое, осуществление или поддержание которого целиком определяется внешней по отношению к Х-у силой или событие Р представлено как самоподдерживаемое.

Наблюдатель vs. экспериенцер

Важным также представляется развести сходные, но не равнозначные метатермины *наблюдатель* (*потенциальный наблюдатель*) и *экспериенцер*, которые нередко употребляются недифференцированно.

Как отмечает О. А. Сулейманова, субъект обычно реализует семантическую роль экспериенцера при предикатах процесса (не действия), ср. высказывания *Мне грустно*, *Ему не спалось*, в которых НПП представлен как экспериенцер (ср. высказывания с субъектом-пациентом – *Нам будет прочитан лекционный курс*, или агенса – *Мы прослушаем лекционный курс*). В данных высказываниях экспериенцер получает эксплицированное выражение, тогда как наблюдатель задан имплицитно (ср. высказывание *Зрители с интересом наблюдали за развитием действия на экране*, в котором субъект-наблюдатель эксплицирован, при этом информация о том, что субъект является наблюдателем, содержится только в лексическом значении глагола) (Сулейманова, 2015).

О. Н. Сулейманова предлагает уточненное определение семантической роли наблюдателя, которое учитывает роль данного актанта как участника ситуации, регистрирующего событие Р: «семантическую роль наблюдателя можно определить как одушевленный объект Х, с точки зрения которого подается

событие Р, соответственно, наблюдаемость – это свойство Р характеризоваться с точки зрения Х-а, при обязательной принадлежности Х-а фабульному пространству» (Сулейманова, 2015, с. 71). При этом принадлежность фабульному пространству не означает обязательное присутствие Х-а в физическом пространстве описываемой денотативной ситуации – ср. высказывание с обобщённым субъектом *Когда смотришь на карту, видно, что старый дом вместе с приусадебным участком <...> действительно находятся на острове* (НКРЯ), в котором Х представлен как потенциальный наблюдатель. О. А. Сулейманова подчеркивает, что в предложениях с потенциальным наблюдателем «сообщается не о том, что происходит с Х-ом, а о том, что имеет место вокруг него и воспринимается его рецепторами» (Там же): ср. высказывание *Мне холодно*, в котором сообщается о том, что делается с Х-ом, Х выступает в качестве субъекта своего состояния, выполняя роль экспериенцера; в высказывании же *На улице сильно похолодало* Х (потенциальный наблюдатель, не субъект предикации) «воспринимает и регистрирует состояние окружающей среды», денотативная ситуация подается исходя из его восприятия, тогда как Р происходит необязательно с ним (Там же).

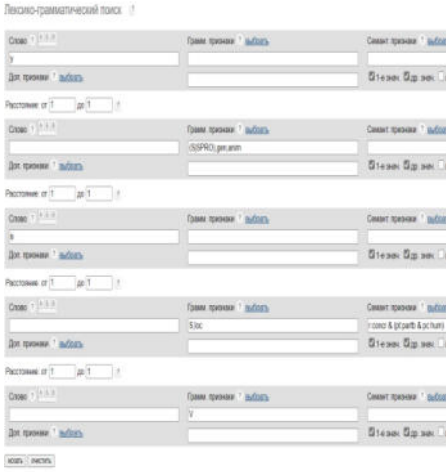
Методология

Для исследования семантики моделей с субъектом-экспериенцером было проведено многоэтапное исследование с применением комплексной исследовательской методики, совмещающей гипотетико-дедуктивную процедуру исследования, обращение к ведущим поисковым системам и проведение корпусного эксперимента. Такая триангуляционная методика позволяет установить степень сходимости данных, полученных из разных источников, и обеспечивает высокую степень валидности полученных результатов. (см. подробнее о триангуляционном подходе в экспериментальной лингвистике (Сулейманова, Фомина, 2018).

Источником материала для исследования послужили тексты художественного и масс-медиального дискурса, представленные в Национальном корпусе русского языка. Для выявления системы средств выражения семантической категории субъекта-экспериенцера в русском языке, а также проведения анализа

поверхностной и глубинной структур моделей с данным типом субъекта на начальном этапе исследования были отобраны высказывания, вносящие информацию о субъективном (физическом или эмоциональном) состоянии или ощущении X-а (субъекта состояния / ощущения), интеллектуальном / эмоциональном отношении X-а к лицу / предмету. В качестве отдельной исследовательской задачи на данном этапе явилось создание алгоритма поиска рассматриваемых моделей, представляющих собой синтаксически развернутые структуры. Как отмечают авторы работы (Сулейманова и др., 2020), при проведении исследования семантики синтаксической модели потребности исследователя выходят за рамки организации поиска только по одному параметру – оптимизация поисковых запросов позволяет значительно ограничить область поиска и составить более точный запрос к корпусу текстов или поисковой системе типа Google. Комбинируя различные параметры поиска, исследователь может задавать сложные запросы, обусловленные целями и задачами научного исследования. Такие запросы формулируются на специальном логическом языке в соответствии с определенными синтаксическими правилами. Приведем примеры некоторых запросов, которые были построены в рамках лексико-грамматического поиска НКРЯ на данном этапе исследования.

Модель	Запрос	Примеры результатов поиска
Дативные модели	Лексико-грамматический поиск Слово <input type="text" value=""/> <small>Грамм. признаки ?</small> <small>Доп. признаки ?</small> выбрать <input type="text" value=""/>	<i>Но я люблю, когда мне страшно, меня это взбадривает.</i>
	Слово <input type="text" value="'o 'e"/> <small>Грамм. признаки ?</small> <small>Доп. признаки ?</small> выбрать <input type="text" value=""/>	<i>Теперь, чтобы его простить,</i>

	<p>Поле 1: <i>Грам. признаки</i> → мест.-сущ., дат. падеж Поле 2: поле «Слово» → *о *е → <i>Грам. признаки</i> → предикатив</p>	<p><i>мне нужно его понять.</i></p>
		<p><i>Мне трудно в это поверить.</i></p>
		<p><i>Значит ли это, что ей суждено повторить все прежние ошибки?</i></p>
<p>Пространственные поссесивные модели типа У нее в боку колет</p>	 <p>Поле 1: поле «Слово» → у Поле 2: <i>Грам. признаки</i> → мест.-сущ., сущ., род. падеж, одушев. Поле 3: поле «Слово» → в Поле 4: <i>Грам. признаки</i> → сущ., предлож. падеж</p>	<p><i>У меня в руках будет коричневая сумочка.</i></p>
		<p><i>У каждого в голове рождалась веселившая и немного пугавшая мысль о близкой воде.</i></p>
		<p><i>Он приводит такой пример: допустим, говорит он,</i></p>

	Семантич. признаки → части тела и органы человека Поле 5: Грам. признаки → гл.	что у кого-то в голове есть идея очень хитрой и сложной машины...
		У каждого в руках была игрушка, изображавшая птицу.

Таблица 1.

В результате сформированных поисковых запросов нам удалось значительно сузить область поиска, однако и в этом случае результаты поиска необходимо далее отфильтровать «вручную», чтобы отобрать релевантные для исследования примеры (ср. результаты запроса, организованного для поиска пространственных поссессивных моделей типа *У нее в боку колет: У меня в руках будет коричневая сумочка; У каждого в руках была игрушка, изображавшая птицу*, которые действительно представляют собой реализацию пространственной поссессивной модели, но с субъектом-посессором, а не экспериенцером физиологического / эмоционального состояния). Более точных результатов можно также добиться при помощи дальнейшей детализации и уточнения построенных запросов. Так, например, в приведенном в таблице запросе для поиска пространственных поссессивных моделей типа *У нее в боку колет* можно уточнить семантические характеристики глагола, выбрав опцию «физическое воздействие» в соответствующей закладке. Так, после подтверждения внесенных в запрос изменений и организации поиска в результирующую выборку были включены высказывания типа – *Капитан сказал... – я вдруг загнулся, потому что услышал, как у меня в ушах стучит сердце* (НКРЯ).

Далее, сформированная выборка высказываний с субъектом-

экспериенцером разбивается исследователем на группы однотипных контекстов, противопоставленных по определенному семантическому признаку (интегральному для группы). При этом внутри каждой группы примеры можно далее распределять на подгруппы по другим признакам. Результаты дистрибутивного анализа позволяют исследователю построить гипотезу о значении рассматриваемых языковых единиц (моделей с субъектом-экспериенцером). Далее, следуя логике пошаговой организации исследовательской процедуры с использованием гипотетико-дедуктивного метода, основу которого составляет семантический эксперимент, исследователь выполняет экспериментальную проверку выдвинутой гипотезы в формате интервью с информантами-носителями языка, оценивающими правильность предложенных им предложений по заданной шкале. Полученные оценки позволяют выделить так называемый «отрицательный языковой материал», который далее послужит основой для выдвижения гипотезы о содержании дифференциальных признаков в значениях анализируемых единиц. Исследователь снова строит примеры для последующего предъявления их информанту, но принцип построения экспериментальной выборки теперь сводится к различным методам верификации сформулированной семантической гипотезы. Вместе с тем, помимо широко используемых в лингвистическом эксперименте верификационных процедур, исследователи все чаще обращаются к таким методам проверки, как проведение корпусного эксперимента и анализа результатов обращения к ведущим поисковым системам типа Google (см. подробнее о применении альтернативных верификационных процедур в (Сулейманова, Фомина, 2018).

Типология экспериенцера

Проведенное исследование показало, что в русском языке имеется широкий выбор схем, по которым строятся высказывания с экспериенцером. В рамках построенной в результате исследования типологии экспериенцера можно выделить структуры с экспериенцером-субъектом физиологического / эмоционального состояния; структуры с экспериенцером, вносящие информацию о месте сосредоточения состояния (болезненного, эмоционального) – модели с локативным

уточнителем; структуры с экспериенцером, реализующим роль объекта воздействия, а также субъекта эмоционального / социального отношения и восприятия (органами чувств / как результат ментальной деятельности).

Рассмотрим подробнее некоторые возможные типы экспериенцера и языковые средства их выражения.

Языковые средства выражения экспериенцера-субъекта физиологического / эмоционального состояния

Как показало проведенное исследование, высказывания о субъективном состоянии / ощущении (физическом или эмоциональном) могут иметь структуру: 1) двусоставного предложения, в котором обозначение субъекта состояния соответствует подлежащему (в том числе выраженному названием части тела, метонимически представляющем экспериенцера), ср. *Голова не болит?*; *Он заболевает*; *Яков никогда не бывал в хорошем расположении духа, так как ему постоянно приходилось терпеть страшные убытки* (НКРЯ); поверхностную структуру таких предикаций можно обозначить в виде Им. п. + Гл. *быть* + составное именное сказуемое; Им. п. + Гл. *болеть*; 2) односоставного (безличного, но не бессубъектного) предложения, в котором субъект обозначен второстепенным членом предложения, выраженным существительным / местоимением в составе дативной или генитивной модели, существительным / местоимением в винительном падеже, предложно-падежной формой *С* + Тв. п. в сочетании с предикативным наречием, существительным, фразеологизмом, ср.: *Отцу не работается*; *Ему холодно*; *Больного лихорадит*; *Его тянет уехать*; *Сестру охватил страх*; *По странному стечению чувств, мне казалось, что я заражаю незнакомца тем искрометным счастьем, от которого у меня мороз пробегает по коже...*; *Она уже спит. С ней все в порядке*. (НКРЯ); поверхностную структуру таких предикаций можно обозначить в виде Дат. п. + Гл. *работать* возвр. / Наречие предикат.; Вин. п. + Гл. *лихорадить*; Вин. п. + Гл. *охватывать* + Им. п.; *У* + Род. п. + Им. п. + Гл. *пробегать*; *С* + Тв. п. + Фразеологизм предикат.

Модели с экспериенцером, вносящие информацию о месте сосредоточения болезненного / эмоционального состояния. Пространственные модели с локативным уточнителем

Проведенное исследование показало, что поверхностная структура высказываний с экспериенцером, вносящих информацию о месте сосредоточения болезненного / эмоционального состояния, может быть представлена в виде двусоставного предложения, в котором локативный уточнитель соответствует подлежащему, а субъект-экспериенцер болезненного состояния представлен предложно-падежной формой *У* + Род. п., ср.: *Тяжело было приниматься за эту несложную работу, и Прошка всегда чувствовал, как у него ноет спина <...>; Истина прежде всего в том, что у тебя болит голова, и болит так сильно, что ты малодушно помышляешь о смерти* (НКРЯ).

Далее, локативный уточнитель, соответствующий обозначению части тела, в которой сосредоточено болезненное ощущение, может быть выражен предложно-падежными формами *в / на* + Предл. п., ср.: *У него закололо в боку, стали жать ботинки, воротник сделался узок и перехватил горло <...>* (НКРЯ); *У внука на руках появилась сыпь* (пример взят из работы (Мустайоки и др., 2019)); *с* + Тв. п., ср.: *Иногда кажется, что у него с головой не все в порядке; У меня с ногтями просто беда* (НКРЯ); *под* + Тв. п., ср.: *У меня под коленками «затошило». Я знаю, где живет страх. Он живет под коленками* (НКРЯ). Меньшей частотностью обладают структуры с локативным уточнителем, выраженным предложно-падежными формами *к* + Дат. п. и *от* + Род. п. в высказываниях типа *Подружка хмыкнула, а у Анны кровь прилила к лицу, и ей сделалось нестерпимо стыдно; У Екатерины вся кровь отхлынула от лица, и она стояла бледная, неподвижная, как статуя, сжав руки* (НКРЯ).

Приведенные высказывания, в которых субъект-экспериенцер представлен предложно-падежной формой *у* + Род. п., представляют особый интерес в рамках настоящего исследования. Анализируя безличные модели типа *У него потемнело в глазах*, О. А. Сулейманова вводит понятие пространства посессивности *X*-а – пространство *S*, образуемое *X*-ом (Сулейманова, 2000, с. 25). Для пространственных моделей пространственный компонент является обязательным компонентом структурной схемы предложения – его опущение приводит к нарушению смысла (ср. *На душе у деда тоскливо* и *На душе тоскливо*, где опущение

пространственного компонента приводит к изменению смысла результирующего высказывания, в котором в качестве субъекта-экспериенцера – теперь имплицитного – выступает уже говорящий) и даже грамматической правильности высказывания (такое опущение может также приводить к появлению эллиптического высказывания) (Там же).

Как отмечает О. А. Сулейманова, в рассматриваемой модели «пространственный компонент *У меня* вносит информацию о том, что Р имеет место в пространстве S, образуемом X-ом». Помимо пространственного компонента обязательным элементом модели является локативный уточнитель (Сулейманова, 2000, с. 25) – ср. *У меня в ухе звенит*; **У меня звенит*. Пространственный же компонент *У меня* в тексте может опускаться – ср. *У меня в ухе звенит*; *В ухе звенит* – но его место в модели всегда сохраняется, а значение этого компонента легко восстанавливается из контекста. Обязательный компонент модели – локативный уточнитель – вносящий информацию о той части тела, в которой имеет место Р, выполняет наряду с пространственным компонентом функцию НПП.

В (Фомина, 2015) подчеркивается, что интерпретация данного компонента модели в качестве носителя предикативного признака согласуется с пониманием А. В. Бондарко о структурном носителе предикативного признака, принадлежащем периферийному подклассу синтаксических элементов, который отличается синтаксической зависимостью от сказуемого, выраженной в управлении. По мнению А. В. Бондарко, управляемый член предложения может быть признан в качестве структурного НПП в том случае, когда в предложении отсутствует другой компонент, соотносящийся с предикатом, то есть речь идёт об «актанте при одноместном предикате». При такой трактовке предикативного отношения управление в анализируемой модели можно рассматривать как «формальную связь, совместимую со “стоящей выше” функцией предикативного отношения» (Бондарко, 1992, с. 63). Как представляется, правомерность приписывания функции НПП комбинации пространственного компонента и локативного уточнителя подтверждается тем, что оба компонента являются обязательными в данной модели (Фомина, 2015) – при возможности опущения первого компонента его место в модели

всегда сохраняется, позиция же локативного уточнителя является обязательной и может быть заполнена выражениями типа *в / на / под* + *Лос*, ср.: *в ушах, горле, желудке, животе, в плече, боку, груди, голове; на сердце, душе; под сердцем, ложечкой* (Сулейманова, 2000).

К моделям с экспериенцером, вносящим информацию о месте сосредоточения болезненного / эмоционального состояния, в (Мустайоки и др., 2019) также отнесены структуры, в которых пространственный компонент представлен притяжательным местоимением или существительным в родительном падеже, а локативный уточнитель обозначается предложно-падежной формой *в / на* + Предл. п. (ср. *На лице Михал Ивановича выразилось сильнейшее замешательство*), реже формами именительного падежа и *с* + Тв. п. – ср. *С сердцем отца что-то неладно* (пример взят из работы (Мустайоки и др., 2019); в (НКРЯ) высказываний с данной синтаксической структурой обнаружено не было). Ср. также высказывания с существительными *сердце, душа* в именительном падеже в сочетании с существительным в родительном падеже или притяжательным местоимением, метонимически обозначающими экспериенцера эмоционального состояния: *Война, и все с этим примирились. Но моя душа не может смириться; Мое сердце с тех пор болит почти постоянно* (НКРЯ).

Экспериенцер состояния как объект действия сил

Рассмотрим средства выражения экспериенцера-субъекта состояния, который выступает в качестве объекта воздействия. Данный тип субъекта выражается существительным / местоимением в винительном / творительном падеже и представлен в следующих высказываниях: *При воспоминаниях о невестке Ирину буквально трясло; Мною снова овладел страх; Меня поразила тогда смесь обыденности и безумия* (НКРЯ).

Безличные предложения, сообщающие о воздействии на экспериенцера, построены по дативной модели, в которой объект воздействия представлен обозначением части тела или органа, выраженным существительным в винительном падеже, ср.: *М. П. Степанов каким-то чудом остался жив, ему только порезало руки и лицо осколками стекла; Ему прищемило ногу* (НКРЯ). Как отмечает О. А. Сулейманова, дативную и генитивную

модели типа *Мне оторвало палец* и *У меня оторвало палец* часто объединяют при рассмотрении, однако данные модели могут быть противопоставлены сразу по нескольким признакам (Сулейманова, 2000). Так, дативно-безличная модель *Мне оторвало палец* «вносит информацию о том, что X является объектом действия на него каких-то внешних по отношению к нему сил, действие направлено на X-а только извне» (Сулейманова, 2000, с. 31), в то время как «генитивно-безличная модель не маркирована по этому признаку и может описывать как действия, направленные на X извне, так и силы, создаваемые самим X-ом и действующие внутри него», ср. *Мне разнесло плечо* и *У меня разнесло плечо* (Там же). Иными словами, если действие можно однозначно интерпретировать как происходящее в НПП, то возможна только генитивная модель, ср. *У меня потемнело в глазах*, ср. неправильное **Мне потемнело в глазах* (Там же).

Ср. также высказывания, в которых экспериенцер представлен как жертва какого-либо происшествия и обозначается существительным в именительном или косвенном падеже (Мустайоки и др., 2019): *Один из прохожих получил ожог под глазом и ожог уха; Лернера эти слова раздавили. Он перестал писать, есть, пить, спать – ходит по улицам и плачет* (НКРЯ).

Выводы

В статье была рассмотрена категория субъекта с позиций функционального подхода к интерпретации языковых фактов «от значения к форме». В результате проведенного исследования были уточнены две группы метатерминов – те, которые составляют общий фон исследования (ср. такие понятия, как *субъект*, *подлежащее*, *носитель предикативного признака*, *наблюдатель*, *экспериенцер* и др.), и те, которые используются в семантических описаниях (уже прошедших экспериментальную проверку или находящихся в ранге гипотезы) рассматриваемых моделей с субъектом-экспериенцером (ср. такие понятия, как *признак активности / неактивности*, *неопределяющий агент X*, *неагентивный субъект*, *несобственно агентивный субъект* и др.). В работе рассмотрены критерии организации поиска эмпирического материала на базе корпусов текстов, приводятся примеры сформированных запросов, а также представлены некоторые результаты проведенного исследования в виде

описания системы средств выражения анализируемой семантической категории в русском языке, а также результатов анализа поверхностной и глубинной структур некоторых моделей с данным типом субъекта.

В качестве перспективы исследования видится рассмотрение моделей с экспериенцером эмоционального / социального / интеллектуального отношения и восприятия (органами чувств / как результат ментальной деятельности), а также моделей с другими типами субъекта, располагающимися на разном расстоянии от прототипического центра категории субъекта – субъект-агенса. Особый интерес в рамках настоящего исследования представляют структуры, в которых семантическая категория субъекта-экспериенцера получает имплицитное выражение, например, при помощи субъективно-оценочных формул (хеджей) (см. подробнее о способах языковой репрезентации субъекта-адресанта в научном диалоге в (Фомина, 2018). Хеджи позволяют автору маркировать некое субъективное впечатление, свое отношение к рассматриваемой проблеме, вывод или мнение и, таким образом, выступают в качестве маркеров адресанта, участвующих в конструировании личности исследователя в академическом дискурсе и нацеленных на установление контакта с читателем, ср.: *как представляется, кажется, как можно заключить, как видно, думается* и др. Такие безличные модели, как *Кажется, думается, представляется* на уровне глубинной структуры высказывания не являются бессубъектными – субъект-экспериенцер (автор текста) не назван, но его наличие подразумевается.

Литература

1. Алисова Т. Б. К вопросу о так называемых «стативных» предикатах // Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания ноября 1974 г.: Тез. докл. секционных заседаний. – М., 1974. – С. 55.
2. Бондарко А. В. Субъектно-предикатно-объектные ситуации // Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. – СПб.: Наука, 1992. – С. 29-71.

3. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.
4. Кобрина Н. А., Болдырев Н. Н., Худяков А. А. Теоретическая грамматика современного английского языка: Учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 2007.
5. Мустайоки А., Сабитова З. К., Парменова Т. В., Бирюлин Л. А. Функциональный синтаксис русского языка: учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2019.
6. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/index.html> (дата обращения 10.12.2020)
7. Селиверстова О. Н. Семантические типы предикатов. – М.: Наука, 1982.
8. Сулейманова О. А. Релевантные типы безличных синтаксических структур и их семантические корреляты: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19, 10.02.01. – М.: Ин-т языкознания РАН, Москва, 2000.
9. Сулейманова О. А. семантическая роль имплицитного наблюдателя в модели предложения // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2015. – № 3 (19). – С. 69-75.
10. Сулейманова О. А. Рецензия на учебник «Функциональный синтаксис русского языка» (А. Мустайоки, З. К. Сабитова, Т. В. Парменова, Л. А. Бирюлин. М.: Юрайт. 2019. 728 с.) // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2020. – № 4 (40). – С. 119-122.
11. Сулейманова О. А., Фомина М. А. Триангуляционный подход в экспериментальной лингвистике // Русистика и компаративистика. Научные труды по филологии. Выпуск 12. – М.: МГПУ; Книгодел, 2018. – С. 220-235.
12. Сулейманова О. А., Фомина М. А., Тивьяева И. В. Принципы и методы лингвистических исследований: учебное пособие // отв. ред. О. А. Сулейманова. – М.: Языки Народов Мира; НВИ, 2020.
13. Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания.

Определенность / неопределенность // Отв. ред. А.В. Бондарко. – СПб.: Наука, 1992.

14. Фомина М. А. Субъект в безличных пространственных моделях типа *У меня в ухе звенит* // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. – 2015. – № 4 (20). – С. 49-55.

15. Фомина М. А. Концептуальные категории в контексте проблемы разработки метаязыка семантического описания // Контенсивные аспекты языка: константность и вариативность: сборник статей к юбилею О.А. Сулеймановой. – М.: ФЛИНТА, 2016. – С. 223-233.

16. Фомина М. А. Субъект в академическом дискурсе // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия / Отв. ред. О.А. Сулейманова. – М.: ЛЕНАНД, 2018. – С. 199-210.

17. Шабанова Т. Д. Семантическая модель английских глаголов зрения: Теоретико-экспериментальное исследование: дис. ... док. филол. наук: 10.02.04. – Уфа, 1998.

18. Dik S. C. The Theory of Functional Grammar / ed. K. Hengeveld. – Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1997.

19. Foley W. A., Van Valin R. D. Functional Syntax and Universal Grammar. – Cambridge: Cambridge University Press, 1984.

20. Halliday M. A. K. An Introduction to Functional Grammar. – London etc.: Arnold, 1994.

21. Jespersen O. The Philosophy of Grammar. – London: George Allen & Unwin, 1924.

22. Leonard J. P. Functional Grammar – What and Where? // English Journal. – 1933. – Vol. 22. – Pp. 729-735.

23. Mustajoki A. From Meaning to Form: an Alternative Model of Functions Syntax // Russian Language Journal. – 2007. – Vol. 57. – Pp. 3-28.

24. Siewierska A. Functional Grammar. – London: Routledge, 1991.

25. Valesio P. The Distinction of Active and Passive // Linguistic Inquiry. – 1971. – Vol. 2. – № 3. – Pp. 407-414.

References

Alisova, T. B. (1974). К вопросу о так называемых «stativnykh»

- predikatakh [The Issue of So-called «Static» Predicates]. In *Vsesoyuznaya nauchnaya konferentsiya po teoreticheskim voprosam yazykoznaniya noyabrya 1974 g.* (p. 55). Moscow.
- Bondarko, A. V. (1992). Sub'ektno-predikatno-ob'ektnye situatsii [Subject-Predicate-Object Situations]. In *Teoriya funktsional'noy grammatiki: Sub'ektnost'. Ob'ektnost'. Kommunikativnaya perspektiva vyskazyvaniya. Opredelennost' / neopredelennost'* (pp. 29-71). Saint-Petersburg, Nauka.
- Dik, S. C. (1997). *The Theory of Functional Grammar*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.
- Foley, W. A., & Van Valin, R. D. (1984). *Functional Syntax and Universal Grammar*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Fomina, M. A. (2015). Sub'ekt v bezlichnykh prostranstvennykh modelyakh tipa *U menya v ukhe zvenit* [The Subject in Spatial Impersonal Sentence Models *U menya v ukhe zvenit*]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie*, 4 (20), 49-55.
- Fomina, M. A. (2016). Kontseptual'nye kategorii v kontekste problemy razrabotki metayazyka semanticheskogo opisaniya [On Conceptual Categories within the Framework of an Approach to Semantic Metalanguage]. In *Kontensivnye aspekty yazyka: konstantnost' i variativnost': sbornik statey k yubileyu O.A. Suleymanovoy* (pp. 223-233). Moscow, FLINTA.
- Fomina, M. A. (2018). Sub'ekt v akademicheskom diskurse [The Category of Subject in Academic Discourse]. In *Diskurs kak universal'naya matritsa verbal'nogo vzaimodeystviya* (pp. 199-210). Moscow, LENAND.
- Halliday, M. A. K. (1994). *An Introduction to Functional Grammar*. London etc.: Arnold, 1994.
- Jespersen, O. (1924). *The Philosophy of Grammar*. London: George Allen & Unwin.
- Kobrina, N. A., Boldyrev, N. N., & Khudyakov, A. A. (2007). *Teoreticheskaya grammatika sovremennogo angliyskogo yazyka: Ucheb. Posobie [Theoretical Grammar of Modern English: A Textbook]*. Moscow, Vysshaya shkola.
- Leonard, J. P. (1933). Functional Grammar – What and Where? *English Journal*, 22, 729-735.
- Mustajoki, A. (2007). From Meaning to Form: an Alternative Model of

- Functions Syntax. *Russian Language Journal*, 57, 3-28.
- Mustajoki, A., Sabitova, Z. K., Parmenova, T. V., & Biryulin, L. A. (2019). *Funktsional'nyy sintaksis russkogo yazyka: uchebnik dlya vuzov [The Functional Syntax of the Russian Language: A Textbook for Universities]*. Moscow, Yurayt.
- RNC – Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. (2020). Retrieved from: <http://www.ruscorpora.ru/index.html>
- Seliverstova, O. N. (1982). *Semanticheskie tipy predikatov [Semantic Types of Predicates]*. Moscow, Nauka.
- Shabanova, T. D. (1998). *Semanticheskaya model' angliyskikh glagolov zreniya: Teoretiko-ekperimental'noe issledovanie [Semantic Model of English Verbs of Visual Perception: Theoretical and Experimental Research]*. (Doctoral thesis, Bashkir state pedagogical Institute, Ufa, Russia).
- Siewierska, A. (1991). *Functional Grammar*. London: Routledge.
- Suleimanova, O. A. (2000). *Relevantnye tipy bezlichnykh sintaksicheskikh struktur i ikh semanticheskie korrelyaty [Relevant Types of Impersonal Syntactic Structures and Their Semantic Correlates]*. (Doctoral thesis abstract, Institut yazykoznaneya RAN, Moscow, Russia).
- Suleimanova, O. A. (2015). Semanticheskaya rol' implitsitnogo nablyudatelya v modeli predlozheniya [The Semantic Role Observer in the Sentence Model]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie*, 3 (19), 69-75.
- Suleimanova, O. A. (2020). Retenziya na uchebnik «Funktsional'nyy sintaksis russkogo yazyka» (A. Mustajoki, Z. K. Sabitova, T. V. Parmenova, L. A. Biryulin. M.: Yurayt. 2019. 728 s.) [Review of the Textbook "Functional syntax of the Russian language" (Mustajoki, A., & Sabitova, Z. K., & Parmenova, T. V., & Biryulin, L. A. Moscow: Yurayt. 2019, 728 p.)]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie*, 4 (40), 119-122.
- Suleimanova O. A., & Fomina M. A. (2018). Triangulyatsionnyy podkhod v eksperimental'noy lingvistike [Triangulation as a Research Method in Experimental Linguistics]. *Rusistika i*

- komparativistika. Nauchnye trudy po filologii, 12, 220-235.*
- Suleimanova, O. A., & Fomina, M. A., & Tiv'yaeva, I. V. (2020). *Printsipy i metody lingvisticheskikh issledovaniy: uchebnoe posobie [Principles and Methods of Linguistic Studies: A Study Guide]*. Moscow, Yazyki Narodov Mira; NVI.
- Teoriya funktsional'noy grammatiki: Sub'ektnost'. Ob'ektnost'. Kommunikativnaya perspektiva vyskazyvaniya. Opredelennost' / neopredelennost' [Functional Grammar: Subjectivity. Objectivity. The Communicative Perspective of the Statement. Certainty / uncertainty]*. (1992). Saint-Petersburg, Nauka.
- Valesio, P. (1971). The Distinction of Active and Passive. *Linguistic Inquiry*, 2 (3), 407-414.
- Zolotova, G. A. (2001). *Kommunikativnye aspekty russkogo sintaksisa [Communicative Aspects of Russian Syntax]*. Moscow, Editorial URSS.

УДК 374.1

<https://doi.org/10.25076/vpl.40.06>

Эрназаров Д.З.,

Ташкентский Государственный Экономический

Университет, Узбекистан

Авилова Х. Н.

Узбекский государственный университет мировых языков,

Узбекистан,

Гулямова М. Х.

Узбекский государственный университет мировых языков,

Узбекистан

РАЗРАБОТКА АУТЕНТИЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ ДЛЯ ЧТЕНИЯ, СООТВЕТСТВУЮЩИХ ЛОКАЛЬНОМУ КОНТЕКСТУ УЗБЕКИСТАНА

Какие учебные материалы необходимы для развития навыков чтения у учеников? Можно ли использовать каждый интернет-ресурс или учебник во всех классах? Должны ли материалы соответствовать национальным стандартам той или иной страны? Учителя обычно соотносят средства обучения с релиями преподавания, выбирая ресурсы для использования в своем

обучении. Учебные материалы – незаменимый инструмент в классах, где преподается большинство языков.

В статье делается обзор материалов для чтения и описывается выбор аутентичных материалов для подбора заданий по чтению на уроках английского как иностранного в Узбекистане. В работе ведется поиск теоретических оснований, лежащих в основе разработки материалов для чтения по английскому как иностранному, соответствующих культурным и местным условиям. В статье предлагается методика использования аутентичных материалов при обучении студентов иностранному языку. Выявлены основные критерии отбора аутентичных материалов в соответствии с целью и задачами обучения, а также преимущества их использования для развития навыков чтения по сравнению с адаптированными текстами и повышения уровня мотивации к изучению иностранного языка. Изучающие английский часто говорят, что чтение, которое является важной частью изучения языка, скучно и сложно. Эта проблема может быть результатом некорректной практики чтения на иностранном языке.

Ключевые слова: аутентичность, аутентичные материалы, навыки чтения, стратегии чтения, жанры чтения

UDC 374.1

<https://doi.org/10.25076/vpl.40.06>

Ernazarov D. Z.

Tashkent State University of Economics,

Avilova Kh. N.

Uzbek State University of World Languages,

Gulyamova M. Kh.

Uzbek State University of World Languages

DESIGNING AUTHENTIC READING MATERIALS TO SUIT LOCAL CONTEXT IN UZBEKISTAN

What teaching materials are relevant to develop reading skills of my students? Can every Internet resource or course book be used in all classrooms? Should materials meet national standards of a particular country? Teachers usually face the reality while selecting resources to

use in their teaching. Teaching materials are an indispensable tool in the majority of language classrooms.

This paper gives an overview of reading materials and the selection of authentic materials for designing reading tasks in the English as a foreign language classroom in Uzbekistan. It also seeks theories that support the efforts in developing culturally and locally appropriate EFL reading materials. This article proposes a method of using authentic materials in teaching students a foreign language. The main criteria for the selection of authentic materials in accordance with the purpose and objectives of learning are identified, and the advantages of their use for the development of reading skills in comparison with adapted texts and an increase in the level of motivation for learning a foreign language are analyzed. English learners often say that reading, which is a vital part of language learning, is boring and difficult. This problematic situation may be the result of improper EFL reading practice.

Keywords: authenticity, authentic materials, reading skills, reading strategies, reading genres

Introduction

One of the important goals of modern foreign language teachers is to prepare students for the use of a foreign language in real situations of every day and professional life. In this regard, teachers are constantly in search of suitable materials that are effective in teaching a foreign language. This often forces teachers to think about the fact whether it is enough to use materials from textbooks specially issued for learning a foreign language in the classroom, or whether there is a need to use authentic materials to develop and improve students' various speech skills, especially reading skills.

After gaining independence in 1991, there have been turning changes in the education system of Uzbekistan. Many documents were approved by the government to enhance teaching foreign languages at all stages of education throughout the country. Much effort is paid to creating teaching materials that provide C1 level of Common European Competence in Higher Educational Establishments of Foreign Language Specialties. On the basis of this, several local resources were created for primary and secondary schools and they have been used widely in the field of language teaching (Juraev, 2005; Xan, 2018).

Method

The article uses chronological and systematic periodic data, comparative and quantitative methods. More than ten scientific papers on the topic are used to address the issue of designing authentic reading materials to suit local context in Uzbekistan. In addition, the researcher used different materials to collect data related to the study.

However, teachers need to know effective ways to create, adapt and select appropriate language teaching materials to suit local context. There has been done nearly no research in material development, however, very little research was carried out on the theory of text analysis in Uzbekistan: such as M.D. Daniyeva (2017), N.A. Tukhtahkodjaeva (2017), U.R. Yuldoshev (2017).¹

In her dissertation, M.D. Daniyeva defined the conceptual bases of semantic functional, derivational and text forming features of substantive phrases. Besides, the text forming features of the English phrases and their place in the process of text coherence, the expressive functions of the English Phrases in communicative-pragmatical content are defined. N.A. Tukhtahkodjaeva's research work studied the representation of English and Uzbek universal and national linguaculturems in literary translation and in translations of linguaculturems verbalized by English and Uzbek stylistic devices, the role of using varied ways of translation such as analogy, equivalence and description, has been proved. U.R. Yuldoshev provided the research on peculiarities of stylistic devices and national-cultural lexical units in translation of the Uzbek national anecdotes into the English language. The research work has clarified that metaphor, metonymy, irony, hyperbole, personification, allusion stylistic devices are actively used in Uzbek national anecdotes and the techniques of translating these stylistic devices into English were worked out. These

¹Daniyeva, M.D. (2017). *Derivational-functional and text forming features of substantive phrases in English*. (Doctoral dissertation abstract, Uzbekistan, Tashkent). Tukhtahkodjaeva, N.A. (2017). *Representation of linguaculturems in literary translation (on examples of the English and Uzbek languages)*. (Doctoral dissertation abstract, Uzbekistan, Tashkent). Yuldoshev, U.R. (2017). *Linguostylistic and linguocultural peculiarities of translation of humorous texts (on examples of Uzbek national anecdotes translated into English)*. (Doctoral dissertation abstract, Uzbekistan, Tashkent).

works analyzed authentic materials in both English and Uzbek languages to some extent, however, they are not directly related to material selection and development.

Discussion

Authentic reading material selection and development

In this section, characteristics of authentic materials, features of good textbooks, necessity of culturally acceptable materials, and challenges of using authentic materials have been discussed.

Defining authentic materials

What are characteristics of authentic materials? There are many opinions about the meaning of authentic materials. Marrow defines authentic material as a “stretch of real language, produced by a real speaker or writer for a real audience and designed to carry a real message of some sort” (Brown, 1991, p.52). J.Swaffar says that “an authentic text, oral or written, is one whose primary intent is to communicate meaning” (Swaffar, 1985, p.132). B.Tomlinson says “an authentic text is one which is produced in order to communicate rather than to teach. . . . The text does not have to be produced by a native speaker and it might be a version of an original which has been simplified to facilitate communication” (Tomlinson, 2012). E.Zyzik and Polio defined authentic materials as “those created for some real-life purpose other than language learning, and often, but not always provided by native speakers for native speakers” (Zyzik & Polio, 2017). D.Nunan said authentic materials help students learn and use the foreign language more indicatively (Nunan, 1991).

We can assume that authentic materials are natural or “real life” which are not intentionally produced for teaching. Their main objective is to communicate meaning and information. However, it is important to point out that it is acceptable to adapt an authentic reading material in case of necessity to match the local context.

In other words, authentic materials help bridge the gap between the language taught in the classroom and the language in which people communicate in various real-life situations. Authentic texts are essential language learning materials that students want to understand while traveling, studying abroad, participating in international conferences, or other situations that require language use. Taking into account the fact that authentic texts are created not for the purpose of learning a language, but for completely different purposes, it is

necessary to correctly select authentic texts for teaching a foreign language. As a source of "real" language, authentic materials can be inappropriate to study and contribute to a decrease in student motivation to learn FL. There are original texts taken from newspapers, magazines, television programs, films, songs, and literary works. Also, at present, materials from the global Internet are often used, the indisputable advantage of which is regular updating, visual attractiveness and interactivity, which provides a different approach to reading. From a practical point of view, the Internet as a modern reality is accessible to most students and teachers and provides easy access to an endless amount of materials. Moreover, it is often two to three times more expensive to purchase authentic materials abroad, and sometimes the quality of these materials may be lower than expected. Nevertheless, searching and downloading resources from the Internet, especially with unlimited access to the network, is practically free and requires only time.

Relevant characteristics of textbooks

There are certain characteristics which must be taken into account while designing or selecting a textbook. If analyzed, all textbooks have the elements of effective teaching materials to some extent.

B. Tomlinson outlines the characteristics of good teaching materials as follows: materials should produce impact; materials should help learners to feel at ease; materials should help learners to develop confidence; learners should perceive learning materials as relevant and useful; materials should require and facilitate learner self-investment; learners must be ready to acquire what is being taught; the learners' attention should be drawn to linguistic features of the input; materials should provide learners with opportunities to use the target language to achieve communicative purposes, through meaningful, realistic interaction; materials should consider the positive effects of instruction to be delayed, thus incurring comprehension; materials should take into account that learners differ in learning styles; materials should deliberate that learners differ in affective attitudes; materials should permit a silent period at the beginning of instruction; materials should maximize learning potential by encouraging intellectual, aesthetic and emotional involvement which stimulates both right and left brain activities; materials should not rely too much on controlled practice; materials should provide opportunities for outcome feedback

(Tomlinson, 1998).

J.Howard and J.Major point out some principles for developing good materials to be used in teaching and learning English: English language teaching materials should be contextualized; materials should stimulate interaction and be generative in terms of language; English language teaching materials should encourage learners to develop learning skills and strategies; English language teaching materials should allow for a focus on form as well as function; English language teaching materials should offer opportunities for integrated language use; be authentic; they should link to each other to develop a progression of skills, understandings and language items; English language teaching materials should be attractive; should have appropriate instructions; be flexible (Howard & Major, 2004). A.Cunningsworth emphasizes the importance of materials in language teaching as: a resource for presentation materials; a source of activities for learner practice and communicative interaction; a reference source for learner on grammar, vocabulary, pronunciation etc.; a source of stimulation and ideas for classroom activities; a syllabus; and a support for less experienced teachers lacking self-confidence (Cunningsworth, 1995).

Certain characteristics of textbooks have been pointed out by other writers too. Judging by the given thoughts, good reading materials play a major role in supporting the teacher, as well as the learner. As textbooks or other reading materials are important resources in language learning and teaching, their appropriateness and effectiveness deserve much attention. Thus, experts' suggestions should be taken a serious consideration by every material designer to achieve a desired goal.

Necessity of culturally acceptable materials

Teachers have access to a great number of textbooks for developing English language skills published in USA and UK. They are sure to meet the demands of many educators and language learners as they have effective tasks aimed at enhancing all four language skills. On the other hand, these books contain native culture enriched materials which are sometimes are unacceptable to non-native learners of English.

The need to culturally appropriate materials and suitable to meet national standards can be felt enormously nowadays in many local contexts. This process involves centralized decision making by a

government looking for a unified system of language instruction. For example, in Uzbekistan, according to national requirements textbooks are designed for secondary and secondary specialized education and they are used as a main resource all over the country. Let us first look at course books created for primary and secondary schools in Uzbekistan to see what opportunities they provide for learning.

“Kids’ English” (Xan, 2018) pack has been created by the initiative of the Resolution # 1875 of the President of the Republic of Uzbekistan on 10 December 2012 “About the measures on further development of foreign language teaching and learning system”. It is intended for primary classes (1-4 classes) of English and consists of a Pupil’s Book, Workbook, Multimedia DVD and Teacher’s Book.

Kids’ English aims to help pupils develop the four Language Skills: listening, speaking, reading and writing. There is an emphasis on teaching Modern English for Communication so special attention is paid to speaking and listening, which in the past have often been neglected. Young learners also create good foundation in Vocabulary, Grammar and Pronunciation so these are also developed systematically. The vocabulary in the textbook has been chosen and organized according to topics, and grammar is learnt as an integral part of communication.

“Fly High” (Juraev, 2005) is a series of books for secondary classes of English. It provides materials for up to 102 hours of study for 1 academic year, and arranged in a flexible way to cater for faster and slower classes. Books are divided into 9 units which cover Year 5,6,7,8, and 9. Fly High follows the State Educational Standards and syllabus for foreign languages that were developed and approved by the Scientific Methodical Council on Foreign Languages in February 2013.

Fly High aims to help pupils develop the four Language Skills: reading, listening, speaking and writing. There is an emphasis on teaching Modern English for Communication so special attention is paid to speaking and listening, which in the past have often been neglected. The purpose is to enable pupils to translate from a foreign language into mother tongue and to support language learning as many people learn well through contrasting languages they know.

Fly High encourages a learner-centered approach to teaching. So the learner-centered methodology used in Fly High aims to put the pupils – the learners - at the centre of most things that happen in the classroom.

For this reason Fly High contains many activities, exercises, debates, projects and games, which encourage pupils to use the new language naturally through working in pairs or in groups.

When selecting relevant reading materials for tertiary education for English as a Foreign Language (EFL) in Uzbekistan, teachers, as a rule, choose the resources given in the syllabus of the subject or suggested by experienced language teachers and experts. Suggested books for the first and second year students are “Skilful” set for reading and writing (Rogers & Wilkin, 2017); “Academic Skills: Reading and Writing” (Zemach & Rumisek, 2003); “Select Reading” (Lee & Gundersen, 2013). For experienced teachers, this freedom might be preferred, whereas novice teachers are sometimes troubled with their choices. In some cases, a group of teachers collaboratively search, evaluate, and select books for piloting or use as primary texts. All these books cater the needs of language teachers and learners, as the level is appropriate, the activities are meaningful, and the materials are helpful for the students to reach the desired objectives, however, the cost of these books is relatively high in comparison to local resources.

It is crucial to develop, select reading materials that are appropriate for students in Uzbekistan, where students are exposed to texts given in well-designed books like “Skillful”, “Reading and Writing”, “Select Reading” etc., that motivate learners to learn foreign languages and their culture, with the help of varied and meaningful tasks. They promote interaction and most of the topics appear to be interesting for students. Moreover, they are created on the basis of CEFR guidelines and enable learners to enhance reading strategies. The language teachers ought to try to find the best ways to design, select, and adapt reading materials and teach students to prepare to read “real life” texts.

Challenges of using authentic materials

There are a lot of theories that language teachers should be familiar with and take into consideration while teaching reading skills. One of the most common challenges shared by almost all the participants is materials are difficult to read, and learners struggle when asked to read in class. The difficulty can be caused by the lack of vocabulary knowledge that students have especially in the low-level English classes. Another reason is that these materials are beyond students’ proficiency levels. Students have a sense of frustration when working on a difficult text. In most cases, this feeling can lead students to give

up reading. Judging by this, text difficulty is one of the challenges of using authentic materials. Most of our students consider that some of the articles that are beyond their proficiency levels inhibit their motivation to read causing a sense of frustration. Other challenges that faced when reading daily newspapers, internet articles, scientific articles, blogs, instructions in class is the grammatical constructions and grammar rules which some students have not been introduced before. Below opinions of various authors about the challenges of authentic material have been reviewed.

Careful planning, selection and sequencing of materials and tasks are recommended when using authentic materials (Krashen & Terrel, 1983). He also summarizes challenges associated with using authentic materials:

- The cultural content may seem too unfamiliar.
- The content may become obsolete too quickly.
- The language may be too difficult.
- The vocabulary may be too specialized.
- The grammar structures may be too complex.
- The preparation may require too much time (Widdowson, 1978).

Can these challenges be overcome effectively? In our teaching practice, we took the following steps to prepare reading materials for EFL university students. In accordance with the syllabus, firstly, selection of locally and culturally appropriate authentic material is vital. Next, it requires adaptation process so that the level of the text should match the level of proficiency of learners. When you are sure that the text is motivating, relevant and useful, you can work on the task design taking into account characteristics and learning styles of your audience of readers. Finally, you may ask an evaluative, constructive feedback from your learners as well as colleagues to make further improvements in the material design stage. All in all, the use of carefully selected authentic materials makes lessons fruitful for learners. According to Krashen's Input Hypothesis, it is supported to use locally relevant authentic materials. Krashen and Terrell state that acquisition occurs when learners are able to comprehend challenging input and that comprehension is aided by clues related to the situation and context, among other factors. Their notions have implications for the EFL

classroom: you need to make the input comprehensible but challenging, and the input should also be engaging, interesting, and relevant. In addition, you need to facilitate activities that promote a constant flow of comprehensible input and meaningful communication (Krashen & Terrel, 1983).

Obviously, input plays an important role in EFL classrooms, the use of locally relevant authentic materials enhances learners' proficiency. In our teaching practice, according to the PRESETT syllabus, it is recommended to focus on topics such as "Uzbekistan and the World", "Work and Business", "Environment", "relations", "Cross-cultural communication", "Mass Media", "Ethical Issues in Medicine, Science and Technology", "Education", "Social Issues" that are relevant to our local context; in addition, it is a nice idea to choose two reading materials where learners are engaged in developing analytical and critical thinking tasks. One of these passages should be about your own country and the second one about a country which language your students are learning.

English Methodist Michael West (1886-1973) created his own methodological system, which had a great influence on the subsequent development of teaching methods for reading. He developed his system in the 20-30s of the XX century. For a mass school in Bengal (India) and described in the book "Learning to Read and Foreign Language", as well as in a whole series of graduated textbooks-textbooks for reading in English. M. West distinguished two types of reading: observational and search, or sliding fluent. The essence of the first is that the reader fixes his attention on every or almost every word. The second kind of reading is reading with a wide scope of content, when the reader is looking for information. This kind of reading, according to M. West, is the main goal of teaching. It is important to note that M. West was the first to determine the volume of unfamiliar vocabulary in the texts of anthologies: one word for 50-60 consecutive words of the text. In his opinion, in this case, unfamiliar words will not interfere with the reading process. M. West's undoubted merit is that he created a complete system of benefits that can serve as a model. He clearly defined the types of reading, substantiated the requirements for texts, but perhaps the greatest theoretical significance of M. West's method is that he first considered the text as a material for reading and understanding the content. All this undoubtedly enriched the world

methodology. It is advisable to consider reading at a university as an independent type of activity, where reading should take a special place in order to extract basic information from the texts being read. When selecting, it is necessary to take into account the content of the texts, the novelty and practical significance of the information available in them. It's no secret that quite often (especially in junior courses) students work with texts whose content goes beyond their interests and needs. This leads not only to a decrease in the motivation for learning, but also to the loss of the meaning of reading itself as a type of speech activity. In addition, practice shows that in the new conditions of teaching foreign languages, more attention is paid to oral speech.

Selection of authentic materials

In this section, genres of written texts, reading strategies, and prediction of the suitability of the reading materials have been discussed.

Genres of written texts

Choosing texts that contain aspects interesting for students and can be related to their social context, their feelings, or the world they have created makes reading effective for them. There are a number of different types or genres of written texts, the components of reading ability. Each genre of a written text has its own set of governing rules and conventions. A reader must be able to anticipate those conventions to process meaning efficiently. With an extraordinary number of genres present in any literate culture, the reader's ability to process texts must be very sophisticated (Brown, 1991). H.Brown divides text types into three commonly used genres. They are shown in the table below:

#	Genres	Text types
1.	Academic reading	General interest articles (in magazines, newspapers, etc.) Technical reports (e.g., lab reports), professional journal articles Reference material (dictionaries, online encyclopedias, etc.) Essays, papers Test directions Editorials and opinion writing

2.	Job-related reading	Messages (e.g., phone messages) Letters/e-mails Memos (e.g., interoffice) Reports (e.g., job evaluations, project reports) Schedules, labels, signs, announcements Forms, applications, questionnaires Financial documents (bills, invoices, etc.) Directories (telephone, office, etc.) Manuals, directions
3.	Personal reading	Newspapers and magazines Letters, e-mails, greeting cards, invitations Messages, notes, lists, blogs Schedules (train, bus, plane, etc.) Recipes, menus, maps, calendars Advertisements (commercials, ads) Novels, short stories, jokes, drama, poetry Financial documents (e.g., checks, tax forms, loan applications) Forms, questionnaires, medical reports, immigration documents Comic strips, cartoons

Table 1. Reading genres

Different genres of a text require a different strategy to understand the content of the reading. If, for example, readers know that the text type is an instruction of medicine, they will expect information about the usage, dosage, directions and etc. All these genres can be sources of authentic materials for teachers to design reading tasks or choose appropriate reading materials.

Reading strategies

Aside from reading genres it is crucial to focus on reading strategies for comprehension of authentic reading materials. The following table

shows the principal strategies for reading comprehension according to D. Brown (Brown, 1991):

1. Identifying your purpose in reading a text2. Applying spelling rules and conventions for bottom -up decoding3. Using lexical analysis (prefixes, roots, suffixes, etc.) to determine meaning4. Guessing at meaning (of words, idioms, etc.) when you aren't certain5. Skimming the text for the gist and for main ideas6. Scanning the text for specific information (names, dates, key words)7. Using silent reading techniques for rapid processing8. Using marginal notes, outlines, charts, or semantic maps for understanding and retaining information9. Distinguishing between literal and implied meanings10. Using discourse markers (e.g., "in addition", "however," "nevertheless", etc.) to process relationships

Table 2. Strategies for reading comprehension

Prediction of suitability

Reading activities should be meaningful enough to have students work on the language. According to Ausubel's theory people keep in their long-term memory aspects which are meaningful to them, but fail to remember at a certain point those which were not significant (Brown, 1991). Thus, if we teach students skimming a text, but they do not know why this strategy is used, and the text is not interesting or not suitable for their age, gender, and level, students might not remember how to skim a text. Creating a meaningful context is essential for students to internalize the language, make learning easy and enjoyable.

After evaluation locally available course books for primary and secondary schools, and resources in use at tertiary education, we summarized the suitability of the reading text types for different levels of learners and reading strategies' development. Table 3 shows the developed reading strategy, genre and the appropriate level of the reading material.

№	Source	Developed Reading Strategy	Genre	Level
1	Articles (in magazines, newspapers, etc.)	1) Scanning and skimming 2) Extensive reading 3) Reading between lines	Academic reading	B1; B2; C1; C2
2	Technical reports (e.g., lab reports), professional journal articles	1) Making notes 2) Analyzing the features of the text 3) Finding organizational patterns	Academic reading	B2; C1; C2
3	Reference material (dictionaries, online encyclopedias, etc.)	1) Use silent reading techniques for rapid processing; 2) Using context to find meaning	Academic reading	A2; B1; B2; C1
4	Test directions	1) Making judgements 2) Finding signal words		A2; B1; B2; C1
5	Editorials and opinion writing	1) Use silent reading techniques for rapid processing 2) Making notes 3) Most/least important ideas 4) Drawing conclusions	Academic reading	B1; B2; C1; C2

6	Messages (e.g., phone messages) Letters/e-mails Memos (e.g., interoffice)	1) Scanning and skimming 2) Analyzing the features of the text 3) Finding organizational patterns	Job-related reading	B1; B2; C1; C2
7	Reports (e.g., job evaluations, project reports) Schedules, labels, signs, announcements	1) Making notes 2) Scanning and skimming 3) Using context to find meaning	Job-related reading	B1; B2; C1; C2
8	Manuals, directions	1) Guess at meaning when you aren't certain 2) Scanning and skimming 3) Use silent reading techniques for rapid processing 4) Making notes	Job-related reading	B1; B2; C1; C2
9	Newspapers and magazines	1) Analyzing the features of the text 2) Finding organizational patterns 3) Making notes	Personal reading	B1; B2; C1; C2
10	Letters, e-	1) Most/least	Personal	B1;

	mails, greeting cards, invitations	important ideas 2)Finding organizational patterns	reading	B2; C1; C2
11	Messages, notes, lists, blogs	1)Extending vocabulary 2)Scanning and skimming 3)Making notes	Personal reading	B1; B2; C1; C2
12	Schedules (train, bus, plane, etc.)	1)Finding signal words 2)Finding organizational patterns 3)Making notes	Personal reading	A2; B1; B2; C1; C2
13	Recipes, menus, maps, calendars	1)Skimming and scanning 2)Using context to find meaning 3)Making notes 4)Drawing conclusions	Personal reading	A2; B1; B2; C1; C2
14	Advertisements (commercials, ads)	1)Most/least important ideas 2)Drawing conclusions	Personal reading	A2; B1; B2; C1; C2
15	Novels, short stories, jokes, drama, poetry	1)Reading between the lines to find meaning 2)Most/least important ideas 3)Visualizing	Personal reading	A2; B1; B2; C1; C2
16	Financial	1)Finding	Personal	B1;

	documents (e.g., checks, tax forms, loan applications)	signal words 2)Sorting ideas using concept map 3)Finding organizational patterns	reading	B2; C1; C2
17	Forms, questionnaires, medical reports, immigration documents	1)Drawing conclusions 2)Finding signal words	Personal reading	A2; B1; B2; C1; C2
18	Comic strips, cartoons.	1)Visualizing 2)Scanning and skimming 3)Activating prior knowledge 4)Making inferences	Personal reading	A1; A2; B1; B2; C1; C2

Table 3. Results of the evaluation

From the above table we inferred that reading different authentic texts should be selected taking into consideration learners' age, level, interest in reading genres and most importantly strategy development.

Results of the needs analysis obtained from the instrument applied

In order to choose the most appropriate reading materials for EFL students, we carried out a needs analysis survey to find out what students like and need to read in their target language. In this way, the material will be created considering students' real interests and needs. The instrument was applied to UzSWLU (Uzbekistan State University of World Languages) students who were taking reading courses required for their major. The students' ages range between 18 and 28 years, with 55 male and 195 female students for a total of 250 survey.

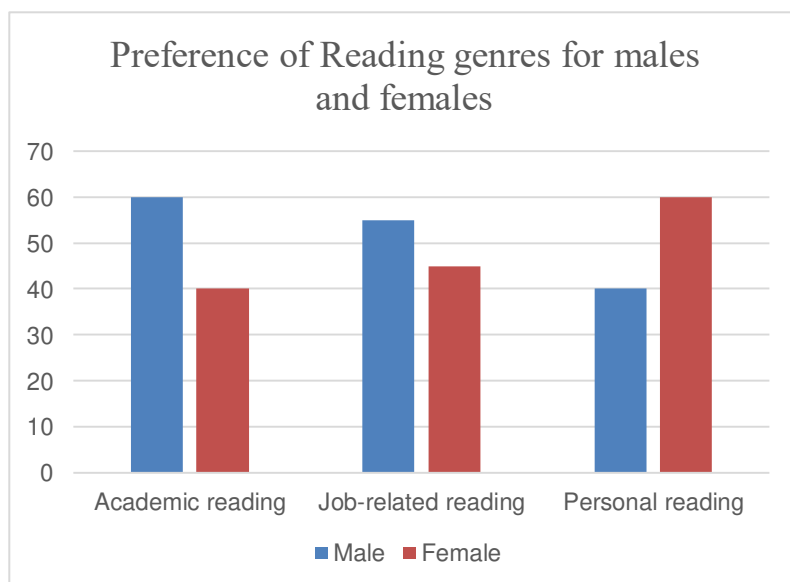
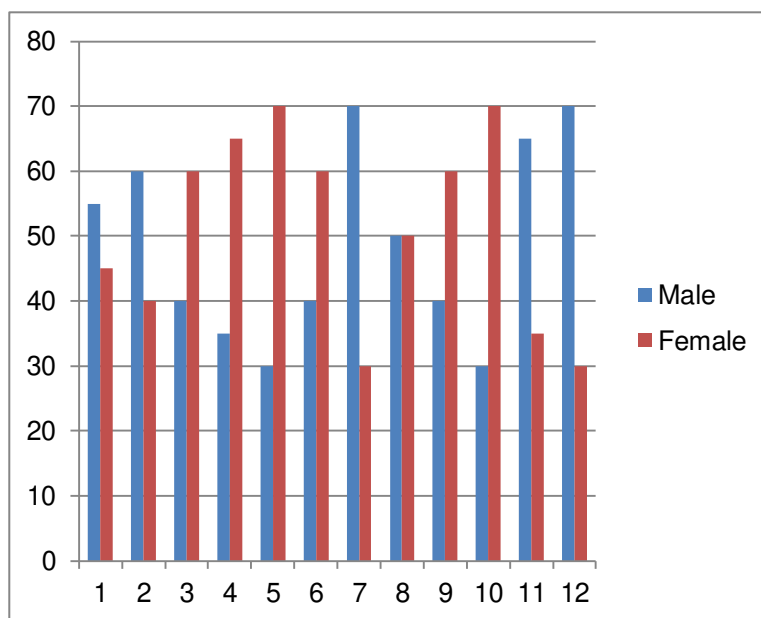

Chart 1. Preference of reading genres by male and female EFL students

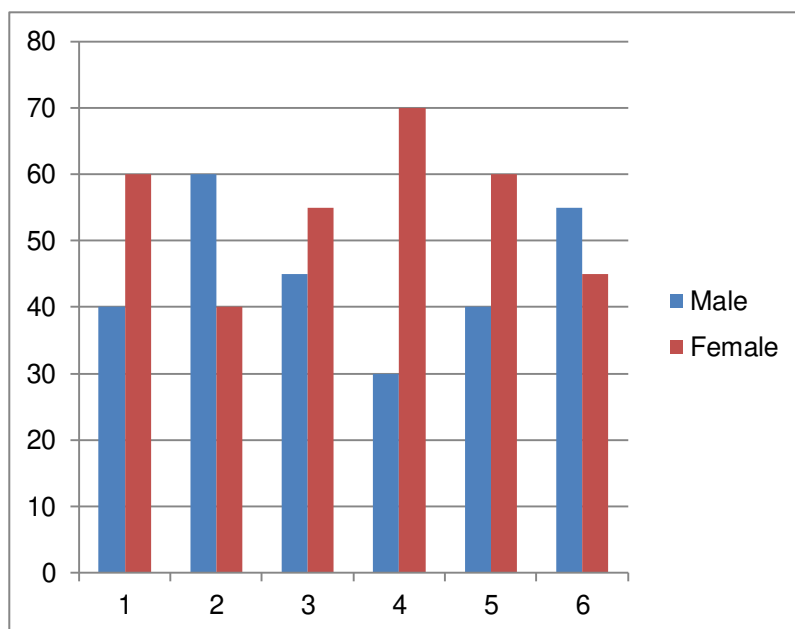
These results show that male students do like academic and job related reading genres rather than personal reading, however, female students are fond of personal reading genres.

In order to get more detailed information about learners' preferences, we analyzed each genre separately. We supposed this will help us to chose the most suitable text types where the most of the students belong to the same gender and similar tastes. The following graphs show the information collected from both genders to identify preferable types of texts in each genre.

*Chart 2. Results obtained from both females and males together.
 Texts of preference for males and females (Personal reading)
 Types of texts: 1. newspapers and magazines. 2.messages. 3. notes.
 4.blogs. 5.recepies. 6. menus.7.maps. 8.advertisement. 9.novels.
 10.short stories. 11.jokes. 12.forms.*

The graph presented above clearly shows that male students' top favorites in terms of personal reading are maps, forms, jokes, newspaper and magazines, whereas, female students like to read recipes, short stories, blogs, notes, menus and novels.

*Chart 3. Results obtained from both females and males together.
 Texts of preference for males and females (Academic reading)*

Types of texts: 1. general interesting articles. 2. professional journal articles. 3. reference materials. 4. essays. 5. papers. 6. test directions

The graph presented above clearly show that male students' top favorites in terms of personal reading are maps, forms, jokes, newspaper and magazines, whereas, female students like to read recipes, short stories, blogs, notes, menus and novels.

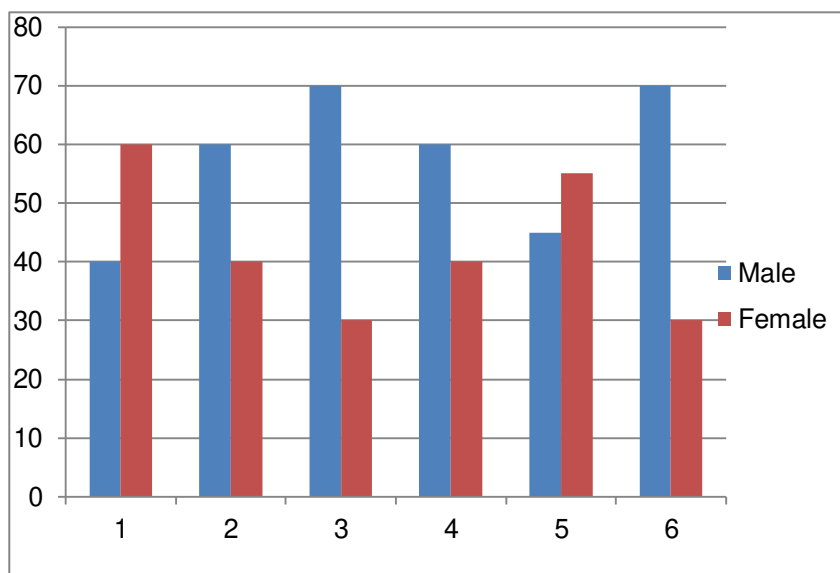
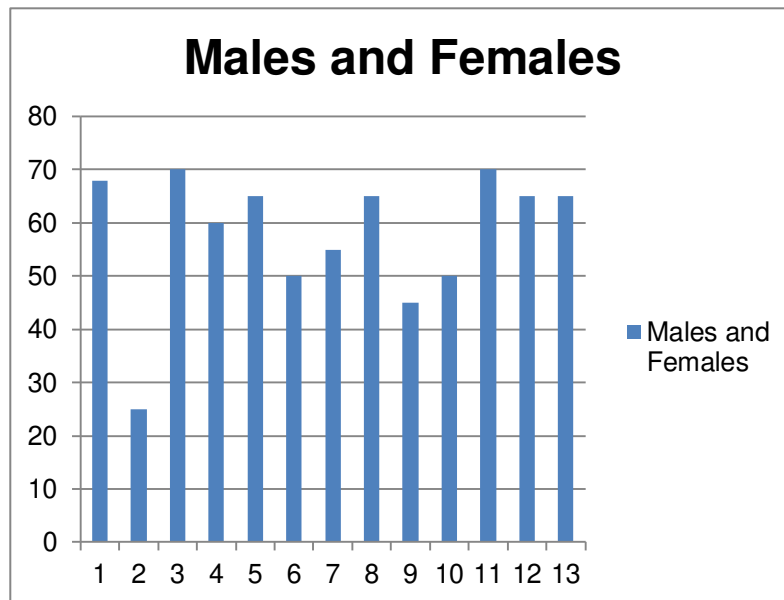

Chart 4. The graph shows the results obtained from both females and males together.

*Texts of preference for males and females (Job-related reading)
Types of texts: 1. Messages; 2. emails; 3. schedules; 4. announcements; 5. manuals; 6. directions*

This graph shows that schedules and directions are most favorite types of job-related reading for male students, whereas, emails, manuals are preferable ones for female students.

After analyzing male and female students reading text types' preferences, we decided to get a clear picture of suggested text types of reading materials in the reading syllabus at Uzbekistan State University of World Languages. We included all the text types in the survey questions in order to know whether the students are receiving enough input reading their favorite text types, and feeling motivated.

*Table 4. Results obtained from both females and males together.
 Texts EFL 1st and 2nd year students need to read
 Types of texts: 1.newspapers and magazines; 2. recipes;
 3.professional journal articles; 4. reference materials; 5.manuals;
 6.directions; 7.short stories; 8. blogs; 9. schedules; 10. papers;
 11.novels; 12. form; 13. notes.*

These results suggest that students do like reading nearly all the text types included in the reading syllabus, particularly, articles in newspapers and magazines, professional journal articles, novels, various forms, notes, manuals, blogs and reference materials.

Conclusion

This study shows that authentic and culturally relevant materials play a vital role in teaching a foreign language. They can be very interesting and motivating to the language learners. Authentic materials contribute much to EFL teaching and learning when the materials are selected with sensitivity to the local context, and when they are used to communicate meaning and information. In this regard, we would like to highlight that in order to suit the proficiency level of students it is

acceptable to adapt an authentic text, if needed. Preference of students is also very important in selection of reading materials. Carefully chosen authentic materials will increase learners' motivation and make learning process enjoyable as well. The strategies, genres discussed in this paper are just a few among many of the possibilities teachers can use as a basis for creating new tasks or adapting ready-made materials for use in their classroom. Undoubtedly authentic materials assist our students to become more active, and they can be used to improve overall language proficiency.

It is important to develop materials which are suitable for Uzbekistan students, where students get the opportunity to read "real life" texts and learn how to understand them. We must do our best to find appropriate materials and teach our students focusing on their preferences and needs. We must work continuously to create useful materials and contribute much to the field of language learning and teaching in order to enhance the quality of education in our country.

Литература

1. Brown H. D. Human Learning: Language Learning and Teaching. – N. J.: Prentice Hall Regents, 1994.
2. Brown H. D. Language assessment: principles and classroom practices. – N. Y.: Pearson Education, 1991.
3. Cunningsworth A. Choosing your Coursebook. – L.: Macmillan, 1995.
4. Howard J., Major J. Guidelines for designing effective English language teaching materials. – 2004. Режим доступа: <http://www.paaljapan.org/resources/proceedings/PAAL9/pdf/> (дата обращения 17.11.2020)
5. Juraev L. and others. Fly High. – Tashkent: Oqituvchi, 2005.
6. Krashen S., Terrell T. The natural approach: Language acquisition in the classroom. – H: Alemany, 1983.
7. Lee L., Gundersen E. Select reading. Intermediate. – Oxford: Oxford University Press, 2013.
8. Nunan D. Language teaching methodology: A textbook for teachers. – Ed.: Longman, 1991.
9. Rogers L., Wilkin J. Skillful. – Macmillan Academic Skills, 2017.

10. Swaffar J. K. Reading authentic texts in a foreign language: A cognitive model // *The Modern Language Journal*. – 1985. – Vol. 69 (1). – Pp. 16-34.
11. Tomlinson B. *Materials Development in Language Teaching*. – C.: Cambridge University Press, 1998.
12. Tomlinson B. *Materials Development for Language Learning and Teaching*. – C.: Cambridge University Press, 2012.
13. Widdoson H.G. *Teaching Language as Communication*. – Oxford: Oxford University Press, 1978.
14. Xan S. and others. *Kids English*. – Tashkent: Oqituvch, 2018.
15. Zemach D., Rumisek L. *Academic writing*. – L.: Macmillan Education press, 2003.
16. Zyzik E., Polio C. *Authentic materials myths: Applying second language research to classroom teaching*. – MI: University of Michigan Press, 2017. Режим доступа: <https://doi.org/10.3998/mpub.7892433> (дата обращения 20.10.2020)

References

- Brown, H. D. (1991). *Language assessment: principles and classroom practices*. New York: Pearson Education.
- Brown, H. D. (1994). *Human Learning: Language Learning and Teaching*. New Jersey: Prentice Hall Regents.
- Cunningsworth, A. (1995). *Choosing your Coursebook*. London: Macmillan.
- Howard, J. & Major, J. (2004). Guidelines for designing effective English language teaching materials. Retrieved from <http://www.paaljapan.org/resources/proceedings/PAAL9/pdf/> (accessed 17.11.2020)
- Juraev, L., et al. (2005). *Fly High*. Tashkent: Oqituvchi.
- Krashen, S., & Terrell, T. (1983). *The natural approach: Language acquisition in the classroom*. Harward, CA: Alemany.
- Lee, L., & Gundersen, E. (2013). *Select reading. Intermediate*. Oxford University Press.
- Nunan, D. (1991). *Language teaching methodology: A textbook for teachers*. Edinburgh, Harlow, England: Longman.
- Rogers, L., & Wilkin, J. (2017). *Skillful*. Macmillan Academic Skills.
- Swaffar, J. K. (1985). Reading authentic texts in a foreign language: A

- cognitive model. *The Modern Language Journal*, 69 (1), 16-34.
- Tomlinson, B. (1998). *Materials Development in Language Teaching*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tomlinson, B. (2012). *Materials Development for Language Learning and Teaching*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Widdoson, H.G. (1978). *Teaching Language as Communication*. Oxford: Oxford University Press.
- Xan, S., et al. (2018). *Kids English*. Tashkent: Oqituvchi.
- Zemach, D., & Rumisek, L. (2003). *Academic writing*. Macmillan Education press.
- Zyzik, E. C., & Polio, C. (2017). *Authentic materials myths: Applying second language research to classroom teaching*. Michigan, MI: University of Michigan Press. Retrieved from <https://doi.org/10.3998/mpub.7892433> (accessed 20.10.2020)